По благословению
Высокопреосвященнейшего СИМОНА,
архиепископа Мурманского и Мончегорского

ВТОРЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Варзуга

К 590-летию Варзуги – первого русского поселения на Кольском Севере

с. Варзуга
Терский берег Белого моря,
7-8 августа 2009 года

Варзуга — первое русское поселение на Кольском Севере. Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Вторые Феодоритовские Чтения: под ред. иеромон. Митрофана (Баданина). –
Санкт-Петербург: Ладан – 300 с.: ил.

В сборник вошли материалы Вторых Феодоритовских Чтений, которые проходили 7-8 августа 2009 года в с. Варзуга.

Основное направление Выступлений – история Кольского Севера, духовное наследие наших предков, восстановление подлинной истории края.

ISBN 5-86983-099-0

© Издательство «Ладан», 2009

Мурманская и Мончегорская епархия Московского Патриархата
Епархиальная Комиссия по канонизации святых
Терское Благочиние Мурманской и Мончегорской епархии
Администрация МО сельского поселения Варзуга
Дирекция рыболовецкого колхоза села Варзуги

ВАРЗУГА — ПЕРВОЕ РУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

ВТОРЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции

ЛАДАН
С.-Петербург
2009

Краткое жизнеописание **ПРЕПОДОБНОГО ФЕОДОРИТА, ПРОСВЕТИТЕЛЯ КОЛЬСКОГО**

Великий подвижник Крайнего Севера преподобный Феодорит Кольский родился в Ростове Великом в 1481 году. С малолетства обучался книжному слову и языкам в монастыре при ростовском архиерейском доме. Двенадцатилетним отроком Феодор (имя, данное Феодориту при Крещении) приходит на Соловецкий остров, чтобы стать послушником в монастыре. Через год, после принятия монашеского пострига, Феодорит отправлен в монастырский Шуэреченский скит на семнадцатилетнее послушание к иеромонаху Зосиме, старцу «святому, премудрому и многолетнему».

«Навыкнув всякой премудрости духовной» и укрепившись духом во время паломничества в северорусских монашеских обителях, Феодорит уходит в «лопарские пустыни». В 1519 году в окрестностях нынешней Колы он встречает пустынника Митрофана, который впоследствии станет преподобным Трифоном Печенгским. Вместе со старцем Митрофаном пребывают они около пяти лет в подвигах поста и молитвы, готовясь к евангельской проповеди среди местных лопарских народов. Митрофан удаляется для проповеди Евангелия в район реки Печенги, Феодорит же проповедует на берегах реки Нивы. В 1526 году он крестит местных лопарей и строит первую церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи.

В 1532 году Феодорит просвещает верой Христовой лопарей в районе рек Колы и Туломы, после чего строит здесь церкви Благовещения Пресвятой Богородицы и Святителя Николая Чудотворца.

К лету 1533 года Феодорит возвращается в Великий Новгород к святителю Макарию Новгородскому. Владыка рукополагает Феодорита во иеромонахи и избирает его своим духовником.

Два года спустя Феодорит на несколько лет отправляется в «заволжские пустыни» Кирилло-Белозерского монастыря, где занимается созданием лопарской письменности и переводами священных текстов на лопарский язык.

Около 1540 года Феодорит возвращается на Север. В устье реки Колы он основывает монастырь во имя Святой Троицы. В течение нескольких лет Феодорит просвещает лопарский народ, обучает лопарей грамоте. Монастырь этот становится центром христианской проповеди в Лапландии. Около 1542 года Феодоритом было явлено чудо одновременного крещения двух тысяч лопарей с женами и детьми. Старец также был духовным отцом и учителем преподобного Варлаама Керетского, которого благословил на небывалый трехлетний подвиг покаянного плавания в открытом море.

В голодном 1548 году в Свято-Троицком Кольском монастыре начались нестроения. Братия, не желавшая строгостей монастырского устава, на которых настаивал Феодорит, впадает в грех и изгоняет старца из обители.

Феодорит, «неволей» изгнанный из района Колы, созидает новый монастырь в Кандалакше и возглавляет его с 1548 по 1550 год. Этот монастырь известен в истории под именем «Кандалакшский, или Кокуев мужской монастырь».

Повелением царя Иоанна Грозного игумен Феодорит возводится в сан архимандрита и поставляется наместником в крупный Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале.

В 1556 году Иоанн Грозный избирает Феодорита, знатока греческого языка и «премудрого богослова», в качестве посланника ко Вселенскому Патриарху с задачей обосновать наследование титула «царя Московского» от римских кесарей и получить благословение на коронацию. Ответственейшее дипломатическое поручение Феодорит выполняет блестяще. Таким образом, получает официальный статус идея наследования Московским царством достоинства Византийской империи: «Москва – Третий Рим».

Последние четырнадцать лет своей жизни преподобный Феодорит проводит в «лопарских пустынях», духовно окормляя крещеный им лопарский народ и братию северных монастырей – Кандалакшского Рождества-Богородичного и Печенгского Свято-Троицкого.

Преподобный Феодорит, просветитель Кольский, сподобился завершить долгий и славный земной путь на месте своего пострига, в Соловецком монастыре. Девяностолетний старец был погребен близ южной стены Преображенского собора, о чем гласила надпись на белой могильной плите: «Лета 7079 (1571) августа 17 дня преставися раб Божий священно-архимандрит Суздальский Евфимиева монастыря, священноинок Феодорит, Соловецкий постриженик».

Материалы конференции

ВТОРЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Приветственное слово

Участникам Вторых Феодоритовских чтений архиепископа мурманского и мончегорского СИМОНА

Уважаемые участники Вторых Феодоритовских чтений!

Причина, по которой мы все собрались, здесь в этом древнем поморском селе – очень важна. Варзуга отмечает свое 590-летие и заявляет о себе, как о древнейшем поселении на Кольском Севере.

Надо сказать откровенно, историю нашего Края мы знаем явно не достаточно. И то, что здесь сегодня собралось столько уважаемых людей со всей нашей области – священников и мирян, историков, краеведов, ученых, свидетельствует о нашем намерении восстановить утраченное нами историческое знание, восполнить недостающие сведения, не только в области церковной истории, но и в истории Кольского Севера в целом.

Собравшиеся здесь, – люди пишущие – представители активной, творческой, интеллектуальной элиты нашего края. Надо заметить, что вообще для нашего Севера характерна высокая эпистолярная составляющая. У нас много талантливо пишущих людей. И эта встреча, все, что будет здесь говориться, конечно же, не пропадет втуне, станет достоянием нашей исторической науки. Вся информация, факты и сведения, представленные в докладах конференции непременно будут в дальнейшем отражаться в книгах, статьях, лекциях и выступлениях. То есть не пропадет, будет жить и станет частью нашего знания об истории Кольского Севера. Станет Преданием – этой важнейшей частью нашего земного бытия.

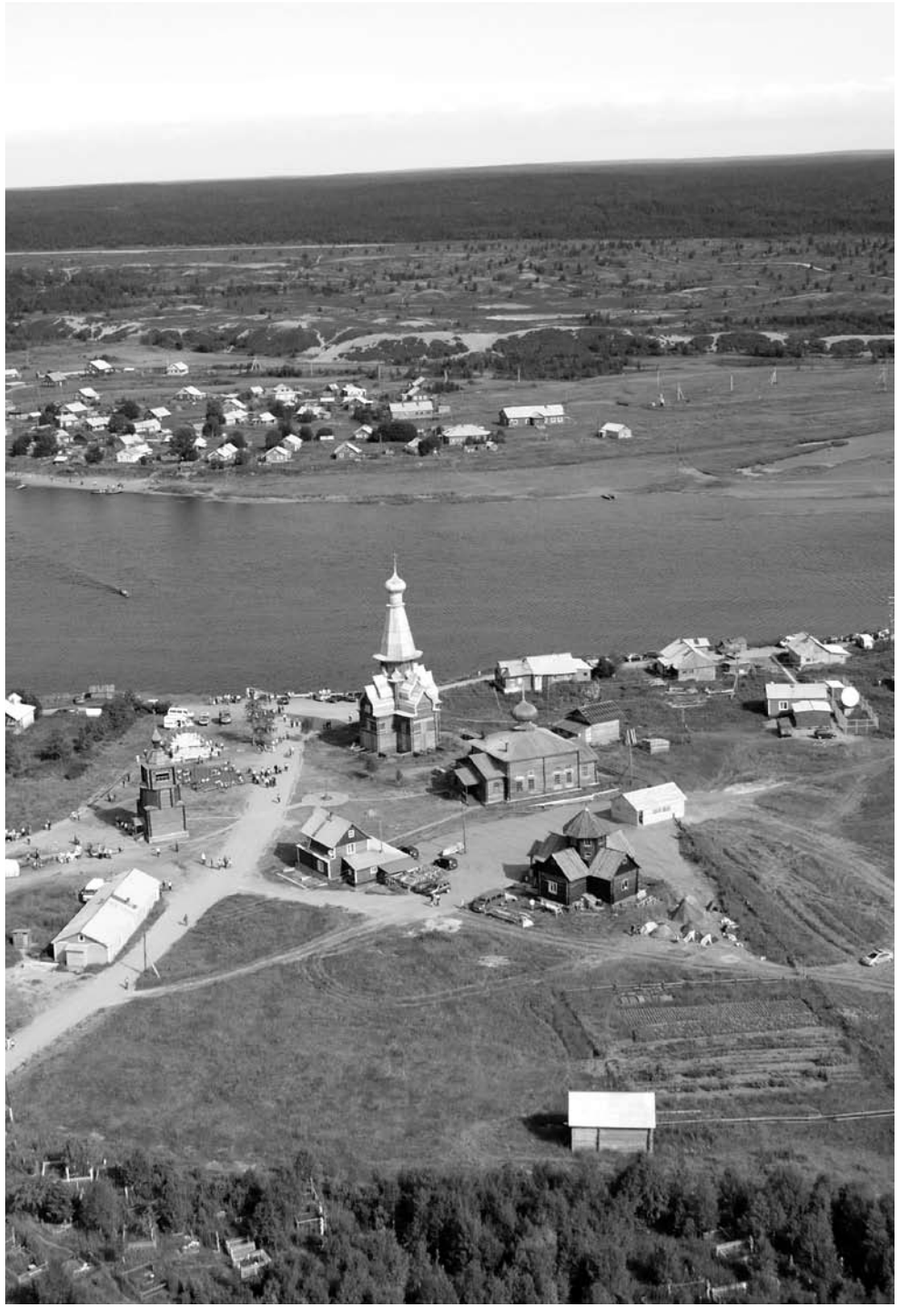
Хочу поблагодарить всех присутствующих, что нашли время для участия в этих Чтениях, и проделали весьма не малый путь в эту хоть и далекую, но столь гостеприимную Варзугу.

Помощи вам Божьей в вашей работе и да благословит Господь ваши труды!

Игумен МИТРОФАН (Баданин),
кандидат богословия, настоятель Успенского прихода села Варзуга,
Председатель комиссии по канонизации святых Мурманской епархии

I. Варзуга – старейшее поселение Кольского севера

II. Исторический путь формирования духовности и традиций



I. Варзуга – старейшее поселение Кольского Севера

Норвежские суда в Галогаланде. Давние мореходные традиции «мурманов» известны. На таких судах («бусах и шняках») и совершили они поход для разорения русских селений в 1419 году.

«Самый стародавний…»

«Самым стародавним пунктом водворения христианства в Лопской земле, кажется, можно считать берега реки Варзуги»[1], – такое мнение, высказал в середине XIX века известный писатель-исследователь Русского Севера Е. К. Огородников[2]. К этому заключению Евлампий Кириллович пришел в результате весьма обстоятельного исследования исторических документов и технического анализа различных списков знаменитой «Книги Большого чертежа». Проведенная работа позволила ему в какой-то мере реконструировать первоначальный текст этого уникального памятника, особенно, в части касающейся «Лапландского полуострова».

В настоящее время представляется возможным в полной мере оценить верность приведенного выше предположения уважаемого ученого и придать ему бесспорный характер.

Итак, на сегодня вполне можно утверждать, что самым первым, упомянутым в письменном источнике, постоянным христианским российским поселением на Варзуге, равно как и на всем Кольском Севере, является варзужский погост (скит) монахов Николо-Корельского монастыря. Сам же монастырь был основан во второй половине XIV века в устье реки Северная Двина преподобным Евфимием Корельским (†1435).

В 1419 году монастырский погост Корельский на реке Варзуге, равно как и Никольский Корельский монастырь, были уничтожены норвежцами. Об этом горестном событии повествует новгородская летопись: «В лето 6927 ... пришед Мурмане войною в 500 человек, в бусах и в шнеках, и повоеваша в Варзуги погост Корильскыи и в земли Заволочкои погосты: в Неноксе, в Корельском манастырь святого Николы, Конечный погост, Яковлю кюрью, Ондреянов берег, Киг остров, Кяр остров, Михаилов манастырь, Чиглоним, Хечинима; 3 церкви сожгли, а христиан черноризиць посекле, и заволочане две шнеки Мурман избиша, а инии избегоша на море...»[3].

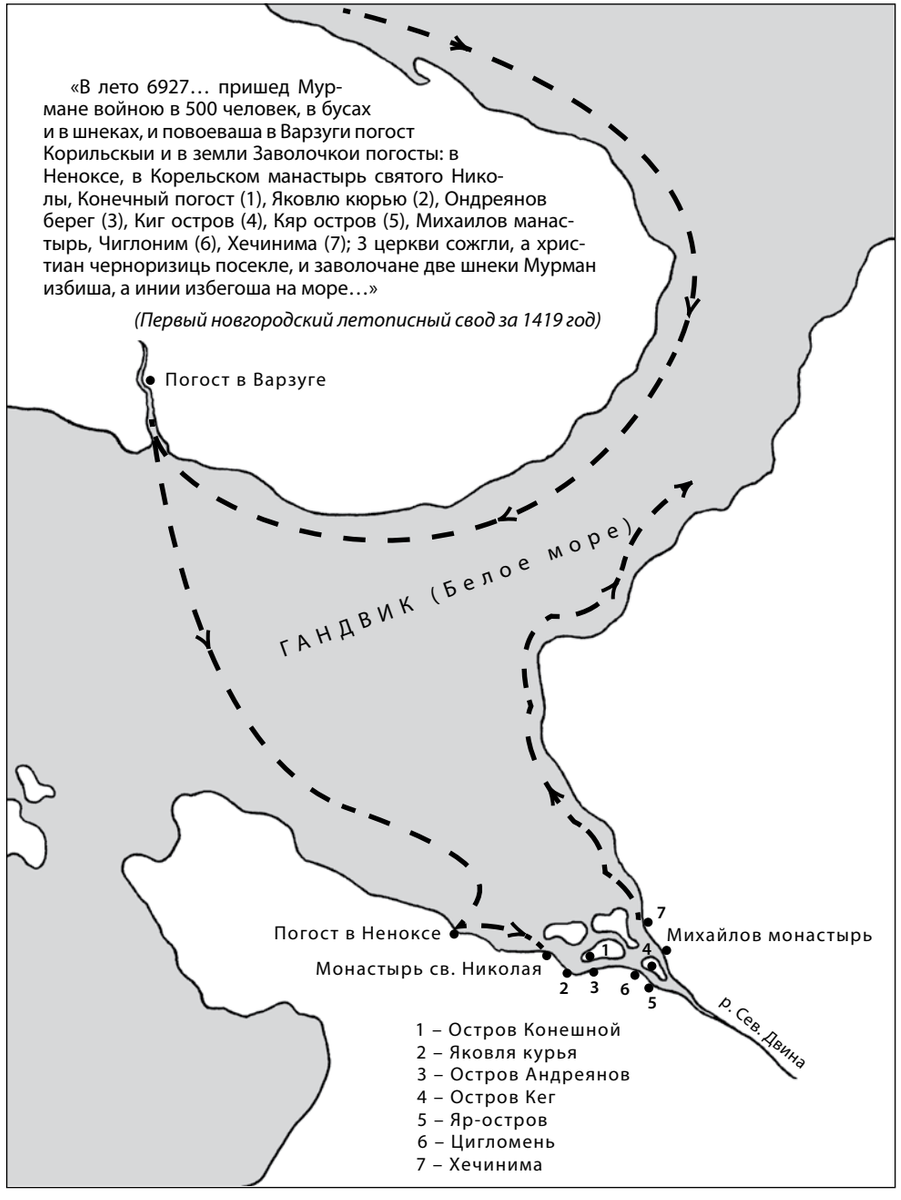
[1] Огородников Е. Мурманский и Терский берег по «Книге Большого Чертежа». СПб., 1896. С. 26.

[2] Огородников Евлампий Кириллович (1816 - 1884), действительный статский советник, член Имп. Русского Географического Общества, редактор «Ведомостей С.-Петербургской Городской Полиции», старший редактор Центрального Статистического Комитета, писатель-исследователь Сибири и Севера России.

[3] Первый новгородский летописный свод за 1419 год. Полное собрание русских летописей. Т.3. С. 108-109.

Карта 1

МАРШРУТ ДВИЖЕНИЯ «МУРМАНОВ»
при нападении на русские поселения
на Крайнем Севере в 1419 г.



Рассмотрим это летописное свидетельство о Варзужском поселении на предмет соответствия требованиям первого упоминания в письменном источнике. Традиционно только такая письменно зафиксированная информация может служить отправной точкой для установления даты основания любого поселения, в данном случае села Варзуги.

«Погост в Варзуге»

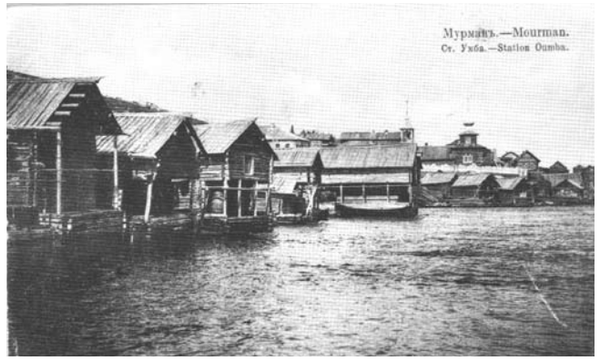
Для начала обратим особое внимание на формулировку приведенного сообщения: «повоеваша в Варзуги погост Корильскыи». В документе упомянуто именно поселение «Варзуга», и некий «Корильский» погост этого поселения. Не погост на **реке** Варзуге, как, например, в летописи 1377 года: «под Новым городком на Овле реке», или в другом документе: поселение «Сыренеск на Нарове» реке (летопись 1476 года), а именно Корильский погост Варзуги.

«Варзуга является древнейшим русским поселением на Кольском полуострове», – писал в 1974 году, патриарх истории Кольского Края, профессор Ушаков И. Ф.. Однако до настоящего времени за дату основания Варзуги, равно как и Умбы, был принят 1466 год, поскольку считалось, что первым письменным упоминанием поселения является «Данная» за этот год некоего «Тимофея Ермолинича»[4].

По своим филологическим формулировкам это признанное первым летописное упоминание Варзуги серьезно проигрывает от ныне рассматриваемого нами свидетельства летописи за 1419 год. В документе 1466 года сообщается, что «Тимофей Ермолинич… купилъ у Труфана у Микулина» и жертвует в Соловецкий монастырь «в Умбе и в Варзуге участок ловища, и по морскому берегу и полешей лес». Упомянутый «участок ловища» – есть, другими словами, тоневой участок лова рыбы расположенный на указанных реках, равно как и «по морскому берегу». То есть, прочитав данный текст, мы можем утверждать лишь то, что на упомянутых реках существовали участки лова рыбы, «участки ловища». Если быть точным, то никаких признаков поселения здесь не упоминается. Ведь, не «двор Тимофеев с хоромы от улицы до Петровых детей» отписывается монастырю, как, например, сформулировано в иных текстах «Северных грамот XV века», а лишь участки берега на реках весьма не малой протяженности.

Таким образом, сообщение летописи от 1419 года представляется более достоверным с точки зрения упоминания первого **поселения** на Варзуге, ибо речь идет о «погосте в Варзуге». То есть именно о поселении, о

[4] Летопись занятий Археографической комиссии. Т. XXXV, № 1.



Умба-деревня в конце XIX века. Обратим внимание на высокий уровень воды в реке. Воскресенская церковь 1894 года постройки стоит еще «бревенчатая». Обшита пильным тесом и окрашена она будет в начале XX века.

конкретном месте проживания российских **христиан**, поскольку, как пишет авторитетный историк Севера[5], «по данным изученных нами писцовых книг, внешний вид погоста (скита) обычно рисуется таким. На огороженной площади находилась церковь, кладбище, двор попов, пономарская и несколько келий…»[6].

Заметим по ходу, что такой же погост, древнейшее место нахождения Умбы, имеется и на реке Умбе (но он, увы, в письменном источнике упомянут значительно позже). Как и село Варзуга, Умбский погост предусмотрительно располагался вверх по течению на 11 километров. «Вверх по реке Умбе, от волости [от нынешнего места Умбы-деревни – и. М.] 10 верст, погост старой... а на погосте церковь Воскресение Христово пуста; и на том погосте косят сено» (1585 год).

«Погост Корельский» и корелы

Почему говорится о «**Корельском** погосте в Варзуге»? Ответ на этот вопрос мы находим в продолжение текста летописи: «и повоеваша… в **Корельском** манастырь святого Николы». «Корельский», это, видимо, древнее название места нахождения монастыря, происхождение которого очевидно, поскольку западный, «Летний» берег Двинского устья в это время относился к Корелии[7]. В XVI веке, с началом английской торговли на Севере, это место стало широко известным, как «порт св. Николая». В наше время это район города Северодвинска, где расположен Российский центр атомного подводного судостроения.

«Се яз раба Божия Марфа… поставила есми церковь храм святаго **Николы в Корельском** на гробех детей своих Онтона да Феликса»[8]. (илл 33а)

«Корельский», название места, ныне исчезнувшее с географических карт, но сохранившееся до настоя-

[5] Савич Александр Антонович (1890–1957), историк, ученый, педагог, доктор исторических наук (1935), профессор Пермского Государственного университета, зав. кафедрой истории народов СССР.

[6] Савич А. А. Соловецкая вотчина XV-XVII вв. Пермь, 1927. С. 31.

[7] На морской карте голландца Лукаса Ваагхенаэра 1584 года (опубликована в 1599 году), восточный берег устья Северной Двины подписан, как «Russiae pars» (Российская часть), а западное побережье: «Coreliae pars» (Карельская часть). Таким образом, территория Карелии начиналась от Северной Двины. Так же, на карте XVI века составленной голландским купцом и дипломатом Симоном ван Салингеном, территория на запад берега Двины, обозначена, как «Karellia».

[8] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 129. С. 185.

Макет острога Николо-Корельского монастыря. Церкви обители те же, что и в Варзуге: Никольский собор, Успенская церковь и Петропавловская.

щего времени в наименовании монастыря – Николо-Корельский. Причем, именно, через букву «о», поскольку к современной Карелии он отношения не имеет. Таким образом, и «погост в Варзуге» называется Корельским, поскольку основан и принадлежит «монастырю в Корельском».

Наименование «погостов», наряду с «монастырями», свидетельствует о христианском характере этих поселений, в отличие от иных географических мест Корелии, население которых долго оставалось, как минимум, полуязыческим. Народ Корелии, многочисленные племена «детей корельских», являясь крупнейшим с XII века военным союзником новгородцев, к XV веку, в основной своей массе все еще оставались не крещеными.

«Корела сердитая» с явно политическими мотивами официально считалась крещеной с 1227 года, поскольку согласно Лаврентьевской летописи «В лето 6735 князь Ярослав Всеволодичь, послав крести множество Корел». В тоже время уже в 1272 году среди «стран поганых» [т. е. языческих – и. М.] Псковская третья летопись вновь упоминает «Литву, Чюдь, Корелу». Дело в том, что крещены были карелы, в основном, проживавшие на Карельском перешейке и по границе с народом – емью, вплоть до области Саво (Саволакс). Но уже к 1339 году Софийская первая летопись признает, что корелов крещеных «суть в нашу веру мало бе их осталося, а то вси помроша гневом Божиим».

Что касается Варзуги, то, естественно, задолго до появления христианского погоста, она существовала как поселение людей весьма смешанного состава. Ранее всех, в глубокой древности, тут жила «Терская лопь», которую оттеснили на восток корелы, и которых позже потеснили новгородцы… Так, например, в «Данной памяти» за 1484 год корел «Марк из Варзуги» упоминает свои «отчины»: «по морскому брегу ловища и по ре-

«По рекам и по лешим озерам ловища, куды иные отчинники владеют Корельския дети».

кам и по лешим озерам ловища, куды иные отчинники владеют **Корельския дети**», а в 1479 году варзужанин «Нестор Иванович» говорит об «участке отчины **меж** детьми Корельскими»[9]. Так же можно встретить уже, что «Матфей Ильин дал «участок промеж пятию роды корельскими детьми» и «участок на **лопи промеж** корильскими детьми».

Упомянутые пять родов это – «курольцы, ровкольцы, вымольцы, тиврульцы и валдолейцы или наволочрод»[10]. Изначально, именно эти «пять родов корельских детей» и владели всей Карелией от Каяно-моря (Ботнического залива) до Гандвика (Белого моря), а позже и южным побережьем Кольского полуострова (Терским берегом). Им принадлежали промысловые угодья, сельскохозяйственные земли, празга (право откупа, аренды) и право торговать с лопарями. С приходом новгородцев, как мы видим из летописных свидетельств, ситуация с «владением отчинами родов Корельских» стала значительно меняться.

Что касается понятия «дети корельские», то надо хорошо понимать, что слово «дети» в те времена имело несколько иное значение. В XIII веке на Руси появилось понятие «дети боярские», как младшая дружина князей. Они образовали низший слой служилых феодалов, получавших от властей в пожизненное владение небольшие участки земли, с обязательством отправлять военную службу в дружине. К концу XVII века все, кто раньше числились «детьми боярскими», стали называться – «дворяне».

«Корельские дети», это тот же служилый люд, «знать» корельских племен, владеющая теми или иными «отчинами» на Поморье и находящаяся в вопросах военной службы под началом Новгородских князей.

[9] Северные грамоты XV века // Летопись занятий археографической комиссии за 1927-28 годы. Л., 1929. С. 131.

[10] Макарий (Миролюбов), епископ. Христианство в пределах Архангельской епархии // ЧОИДР. 1878. С. 52.

Карельская деревня.
Гравюра конца XIX века.

Надо сказать, что исходя из текстов берестяных грамот в это время уже существовало понятие «Корела погостская»[11]. Этим термином обозначалось население той части Корелии (район Корельского перешейка), которая считалась крещеной и, живя погостами, входила в состав собственной территории Новгородского государства. «Корелы же, живущие на северной периферии новгородских владений, на громадных пространствах между Белым морем и Ботническим заливом, деления на погосты не имели»[12].

Духовная составляющая разорения Варзужского погоста

Что касается мотивов упомянутого нами похода «мурманов» на Крайний Север Руси, то они неизменны, и есть воплощение стратегической установки, определявшей политику Западных католических стран в отношении к Православному Востоку. Суть ее такова: есть истинные христиане (в нашем случае «мурмане», то есть норвежцы, поданные Швеции), которые идут освобождать землю от русских варваров, язычников и схизматиков (т. е. православных). Эти христиане, согласно со шведскими летописями, идут воевать туда, «где кончается христианская земля и начинается земля языческая». И в результате этой агрессии «теперь там добрый мир, больше тишины и покоя и больше людей, верующих в Бога... У русских стало, таким образом, меньше подвластной им земли».[13] Или же: «Христиане [шведы – и. М.] погибли там ради Господа и святой веры. После того островом владели русские и сильно укрепили его, и посадили там храбрых мужей, чтобы христиане не приближались к этому месту».[14]

[11] Шаскольский И. П. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV—XV веков // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963.

[12] История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в., под ред. А. Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952. С. 41-45. Так же об этом см.: Шаскольский И. П. Политические отношения Новгорода и карел в XII—XIV вв. // «Новгородский исторический сборник». Новгород, 1961. № 10. С. 125-126; Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 38-39.

[13] Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв.: Материалы и исследования. М., 1978. С. 112.

[14] Там же.

Корелы на фотографии конца XIX века

Надо отметить, что при таких походах русские православные христиане, «схизматики», отметающие власть Папского Престола, воспринимались «немцами» как первоочередной объект уничтожения, даже по сравнению с языческой корелой: «Немец, побиша Русь, новгородцов много и ладожан гостей, и кто жил хрестиян в Кореле [ныне Приозерск – и. М.], побежале в Немечкыи городок [ныне Выборг – и. М.] и там много посекоша хрестиян из городка»[15].

Это вполне объяснимо и с политической точки зрения: некрещеный народ – это объект миссионерства, потенциальные поданные Швеции, в то время как народы, обращенные в Православие, это поданные Руси, не зависимо от того, корелы они, зыряне или лопари. Собственно с самими корелами скандинавы ссориться и воевать никогда не хотели, стараясь разыгрывать корельскую карту в войне против русских. Как и положено язычникам, корелы любили войну, как возможность повысить свой социальный статус и пограбить, при этом, не угрожая Северной Европе захватом земель и, кроме того, частенько переходя на сторону противника.

Другое дело созданные русскими православные поселения (погосты) с церквями и часовнями, и тем более скиты, подворья и иные очаги российского монашества. Это сразу отрезало любую возможность миссионерства, лишая Запад перспективы государственной

[15] Софийская первая летопись. Вып. 1. ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926, Т. 5. С.

экспансии северных территорий. Именно поэтому первоочередным объектом разорения всегда выбирались монастыри или их погосты. Потому и в данном случае был выбран погост Корельского Никольского монастыря, где «христиан черноризиць посекле», хотя для этого «мурманам» пришлось сделать весьма не малый крюк. (См. карта 1)

При этом надо еще раз подчеркнуть, что к самим корелам Корельский погост, равно как и монастырь, отношение имеет весьма опосредованное. Что, естественно, не исключает присутствия (или даже доминирования) среди насельников монастырей и погостов природных корелов.

К 1419 году эти края были уже российской территорией по признаку православного вероисповедания. Еще задолго до описываемых событий, земли, где находился Николо-Корельский монастырь, в, так называемом, Заволочье[16], именовались – Двинская земля (вовсе не Корелия)[17]. Корелы к этому времени населяли огромные территории, именуемые Корелией, но она простиралась западнее Северной Двины (крайний пункт погост Ненокса – см. схему). Поэтому название Никольского монастыря – Корельский, свидетельствует о большой древности основания этой обители. И в настоящее время монастырь носит название Корельский, хотя и принадлежит Архангельской епархии.

Древняя традиция дружбы

«Норвежцы и русские соседствуют тысячу лет, и между этими народами и их странами не было серьезных конфликтов» – так начинает свой труд по истории российско-норвежских отношений норвежский ученый К. Селнес[19].

Новгородская Русь и Норвегия издревле и традиционно имели добрососедские и уважительные отношения. Великий покровитель христианской Норвегии XI века король Олав II Святой приходился свекром Великому князю Ярославу Мудрому. Важнейшие духовные решения Олава и укрепление его христианской веры произошли в период его пребывания в Великом Новгороде, где он совершил свои первые чудеса исцелений. В дальнейшем почитание Святого Олава нарастало, поскольку Ганзейский союз избрал его покровителем всех торговых мореплавателей. Во всех городах Союза были воздвигнуты церкви его имени. Не был исключением и Великий Новгород, где, по свидетельству епископа города Або (ныне Турку), в XIV веке еще существовала церковь Святого Олава, и почитание его новгородцами было весьма велико[20].

[16] Заволочье — историческая область в XI—XIV веках, в бассейне Северной Двины и Онеги, за многочисленными «волоками», входившими в систему водного пути идущего от Новгорода и иных средневековых городов России на Белое море. С XII века входит в состав Новгородских земель.

[17] См. перечень поселений на Двинском берегу Белого моря в Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле за 1397 год. (ГПБ, сборник О. IV. 14, лл. 14—16).

[18] Selnes K. Russisk historie i norrøn saga // (N) HT. 1965. B. 44, H. 2. S. 3.

[19] Кьяртан Селнес, доктор философии, советник по социальным и философским наукам Норвежской гуманистической ассоциации, г. Осло, Норвегия.

[20] «Надпись на одном шведском руническом камне повествует о судьбе некоего путешественника, который «... умер в Холмгарде [Новгороде – и. М.] в церкви св. Олава». Wigum F. Norge og Russland som religiose naboer // Kirke og Kultur. Oslo, 1997. №1. (Перевод А. Ермолаевой).

Дружина великого князя Александра Невского покоряет территории Крайнего Севера.
Фрагмент рисунка из Лицевого летописного свода

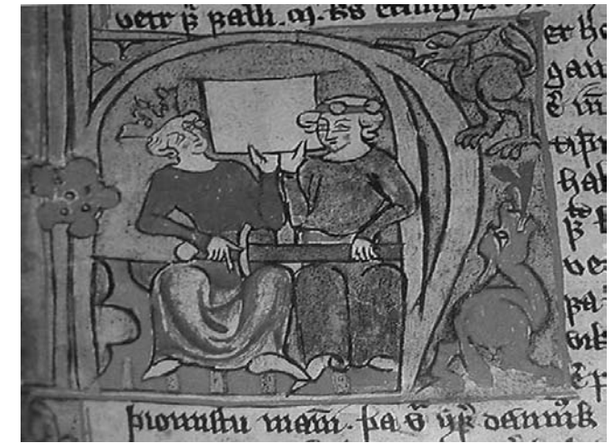
Святой благоверный князь Александр Невский (1221 -1263 годы) заложил основы российского владычества на Крайнем Севере

Два последующих короля, уже христианской Норвегии, – Магнус I Добрый (сын Олава) и Харальд III Суровый (сводный брат Олава) были связаны с Новгородскими князьями династическими браками и с жизнью Великого Новгорода в целом.

После разделения христианских Церквей Востока и Запада в 1054 году тесные династические связи между правителями Руси и Норвегии стали ослабевать, но взаимная заинтересованность и традиции дружбы остались.

Русский Север и князь Александр Невский

Политику всемерного укрепления и развития этих связей наиболее активно проводил святой благоверный князь Александр Невский. Стремясь к стабильному и прочному миру в Лапландии Александр Ярославович предлагал династический союз королю Норвегии Хокону IV через брак своего сына князя Василия с принцессой Кристиной. Однако король Хокон, видимо, первоначально считал этот брак мало полезным для укрепления положения Норвегии. Русь в то время страдала под гнетом Золотой Орды, и Запад пытался использовать эту ситуацию, дабы склонить непокорных «схизматиков» к принятию католичества, в обмен на обещание военной помощи против татар.



Король Норвегии Хокон IV Старый (Хокон Хоконсон) с сыном Магнусом.
С этим норвежским монархом князь Александр Невский в 1251 году заключил договор о совместном владении Крайним Севером.
Рисунок из норвежской книги XIV века Флатейярбок («Гренландская сага»)

Однако в 1251 году Александр Ярославич, казалось бы, неожиданно окончательно отказывается от «ласковых» предложений папы Иннокентия, и, более того, заключает крайне важный договор между Новгородом и Норвегией, узаконивший русский сбор дани с саамов по всему Кольскому полуострову и во всем Финмарке, вплоть до норвежского Гологаланда (нынешний округ Тромсе).[21] (См. Схематическую карту территорий Европы. Стр. 28)

Этот столь успешный Новгородско-Норвежский договор стал возможен лишь потому, что ему предшествовала серьезная подготовка. Отечественные историки, вслед за Н. М. Карамзиным, говорят о княжеском посольстве в норвежский Дронтгейм [ныне – Тронхейм] к королю Хокону IV, где в самых любезных выражениях предлагают ему: «чтобы он запретил финмаркским своим поданным грабить нашу Лопь и Корелию»[22]. «Король изъявил самые миролюбивые намерения, не прочь был породниться со славным русским князем и в свою очередь прислал послов в Новгород для заключения договора. Послы были встречены, с почетом и отправлены обратно с богатыми подарками»[23].

Однако скандинавские источники свидетельствуют о несколько иной картине. Дело в том, что к упомянутому 1251 году князь Киевский и Новгородский Александр Ярославович совершил масштабный поход по северным землям и твердой рукой привел в подданство все местные народности, населявшие тогда Крайний Север Европы. «Достойный всяческого уважения Олоф Далин в своей Истории Шведского государства[24], ссылаясь на историков Торфея [Torfaei Thormodori antiquitates Norvegicae] и Петра Клавдия [Claudii Petri transaction

[21] Этот особый порядок взимания дани с восточных лопарей (сколтсаамов), предполагал не поземельный, а подушный их учет, ввиду постоянных кочевок Кольских аборигенов.

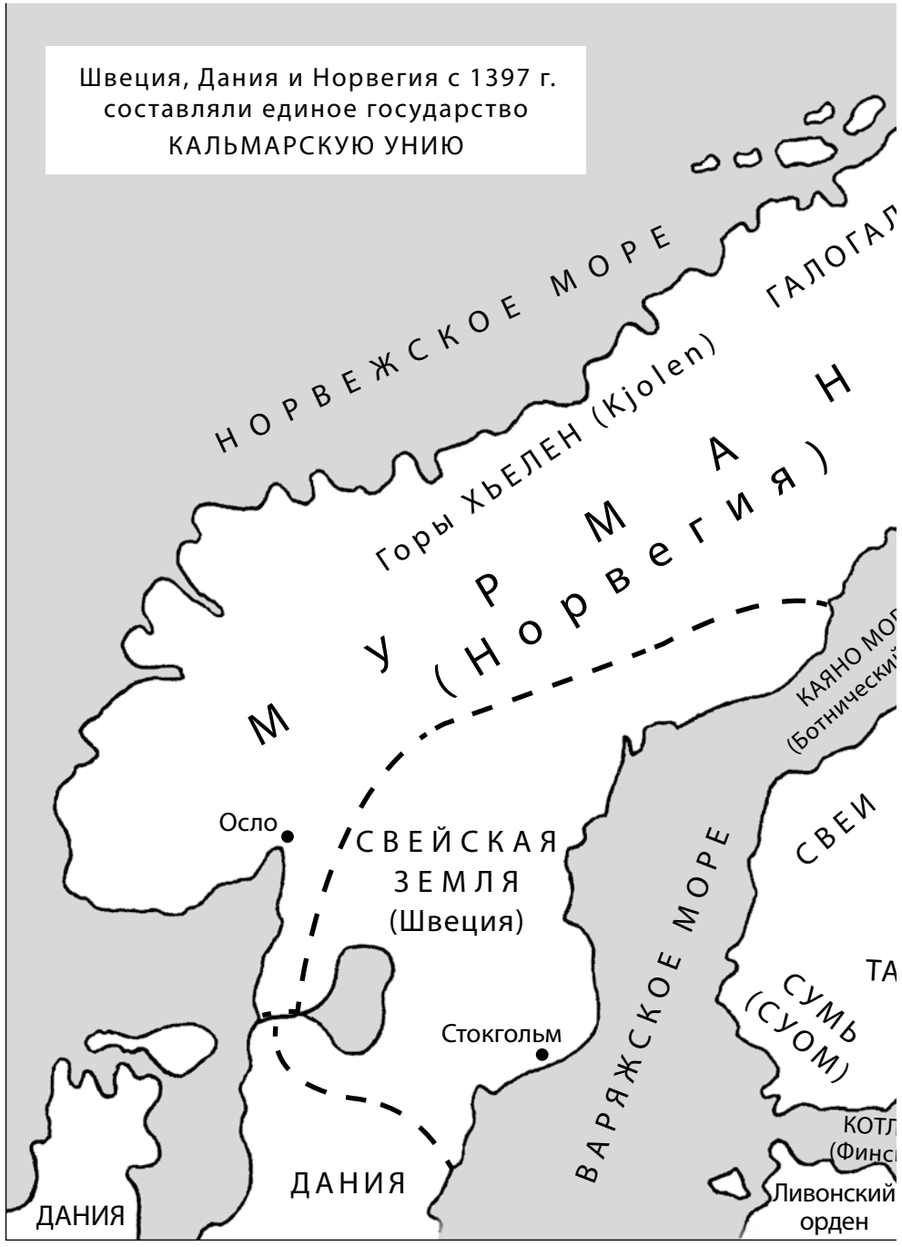
[22] Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1997. Кн. 1. Тома I - IV. С. 487.

[23] Хитров М. Великий князь Александр Невский. Подробное жизнеописание. М., 1893. С. 96.

[24] Олофа Далина История Шведского государства в 8 томах. СПб., 1805-1807. Том 2. С. 269.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ТЕРРИТОРИЙ СЕВЕРА ЕВРОПЫ в 1419 г.
С границами владений согласно с договором Александра Невского
с Норвегией 1251 г. и Ореховецкому миру со Швецией 1323 г.

Карта 2



Helsingborgensis], утверждает, что князь Александр Невский покорил всю Биармландию и беспокоил даже Норвежские границы, проходя к оным через Лапландию и Финмаркен. Король Норвежский Хокон IV Старый (Хокон Хоконссон) в то время повелел принимать всех бежавших от княжеской дружины»[25].

«В то время, – рассказывает одна норвежская сага, – жители Биармии обратились с просьбой о защите к королю Хокону. Он позволил им поселиться у Малангена [в районе нынешнего Тромсе – и. М.] с условием, чтобы они приняли христианство, что они и сделали»[26].

Это зафиксированное в норвежских источниках масштабное перемещение народов, массовое бегство аборигенов, населявших земли Крайнего Севера историки связывают с монголо-татарским нашествием[27]. Думается, что эта связь вполне очевидна, но с одним уточнением.

Именно в это время, в 1249 году, князь Александр Ярославович добился особого расположения Ордынского Хана и получил от него княжение в Киеве и Новгороде. Поселившись в Новгороде, Великий князь в полной мере реализовал удивительные возможности своей практически абсолютной власти, опиравшейся на страшную силу Орды. Он понял, что покорность этой, пока что неодолимой силе, может принести Руси такие выгоды, о каких ни один из правителей прежде и не мечтал. При этом, что важно подчеркнуть, благоверный князь всегда оставался христианином и патриотом своей земли[28].

Союз с Золотой Ордой завещал крепить ему отец, князь Ярослав, как условие предотвращения нового разгрома Руси. Сын хана Батыя Сартак, заведующий русским направлением Орды, после принятия христианства стал другом и побратимом Александра. Обещав свою поддержку, святой Александр обеспечил хану Батыю возможность выступить в поход против Монголии и стать главным повелителем всей Великой Степи. Более того, на престол Монголии был возведен вождь татар-христиан, хан Мункэ. Позже, в 1261 году при содействии великого князя Александра в Сарае была образована православная епархия.

Именно эта, стоящая за Великим князем сила Золотой Орды, и позволила привести к покорности земли Корелии, Лапландии и Норвежского Финмаркена. И более того, с властию войти в пределы Норвежского Королевства, тем самым, обусловив успешное заключение крайне необходимого для Руси договора 1251 года.

[25] Берх В. Н. «О времени открытия Россиянами Ледовитого моря» / статья из книги «История Географических открытий Россиян». СПб., 1817. (Не опубликована). Берх Василий Николаевич (1780 - 1835 гг.), военный историк. С 1828 года в должности историографа русского военно-морского флота. Почетный член Адмиралтейского департамента и Ученого комитета Морского штаба.

[26] «Эти переселенцы на новом месте поселения в пустынных Лапландии и Финмаркене встретились с более дикими племенами, квенами, лопарями и др. и, чтобы утвердиться здесь, должны были, в свою очередь, подчинить их себе и вступить с ними во враждебные столкновения. Норвежские саги сообщают немало случаев подобных столкновений». Haakon Haakonssons Saga (послед. глава). Цит. по Кааран А. К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Арх. Общества изучения Русского севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 25.

[27] «Часть населения Биармии в средине XIII столетия добралась… до северо-западного берега Норвегии, где они и поселились. Это было во время нашествия монголов, когда жители Севера, объятые ужасом, покинули свои места и массами бежали выше на Север, в нынешнюю Лапландию и даже Финмаркен». Кааран А. К истории русского Севера. С. 23-24.

[28] В 1250 году князю пришлось ехать в Монголию к Великому хану. Зная языческие обряды Орды, князь молился перед отъездом, обещая: «Аще и кровь свою пролию Христа ради от безбожного царя, якоже и сродники мои, кусту же и огню и идолам не поклонюся». И свое слово Князь сдержал.

ЦИФРОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ НА СХЕМАТИЧЕСКОЙ КАРТЕ СЕВЕРА ЕВРОПЫ в 1419 году (Карта 2)

1 – Корельский погост Варзуги *(нынешнее село Варзуга).*

2 – Корельский Никольский монастырь *(будущий Северодвинск).*

3 – Михайлов монастырь *(будущий Архангельск). Основан в XII веке.*

4 – Городище Орлец *(ныне дер. Орлецы на Двине). Основан в 1342 году.*

5 – Приток р. Умбы – р. Вяла (Vela) – *граница сбора дани Норвегией*

6 – Река Паз – *северная граница русских территорий.*

7 – Норвежское селение Lungsturen – *крайний населенный пункт сбора дани русскими.*

8 – Река Moele, сейчас Муониэльвен – *естественная граница сбора дани русскими.*

9 – Селение Тромсе. *Первое упоминание в 1242 году. Центр самого северного, в то время, района Норвегии – Галогаланда.*

10 – Селение Варде (1307 год) и крепость Vardøhus *(по-поморски Варгав) на западном берегу залива Варангер-фьорд (по-поморски Варенг).*

11 – Шведская крепость Оулу (по русски – Овлуй) *в Восточной Ботнии (Остерботнии). Поставлена в 1375 году в нарушение договора 1323 года.*

12 – Место шведской крепости Нишлот (Olofsborg). *Будет поставлена в 1475 году.*

13 – Шведская крепость Выборг *(осн. 1293 год)*

14 – Река Турнеэльвен (швед. Tornealven, фин. Torniojoki) *историческая граница Норвегии в Норботнии*

15 – Русская крепость Кексгольм *(осн. шведами в 1293 год) в древнем корельском поселении Корела (нынешний Приозерск).*

16 – Соловецкие острова *(первое упоминание о монастыре будет в 1449 году).*

17 – Место впадения реки Сестры (Siestarjoki) *в Финский залив – начальная точка границы со Швецией.*

18 – Место впадения реки Пюхайоки (Pihajoki) *в Ботнический залив – конечная точка границы со Швецией.*

19 – Озеро Сайма (Saimaa) – *один из ориентиров границы со Швецией.*

20 – Озеро Энаре (Inari, Enare) – *пограничный рубеж Норвегии и Новгорода*

Атака монголов. Средневековый рисунок. Неоспоримое военное могущество Золотой орды в середине XIII века позволило серьезно укрепить позиции Руси на Крайнем Севере Европы.

Важность этого деяния благоверного князя безмерна, ибо, та дань, которую Русь теперь могла беспрепятственно взимать с богатой мехами Лапландии, спасала русский народ от рабства. Золотоордынских сборщиков «салыги» (подушной подати) на Руси интересовала исключительно пушнина («мягкая рухлядь»). Монах-францисканец Плано Карпини, оказавшийся на Руси в эти годы, оставил свои воспоминания о тех порядках: «каждый, как малый, так и большой, бедный или богатый, платил монголам дань: одну шкуру медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру дохорь (ильтиса) [черный лесной хорек – и. М.], и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть обращен в их раба»[29].

Решительные действия мудрого правителя Руси святого князя Александра спасли великое множество русского народа от страшного рабства в Золотой Орде и заложили принципиальные основы для дальнейшего развития торгово-политических связей с Норвегией.

В 1256 году в ответ на попытку шведов и финнов заложить крепость на берегах реки Нарвы, князь Александр вновь ходил походом в Финскую землю. Летописец назвал его «темным походом», русское войско шло сквозь полярную ночь, «идоша непроходными местами, яко не видеть ни дня, ни ночи». Шведы бежали, не достроив крепости.

Границы Русского Севера

В дальнейшем, в русле Северной политики святого Александра Невского в 1326 году был подписан еще один необычайно важный для истории Крайнего

29 Плано Карпини, Иоанн. История Монголов. СПб, 1911. С. 33-34.

Торг на Русском Севере. Гравюра из книги О. Магнуса «История северных народов». XVI в.

Севера договор о мире, границе и торговле в Заволочье и Лапландии. «Согласно древним означениям и рубежам» северная граница между странами была определена в районе реки Паз. При этом, так называемый, общий Северный дистрикт, территория сбора дани с саамов, по-прежнему, простирался от Белого моря до города Тромсе, занимая всю русскую Лапландию, шведский Лапмаркен и весь норвежский Финмарк[30].

Договор 1326 внес и необходимые уточнения: «Русские взимают дань вдоль моря [берега нынешнего Баренцева и Норвежского морей – и. М.] до Lungstuen [местечко в 45 км на восток от г. Тромсе – и. М.], а на фиельдах [«полях», то есть на материке – и. М.] вдоль Moele-реки [сейчас река Муониэльвен], лежащей несколько выше[31] Lungstuen, к востоку от Киелена [Kjolen – цепь горных хребтов вдоль побережья Норвегии к северу от Тронхейма – и. М.]. Норвежский же король берет дань на востоке от начала Trjanema [Кольского полуострова– и. М.] до Gandvik, [Белого моря – и. М.], там, где течет Vela-река [река Вяла (Vælijoki) на Белом море (Vilgesáhpi), приток реки Умбы – и. М.]. Везде, где живут полукарелы или полуфинны [полусаамы – и. М.], происходящие от финской матери»[32]. «Таковы границы между владениями конунга Норвегии и конунга руссов»[33] .

Упомянутые «полукарелы или полуфинны» – следствие специфики торговых контактов корелов и лопарей в условиях перманентных столкновений и конфликтов в то время. Необходимое «торговое перемирие» сопровождалось обменом заложниками, а так же приходом саамских женщин в стан к карельским купцам с целью забеременеть[34]. «Таким образом, с помощью обычая гостеприимного гетеризма саами обновляли свой генофонд»[35].

30 Об этих рубежах см.: Norges gamle Love III. Christiania, 1849. S. 152–53; Sverges Traktater I. Stockholm, 1877. S. 506–507.

31 Интересно, что в те времена восприятие направления движения были противоположными нынешним: к югу – это вверх («на Русь»), на север – это вниз («в Норвегу»).

32 Кааран А. К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Арх. Общества изучения Русского севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 28.

33 Из «Разграничительной грамоты» 1326 года. Шаскольский И. П. Русско-норвежский договор 1326 года. С. 69.

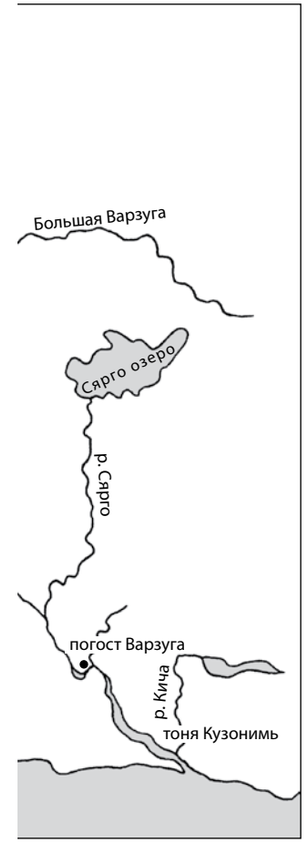
34 История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Кораблев Н. А., Макуров В. Г., Савватеев Ю. А., Шумилов М. И. Петрозаводск, 2001. С. 63-64.

35 Жуков А. Саами в XIIIXVII вв. (публикация источников и комментарий)

ТЕРСКИЙ БЕРЕГ в районе УМБЫ–ВАРЗУГИ в XV–XVI в

Владения Марфы Посадницы, отданные Соловецкому монастырю в 1469 г.
1. – тоня Каменная
2. – тоня Кашкаранский наволок
3. – тоня Точильный ручей

Карта 3



Центрами сбора дани с населения Великой Лапландии для ее дальнейшей отправки на Большую землю со времен Александра Невского были определены поселения Варзуга и район нынешней Кандалакши. Первая отвечала за дань с корелы и лопарей Кольского полуострова, вторая с земель на запад от Кольского залива и в Норвежском Финмаркене. Изначально формировать сопровождать обозы с собранной данью, обеспечивая их безопасность, входило в обязанность «детей корельских», за что им назначалась «празга», то есть процент от собранной дани. «В Лапландии не было бояр, а страной управляли сборщики податей»[36].

С падением Новгородской самостоятельности Великие князья Московские оставили эту схему сбора дани без изменений[37]. В 1517 году Василий III упорядочил взыскание дани с лопарей, пресекая злоупотребления, насильства и отторжения традиционных лопарских мест лова рыбы.

Право владения торговыми точками исторически сложившимися на границах лопарских территорий долгое время составляло одну из важнейших привилегий корелов. Постепенно, с заселением земель Терского берега новгородцами эти торговые места («торговые козицы») переходили в ведение новых владельцев. «Се даст Полага Шаншина в дом Святого Спаса… на Лопи **торговую козицу** игумену и всим старцам Соловецким» [1484 год], «Се даст Нестер Иванович на Лопи **торговую козицу** в дом святому Спасу» [1479 год]. Странное для этих мест слово «козица», оставшееся в употреблении – одно из свидетельств пребывания здесь на Кольском полуострове в глубокой древности жителей «Биармии» (Перми). На пермяцком языке: «Кözічја – торба для торговли, козица»[38].

В заложниках чуждых интересов

Поход в 1419 году норвежского войска на Русский Север стал возможен лишь как следствие длительного и упорного военного противостояния навязанного Швецией Новгородской Руси. Оно сопровождалось постоянной «миграцией финнов и шведов за линию Ореховецкого мира, когда шло незаконное освоение земель северной Финляндии»[39], Восточного побережья Ботнического залива, строительство крепостей Оулу, Нишлот, Вардехуз.

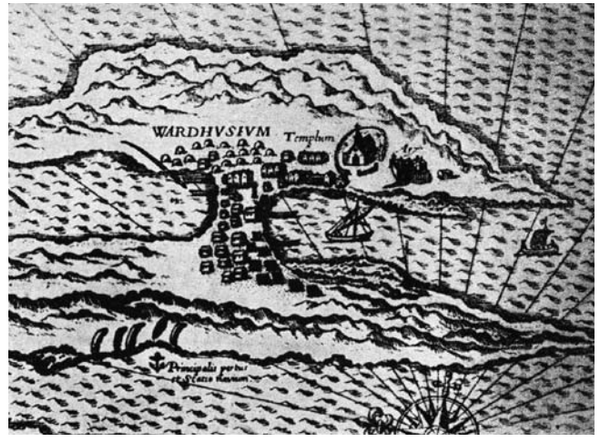
На Крайнем Севере ситуация стала принципиально меняться с 1397 года, когда Швеция, Дания и Норвегия объединились в, так называемую, Кальмарскую унию, в результате которой был коронован единый король трех Скандинавских стран – Эрик Померанский (правил до

36 Филиппов А.М. Русские в Лапландии в XVI веке. Сообщение Симона ван Салингена // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 305.

37 См. Heikki Kirkinen. Karjala Taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä II. Helsinki, 1976. P. 70.

38 Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Николаем Роговым. СПб., 1869.

39 Такала И. Р. Русский Север в стратегических планах шведских правителей XVI-XVII вв. // Международные отношения на севере Европы: история и современность. Материалы конференции. Петрозаводск. 1999.



Вид норвежского поселения Варде на полуострове при западном береге залива Варангер-фьорд. Здесь «мурманами» в 1397 году была построена крепость Вардехуз (по-поморски – Варгав). Рисунок 1595 года путешественника Яна Хагена ван Лисотена. Из книги De Bry, Johann Theodor. Petits Voyages (Eastern) // Collections of Travels and Voyages. Part X. Frankfort, 1613.

Король Эрик Померанский. При его правлении произошло разорение Варзуги.

1442 года). Таким образом, с этого момента Руси стали противостоять объединенные силы Унии.

Вся внешняя политика короля Эрика была сосредоточена на одной задаче - всемерно бороться с Ганзейским союзом немецких вольных городов. Ситуация обострилась с заключением Данией позорного Штральзундского мира в 1370 году, после ее неудачной попытки обуздать влияние Ганзейского союза на Балтике. В той войне Ганза сумела собрать (по сути, купить) столь большой флот, что без труда жестоко разорила норвежские побережья, а затем захватила и Копенгаген. Это военное поражение привело к небывалой немецкой экономической и политической экспансии в Скандинавии. Вольные города Ганзы практически монополизировали торговлю на Балтике и Севере Европы.

Говоря об этом смертельном противостоянии Ганзы и Скандинавии, следует напомнить, что Великий Новгород был одним из главных торговых зарубежных партнеров Ганзейского союза. Близки ему по масштабу сотрудничества были лишь три города Европы – Берген, Брюгге и Лондон.

Новгородские купцы естественно, остро нуждались в торговых путях и безопасных стоянках на южном побережье Финского залива, которыми и стремились овладеть шведы, дабы стать посредниками в торговле Новгорода и Ганзы.

Заключенная Скандинавскими странами Уния позволила в полной мере использовать близость берегов Северной Норвегии, для угрозы Новгородским владениям в Заволочье и на Кольском полуострове. Учитывая, что главные обороты торговли Руси и Ганзы достигались за счет вывоза пушнины и воска (реже - кожи,

Норвежский драккар в море.

льна, пеньки и шелка), можно понять сколь стратегически важной для Новгородских промышленников была земля Крайнего Севера.

В русле этой политики в норвежском поселении Варде, основанном на западном берегу Варангер-фьорда в 1307 году, была построена и всячески укреплялась крепость Вардехус (Vardøhus – «дружинный дом» или по-поморски – Варгав).

Немаловажным фактором, провоцировавшим норвежцев на военные столкновения, служили частые вторжения язычников корелов в глубь Норвежской территории. Являясь номинально российскими подданными, они подчас под видом сбора податей с саамов откочевавших в Гологаланд, совершали открытые грабежи и насилие в поселениях самой Северной Норвегии.

Нет сомнения, что в противостоянии шведским амбициям на севере Норвегии участвовали и жители русского Двинского «Заволочья», поскольку со времени упомянутой Кальмарской унии Норвегия уже воспринималась, как единое государство со Швецией. Шведы же непрестанно атаковали и грабили Новгородские территории, пригороды Новгорода, погосты в Корелии[40].

Так и в 1411 году «пришед Свея воиною» и особо досадила новгородцам, овладев новгородскими пригородами. В ответ князь Симеон Олгердович[41] повел войско к шведской крепости Выборг, где «их села и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам». Тогда же «в лето 6919 [1411 года]» по приказу из Новгорода двинский воевода «Яков Степанович с заволочанами» предпринял поход на норвежцев «и повоеваша их» (Новгородская летопись).

40 В 1392 году приходили шведы на Неву и взяли села по обе стороны реки. В 1395 году нападение на город Яму. В 1396 году нападение на Корельскую землю, где повоевали два погоста. В 1397 году взяли семь сел у города Яма. (См. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Том 4. Глава 1).

41 Семеон (Лугвений) Ольгердович (~1355—1431) – четвёртый сын Великого князя Литовского Ольгерда. Неоднократно княжил в Новгороде.

Николо-Корельский монастырь (основан в 1410 году).
Фото конца XIX века.

Сейчас можно уверенно сказать, что ответный поход «мурманов» на Варзугу 1419 года, явился следствием военного похода Якова Степановича в Норвегию. Прямое указание на это содержит жалоба, с которою жители Гологаланда[42] в 1420 году обратились к норвежскому королю Эрику Померанскому: «Вследствие бедности мы не можем без Божьей и Вашей милости защищаться от обид, которые наносят нам русские и язычники, причинив и продолжая причинять нам большое зло. Они не хотят жить с нами в мире и, несмотря на заключенный мир, они перебили народу нашего, увели в плен женщин и причинили много зла. Но, надеясь на Бога, Ваш бедный народ отомстил за это зло»[43].

Так древняя Варзуга оказалась разоренной.

Духовные истоки села Варзуга

Духовно Варзуга была порождена именно монахами Никола-Корельского монастыря[44]. Отец-основатель этой обители – преподобный Евфимий Корельский со своими учениками оставил свой благодатный след по всему Кольскому Северу в виде монашеских скитов, церквей и часовен. Все эти очаги православия воспринимались, как подворья, как филиалы Никольского Корельского монастыря и имели неизменное посвящение Николаю Чудотворцу. В людской памяти от того времени осталась известная поговорка: «От Холмогор до Колы – тридцать три Николы», хотя в реальности дореволюционной России, анализируя посвящения церквей на Кольском Севере, подтверждения этому мы не находим.

Произошедшая в XV веке смена парадигмы развития российской истории, связанная со становлением державы княжества Московского и завершением периода активного доминирования русских городов-государств на Крайнем Севере, привела к утрате наших

42 Гологаланд (Haalogaland) – в то время самый северный регион Норвегии. Теперь таковой является провинция Финмарк (Finnmark), административный центр которой город Вадсё.

43 Кааран А. К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // Изв. Арханг. О-ва изучения Русского севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 31.

44 Интересно, что и «набор» церквей этого монастыря идентичен с главными церквями Варзуги: «Новая Успенская церковь освящена 10 ноября 1667 года [наше здание в 1674 году]. Главное здание монастыря – Никольский собор, освящен около 1677 года [наше здание в 1705 году]. В южной части собора был устроен придел во имя первоверховных апостолов Петра и Павла [у нас отдельный храм рядом с Никольским]».

Преподобный Евфимий Корельский († 1435) – подвижник Кольского Севера, основатель Николо-Корельского монастыря в устье Северной Двины. Деталь иконы Собор Кольских святых, 2003 год.

знаний о том удивительном периоде миссионерства монахов Николо-Корельского монастыря на Кольском полуострове. Лишь отголоски этой деятельности сохранились в некоторых «Никольских» названиях древних святынь края. Это «Никольский монастырь близь Варгава» (видимо, район нынешнего Борисоглебска на границе с Норвегией), это древняя Никольская часовне при устье Колы, это Никольская церковь в Порьей губе, ну и, конечно же, Никольская церковь в Варзуге, при погосте Никольского монастыря. (карта 3, стр. 40)

Церковь Святителя Николая Чудотворца стала центром Варзугского поселения и, таким образом, может считаться самой первой церковью на Кольском полуострове. В настоящее время, на Никольской стороне села, сохранилось здание церкви, построенное в 1705 году.

Монахи Николо-Карельского монастыря были традиционно хорошими мореходами, и иметь свое поселение на Варзуге для них было не сложно. На своих «малых кораблецах» они ходили даже вокруг Кольского полуострова. Так, например, «в 1552 году монах Николо-Корельского монастыря Игнатий на лодке прибыл в Колу, а через 8 лет это плавание повторил монах Иосиф»[45].

«Пуповина» Двинского наследия

Варзужская волость, равно как и весь Терский берег, еще со времен Новгородского владычества на Кольском Севере административно подчинялась Двинским воеводам. «А та у них река Варзуга под дворы от Двинския земли за морем окияном»[46]. Связь с Двинской землей была прочной и постоянной. До сих пор среди жителей терчан встречается характерная фамилия – Двинины.

С момента возникновения в середине XV века Соловецкой обители, морской «ход» варзужан на Двину стал делиться, и все чаще проходил с заходом на Соловки.

Попытки гордых Терских поморов, и особенно варзужан, преодолеть чрезмерную экономическую и властную зависимость от Двинских посадников, подчас приводили к трагическим последствиям[47]. Так в 1568 году богатые двинские купцы и промышленники города Холмогоры, входившего в царскую опричнину «пожаловались Великому Князю, что жители Варзуги завладели их вотчиной… Тогда из Москвы был отправлен некто Басарга Федорович, оштрафовать вместе с варзужанами деревни Шую, Кемь, Кереть, Кандалакшу и Умбу, за то, что они **не предупредили** раздора между жителями Холмогор и варзужанами, и Басарга собрал несколько тысяч рублей с вышеназванных деревень»[48].

45 Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 33.

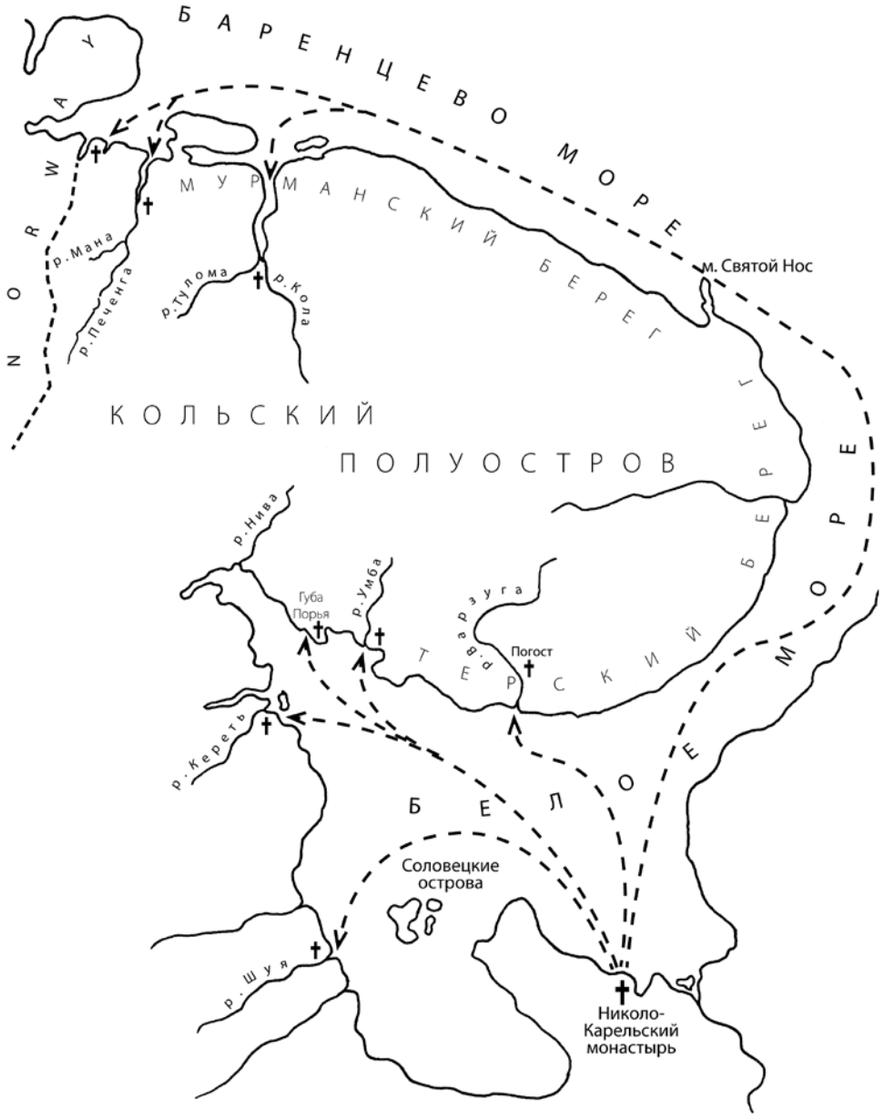
46 «Сотная» из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на Варзужскую волость // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI-XVII вв. Л., 1930. С. 33

47 Варзужане и далее в истории оставались активно стремящимися к независимости. В ГАМО хранится ответ уездного исполкома 1921 года на поступивший протокол общего собрания граждан с. Варзуги с просьбой о выделении села в самостоятельную волость. Однако Губисполком посчитал, «нецелесообразным дробление волости».

48 Филиппов А.М. Русские в Лапландии в XVI веке. Сообщение Симона ван Салингена // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 304-305.

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРП. ЕВФИМИЯ КОРЕЛЬСКОГО И ЕГО УЧЕНИКОВ
НА РУССКОМ СЕВЕРЕ в XIV –XV веках.
Очаги православия посвященные свт. Николаю Чудотворцу

Карта 4



Карбас помора.

Так описывает суть произошедшего современник, голландский купец и дипломат Салинген.

Однако история была много серьезней. Дело в том, что с некоторых пор жители Варзужской волости стали весьма тяготиться выплатой двинянам десятины с промысла семги, который последние, когда-то, предусмотрительно взяли на откуп у царской казны.

Скрытой, внутренней причиной этого противостояния было принципиальное отличие подходов «варзужан» и «двинян» к рыбацкому промыслу и к владению своими угодьями. У поморов Варзужской волости промыслы разрабатывались совместно, всей общиной и раздел добычи « варзужские волощане» производили в соответствии с долей каждого. «В местных частноправовых актах XVI века[49] такие общинные «луковые» доли обязательно назывались угодьями «промеж волощан»[50]. Иным, «двинским», был тип хозяйствования на материке. Он предполагал индивидуальное владение своими промыслами, часто взятие в откуп и затем сдача в аренду, или под процент, долю и т. п.

Примечательно, что известный историк, сотрудник ИРЛИ Копанев А. И., изучавший историю русского крестьянства на примере Двинской земли, в целом предложил называть данный общинный порядок «варзужским», в отличие от «материкового».

Тем временем напряжение в отношениях с двинянами нарастало. В 1568 году наступил кризис. Надо прямо сказать, что время для конфликта с двинянами жители Варзуги выбрали самое неподходящее. Видимо варзужане тогда еще не слишком хорошо понимали, что такое «опричнина», введенная царем как раз в это время.

[49] Имеются около двух сотен подобных правовых актов XVI века жителей беломорских волостей. См.: Материалы; АСМ, 1; АСМ, 2.

[50] Жуков А. Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции. Петрозаводск, Кар. НЦ РАН, 2005. С. 89.

Болото на походе к Городищу.
На рубеже XIV – XV веков воды реки затапливали эту территорию, затрудняя подход к укреплению.

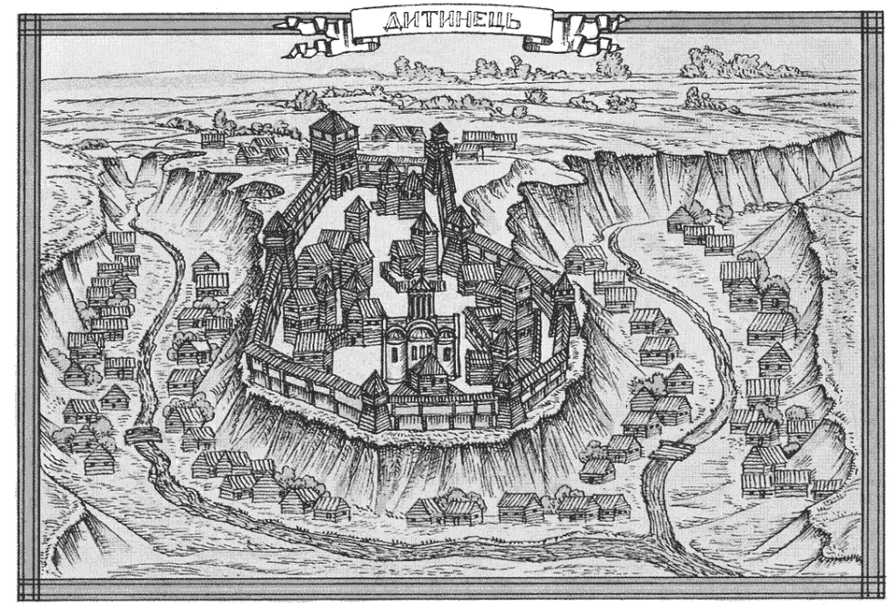
Двинская земля, весь Холмогорский уезд был взят Иоанном Грозным в «свои», «опричные земли», в то время, как иные берега Поморья, в том числе и Терского берега, оставались в, так называемой, «земщине». Двинские же купцы Бачурины, наоборот, хорошо уяснили все свои нынешние преимущества, и «по долгу» опричников донесли царю об измене[51].

О том, каким методами начальник московских тюрем Басарга Леонтьев осуществлял «правеж», то есть взыскание долгов через пытку, можно понять по тому запустению, которое наступило в Поморье после этого «Басаргина правежу». В писцовой книге Василия Агалина за 1575 год сказано, что в Варзуге стоят 79 пустых дворов и 33 поросших бурьяном места бывших изб, так же пустуют 11 тонь, которые «запустели... от двинского иску, и от голоду, и от Басаргина правежу»[52]. Аналогичное полное ограбление и разорение произошло по всей «земщине» Терского и Корельского берега.

«Отписи» составленные же самим Басаргой в полной мере отражают дух того страшного времени. В них упоминается о раскрытии в Варзуге заговора, о четырех убитых заговорщиками варзужанах, об установленных участниках этого заговора из иных сел (почему-то на Карельском берегу), о найденных им убийцах, о штрафах наложенных на жителей сел за прощение этих

[51] Из клятвы опричников: «Клянусь не молчать обо всем дурном, что я знаю, слыхал или услышу, что замышляется тем или другим против царя... Я клянусь также не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего». Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Книга 8. 1922. С. 36.

[52] Харузин Н.П. Русские лопари. Приложение 2 // Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1890. С. 446.



Средневековое городище.

«убийц» и т. п. В общем, «тридцать седьмой год» в миниатюре. «Басаргой» еще долго на Кольском Севере пугали детей.

В 1582 году в поселении Кола появился первый воевода, что свидетельствовало о решительном намерении Царя Московского распространить свою власть на еще более удаленные пределы Европейского Севера. Таким образом, Кола становилась административным центром огромного края, который ранее управлялся сборщиками податей, приезжавшими из Кандалакши[53]. Однако, Варзужская и Умбская волости, по-прежнему, остались в ненавистном Двинском уезде и в состав этого вновь образованного Кольского уезда включены не были[54].

В начале XVIII века указом Петра I от 1708 года Кольский острог с одноименным уездом вошел в состав набиравшей при Петре силу Архангелогородской губернии. В эту губернию вновь без изменений вошел и весь Двинский уезд с Варзужской и Умбской волостями[55].

И только лишь 26 марта 1784 года указом императрицы Екатерины II Варзужская и Умбская волости были включены в Кольский уезд, и таким образом завершилась столь долгая история «Двинского владения» на Терском берегу Кольского полуострова[56].

[53] ГАМО, ф. 810, оп. 1, д. 52, д. 85.

[54] Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972. С. 73 -74.

[55] Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ – 1). Т. – IV, № 2218. С. 436 - 437.

[56] Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972. С. 175.

Прямое Городище. Май 2008 года. Обнаружены первые признаки большого пожара в давние лета.

Прямое Городище. Май 2009 года. Археологические раскопки на месте Городища предварялись обследованиями с помощью металлоискателя.

Форпост Земли Русской

На взгорье, в районе бывшего аэродрома села Варзуга, сохранились «остатки двух древних укреплений – «прямого» и «косого» городищ», так писал профессор Ушаков И. Ф., к сожалению не оговаривая источник этой исторической информации[57]. Сегодня старожилы села, хорошо зная такое название местности в районе Майковой курьи и «аэродрома», ни о каких «остатках древних укреплений» не слыхали. Потому найти конкретное место, где именно было варзужское «городище» удалось далеко не сразу.

Городищем, как в России, так и в иных славянских странах называлось особое место при древнем поселении, расположенное обычно на возвышенности, где в давние годы существовало какое-то укрепление, острог, замок или святилище. Стены этих крепостей усиливались валами и рвами. Сюда, под защиту стен городища сбегались, взяв с собой самое ценное, жители селения в случае нападения «лихих людей».

Слово «городище» составлено по аналогии со словами «пожарище», «селище» или «пепелище» и др., означающими места бывших селений, пожаров и тому подобное. Городище всегда свидетельствует о давности основания данного поселения. Около селения имеющего значительный возраст, должно быть древнее «городище» или, по крайней мере, следы его. Иной возможности уцелеть поселению в те времена бесконечных войн и разорений не было. И уж тем более это касалось крайне северных, периферийных земель новгородской республики.

Земли западной Карелии (Каяни)[58], Русской Лапландии и Норвежского Финнмарка были поделены еще

[57] Так пишет Ушаков И. Ф., к сожалению не оговаривая источник информации.

[58] Кайнуу (фин. Kainuu) — провинция в Финляндии на восток от Ботнического залива, от земель Оулу.

Прямое Городище. Июнь 2009 года. Изучение истории строительства земляного защитного вала путем раскопа стратиграфической траншеи.

в давние времена и имели установленный древними Новгородскими князьями и Норвежскими конунгами статус, так называемой, «двоеданности»[59]. Создавать здесь постоянные поселения и строить укрепления запрещалось текстами соответствующих договоров: «Ни мы, ни вы не должны сооружать укреплений, ни в Русии, ни в Карелии»[60]. Граница этим требованиям проходила через древний Умбский рубеж (реку Вялу). Таким образом, Варзужское укрепление было построено на законных основаниях.

В этом, 2009 году Варзуга отмечает свое 590-летие. Есть некоторая несуразность в том, что год разорения поселения на Варзуге считается годом его основания. Но таковы законы историографии. Хотя, конечно же, эту дату следует отнести к много более раннему времени. Если в 1419 году сюда из Скандинавии пришли разорять Варзугу 500 человек «мурманов» на «бусах и шняках»[61], то значит, было ради чего идти в такую даль. Значит, поселение близь варзужского городища в 1419 году уже было известным и богатым.

Вторая жизнь Городища

Для того, чтобы достоверно обнаружить место расположения «прямого» Городища потребовалось немало усилий. Это было связано с очевидной труднодоступностью этого района из-за сложного рельефа, заболоченности подходов и густых лесных зарослей. Только лишь в мае 2008 года были найдены первые признаки большого пожара случившегося в давние лета. Через год, в мае 2009 года удалось, наконец, обнаружить характерные признаки средневековых укреплений, после чего район Городища обследовался с помощью металлоискателя.

[59] В последствие земли эти стали «троеданными». «1556 год. Лопари платят дань русскому царю, королю датскому и королю шведскому». Бэрроу Стифэн. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 44.

[60] Бутков П. Три древних договора // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1837. Ч. 23–24. № 1–6. С. 35.

[61] Шнек или шнека (от норв. – снеккар или малый дракар, на носу вместо дракона змея) – морское парусно-гребное судно скандинавских народов XII - XIV вв. Оснащалось 1-2 мачтами с прямыми парусами, 15-20 парами весел, вмещало до 100 человек. Ко времени описываемого нападения могло нести пушечное вооружение. Так, в 1447 году те же «немцы в бусах и шнеках бежаху к Нарове и Новгородчи на лодиях противу их, и начаша Новгородчи и Немцы пушками битися и стрелятися» (ПСРЛ. Т.-XVI. С. 91).

Великий князь Московский Василий Дмитриевич правил во время разорения Поморья в 1419 году.

В июне 2009 года по согласованию с администрацией села, в Варзугу прибыла археологическая партия, которая провела необходимые изыскания. Вывод ученых из Карелии и Санкт Петербурга однозначен: здесь обнаружено самое северное в России средневековое укрепление.

Территория древнего укрепления по его периметру, проходящему по краю обрыва была расчищена и стала доступной для обозрения. Таким образом открылось место для установки памятного знака – Золотого Креста Варзуги, как доминирующего символа первого русского поселения на Кольском Севере. Стало очевидным, что именно с этого места, с ? метровой возвышенности открывается полноценная панорама Варзужского поселения и просматриваются все подходы к селу с верховья и низовья реки. Место размещения защитного сооружения древних варзужан было выбрано нашими предками идеально.

Образцы обугленных деревянных плах поднятых из грунта на территории по периметру Городища были отданы для проведения радиоуглеродного анализа в лабораторию геохимии РГПУ им. А. И. Герцена города Санкт Петербурга. Результаты анализа показали, что время пожара и уничтожения органики приходится на период 1394 -1434 годы по Р. Х. Нетрудно посчитать, что исследуемые нами события летописи 1419 года оказываются, как раз, по середине этих крайних дат.

Анализы более глубоких слоев грунта позволили установить и период возникновения этого деревянного укрепления по типу городища. Это начало-середина XIV века.

До настоящего времени историческая наука считала, что подобные укрепления не существовали севернее территории Карелии. Во всяком случае, знаменитый Орлец городок, построенный на Северной Двине в тот же период времени, в 1342 году, считали явлением уникальным[62].

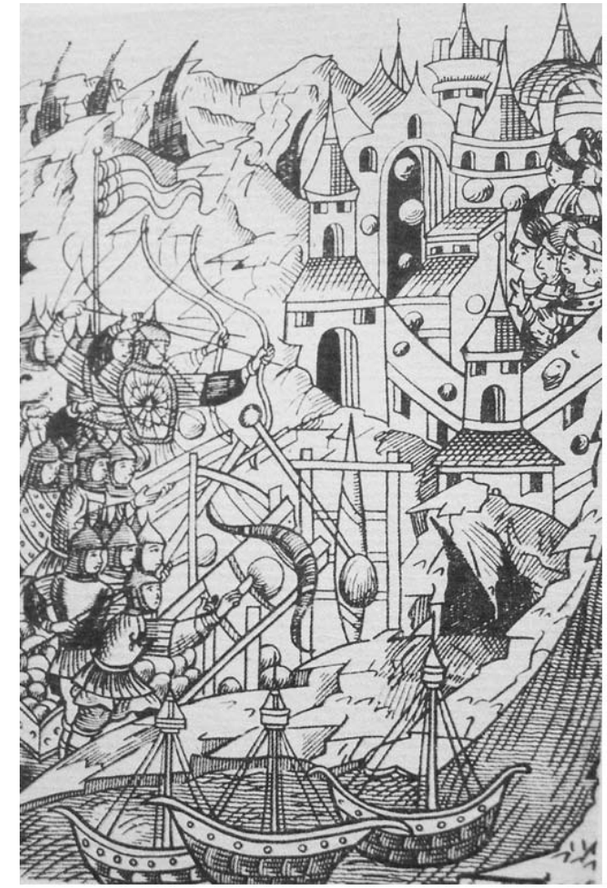
Орлец городок

Учитывая явную одновременность возникновения этих двух городищ на Двине и на Варзуге, есть смысл проследить историю появления и последующую судьбу Орлец-городка. Новгородская летопись за 1342 год сообщает: «Лука Варфоломеев, не послушав Новгорода и митрополича благословения, скопив с собою холопов и поиде за Волок на Двину и постави городок Орлец...». Речь идет о сыне новгородского посадника, именем Лука[63], который набрав шайку «холопов сбоев»[64], отправился в Заволочье и разорив много деревень по Двине

[62] «Это единственное на территории Архангельского Севера древнерусское городище». Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск, 1992. С. 139.

[63] Боярин неревской стороны Новгорода Лука Варфоломеев, отец знаменитого впоследствии победителя шведов Онцифора Лукина, к этому времени уже был известен как, весьма лихой воевода, любивший «творить набеги», как на «немцев», так и на дальние российские селения. В 1320 году на морских судах – ушкуях он вышел из Двины, и, дойдя до Северной Норвегии, «повоевал» норвежский Финмарк.

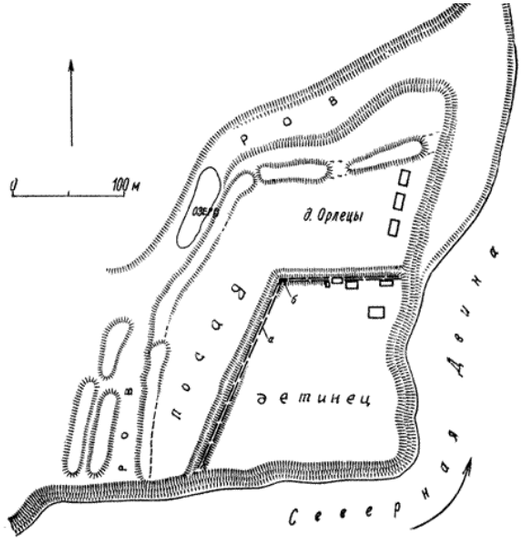
[64] «Холопы-сбои», они же «ушкуйники» - добровольцы дружинники из числа феодально-зависимого люда, ходившие «воевать» дальние пределы Новгородских земель. Чаще всего формировались из взятых в плен воинов противника. По правовому положению приближались к рабам. Эти отряды «удальцов» финансировались новгородскими боярами и купцами, принося награбленное и отвоевывая новые места промыслов и сбора дани.



Осада крепости Орлец в 1398 году. С миниатюры из Лицевого свода XVI века. Так же была атакована и Варзуга.

и Ваге, основал там, на реке Емце свою крепость - городок Орлец. Затем, подбив еще и емчан, повоевал, «взял на щит» и всю заволочскую землю, но был убит заволочанами. За этими, на первый взгляд, «разбойными» действиями видится попытка отстоять «новгородскую вольницу» перед лицом все более нарастающей и смиряющей власти Великих князей Московских.

Прознав об убийстве отца, сын Луки, Онцифер с новгородцами неревской стороны обвинил в пособничестве убийству власти Новгорода. В результате произошли столь бурные столкновения, что потребовалось вмешательство Новгородского архиепископа Василия Калики. Онцифор «со своими пособниками» бежал из Новгорода. Но уже в 1350 году «в Новгороде после



План крепости Орлец. Основана в 1342 году одновременно с варзужским Городищем. Можно отметить очевидную схожесть в выборе места размещения.

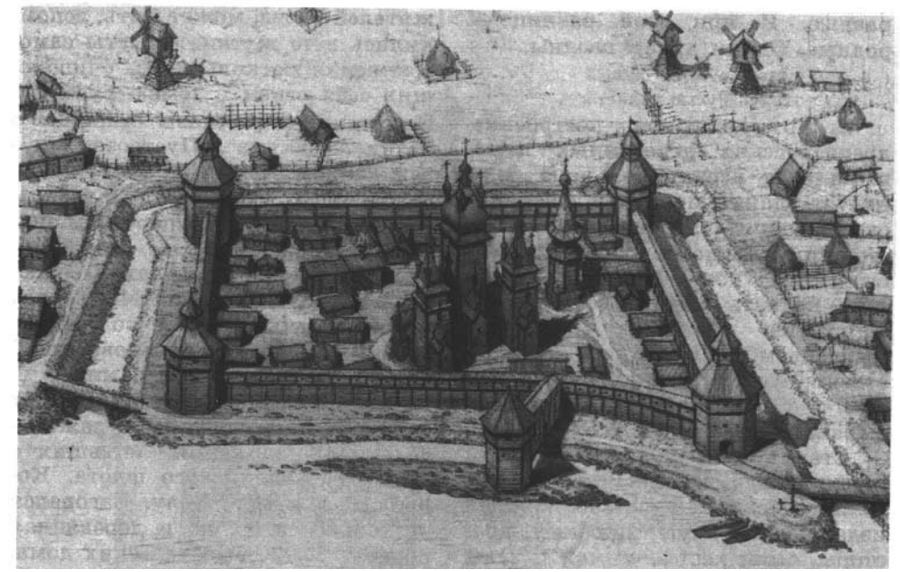
очередного переворота, свергнув верного Москве посадника Фёдора Даниловича, к власти пришел боярин Онцифор Лукин».

В 1397 году Московский Великий князь посылает на Двину в крепость Орлец бояр с предложением «ко всей Двинской слободе» порвать с зависимостью от Новгорода и перейти под покровительство Москвы. Посольство было успешным, и Двинская земля отошла к Великому князю Московскому Василию Дмитриевичу. Но Новгородская власть отозвалась на это быстро и решительно: «Не можем сего терпеть от великого князя Василия Дмитриевича: отнял... у Великого Новгорода пригороды, волости, наши вотчины, хотим поискать своих вотчин»[65]. В этот раз Новгород показал, что все еще силен. Новгородская рать числом в восемь тысяч человек жестоко разорила Галичские, Белоезерские, Вологодские, Устюжские вотчины Великого князя. Затем в 1398 году новгородцы «поидоша вниз по Двине, воюючи» осадили крепость Орлец. После долгой осады городище Орлец было взято. «Стояше месяц, взяша Орлец и разгребоша… А воевод заволоцких Ивана и Копана с дружиною их поимаша, иных смертию казнили, а иных с собою словив, поведоша, занеже те же боя-ря отводили землю Двинскую Великому князю».

«Двинские события имели большой общерусский политический резонанс - была предпринята попытка отторгнуть от Новгорода одну из богатейших его провинций»[66].

[65] Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск, 1992. С. 141.

[66] Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск, 1992. С. 140.



Кольский острог в середине XIX века. Классический пример позднего деревянного укрепления. Построен в 1582 году.

Однако ход Российской истории явно склонялся в пользу Московского царства. Время Новгородской вольницы истекало. Всего через три года, в 1401 году вновь «князя великого повелением ратию наехав войною за Волок, на Двину, и взяша всю Двинскую землю на щит»[67]. Новгородцы и в этот раз сумели возвратить себе богатые северные земли.

И вот, наконец, в 1464 году Великий князь Московский Иван III Васильевич окончательно отторг Двинскую землю: «начаша битися о третьем часе дня и до захождения солнца сечахуся и знамя у двинян выбиша; первого убили, ин другой подхватил; убив же третьего – знамя взяли... и приведоша землю ту всю под великого князя»[68].

А в 1478 году и сам Великий Новгород навсегда был присоединен к Московскому царству.

Принцип средневековых городищ

Сегодня трудно сказать, была ли причина строительства укрепления в Варзуге аналогичной причине строительства Орлеца на Двине – а именно, попыткой новгородцев противостоять притязаниям Великого князя Московского на богатые северные вотчины.

Во всяком случае, городище Орлец территориально ближайшее к Варзужскому, так же весьма схоже и принципом своей планировки и временем возникновения. Строительство укреплений на месте, двух естествен-

[67] Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 6.

[68] Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 8.

МЕСТО ВАРЗУЖСКОГО ГОРОДИЩА
НА СОВРЕМЕННОМ ПЛАНЕ СЕЛЕНИЯ ВАРЗУГА

Карта 5

1 – Успенская церковь
2 – Афанасьевская церковь
3 – Никольская церковь
4 – Петропавловская церковь

ных водных преград или слияния двух рек в полной мере соответствовало оборонительным принципам устройства древнерусских городов. «Крепость обычно строилась на естественном возвышении, чаще всего на мысу при впадении одной реки в другую»[69]. Так в XII веке было построено городище Паасо, самый северный племенной центр карелов. Оно находилось на высокой (около 80 метров) горе, в одном километре от места слияния рек Тохмайоки и Хелюлянйоки, недалеко от впадения последней в Ладожское озеро.

По тому же принципу в 1540 году на Каменном мысе (впоследствии превратившемся в остров), при впадении реки Колы в Кольский залив, основал свой Свято-Троицкий монастырь преподобный Феодорит.

На мысу, образованном впадением реки Маны в Печенгу, в 1534 году построил свой «новоначальный» монастырь преподобный Трифон.

На мысу при впадении реки Княжухи в устье реки Печенги (Печенгский залив) были воздвигнуты после 1550 года укрепления Свято-Троицкого Печенгского монастыря. Все эти укрепления были построены с учетом требований фортификации того времени. «Такие укрепления состояли из вала, на котором были возведены стены и башни, подобные стенам и башням позднейших острогов»[70]

Таким «позднейшим острогом» на Мурмане была знаменитая деревянная Кольская крепость. Этот Кольский острог был построен в 1583 году воеводой М. Ф. Судимантовым и сохранялся до середины XIX века[71]. Можно с большой степенью достоверности говорить об идентичности Печенгского и Кольского острогов. Эти укрепления, или «города», как и многие другие подобные им, были воздвигнуты к 80-м годам XVI века по общему плану обороны Русского Севера, когда «походы шведов на Русскую Лапландию и Корелию сделались особенно часты и разорительны»[72].

Крепостные стены таких «городов» «состояли из деревянных срубов (городниц), наполненных землей, которые были плотно приставлены одна к другой и создавали крепкое укрепленное кольцо вокруг города»[73]. Наверху таких стен, составленных из этих «городниц», образовывалась довольно широкая площадка, которую с внешней стороны от неприятельских стрел и камней прикрывал деревянный забор (забрало)». «Забрала», или «заборола», – характерные зубцы из деревянного бруса на верху крепостной стены, между которыми устраивались щели – «скважни» для стрельбы в нападающих. На верху стены, в «заборолах» происходила ожесточенная борьба во время штурма, отсюда защит-

[69] Тихомиров М. Н. Древнерусские города // Ученые записки Московского Государственного университета. М., 1946. Вып. 99. С. 227.

[70] Тихомиров. Древнерусские города... С. 228.

[71] Острог был уничтожен пожаром, возникшим в результате обстрела города Колы английским фрегатом «Миранда» в 1854 году в ходе Крымской войны. См.: Ушаков И. Ф. Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001. С. 112.

[72] Огородников Е. Мурманский и Терский берега по «Книге Большого Чертежа». СПб., 1896. С. 24.

Нынешний вид Майковой Курьи в июле месяце.

Андрюков (Родников) ручей. В давние времена был глубоким притоком Варзуги и служил естественной преградой на подходах к Городищу.

«Зимник» в районе Городища – заросшее русло Андрюкова (Родникова) ручья, он же защитный ров на подходе к укреплению.

ники крепости бросали в нападающих камни, стрелы и копья.

Семь столетий назад

Для того чтобы увидеть, как выглядело в те времена Варзужское городище, и убедиться в том, что наши предки неукоснительно воплощали главные принципы строительства средневековых крепостей, необходимо реконструировать рельеф местности и русло реки, существовавшие здесь почти 700 лет назад. Скажем прямо, территория села за эти столетия претерпела очень серьезные изменения.

Общеизвестно, что в результате подъема тектонических плит района Фенноскандии[74], в который входит и Кольский полуостров, произошло значительное обмеление водных бассейнов региона. Можно приблизительно подсчитать, что за семь столетий, прошедших с момента строительства Городища, берега реки Варзуги поднялись на 5-6 метров. [75]

Таким образом, в те времена XIV века вся территория берега прилегающего к Городищу в районе Майковой курьей, была покрыта водами реки. Да и сама ныне мелкая, «курья» протока тогда являлась полноценным руслом Варзуги. Андрюков ручей (историческое название «Родников») впадающий в Майкову курью на подходе к Городищу, в то время огибая возвышенность укрепления с востока, еще долгое время защищал подходы, оставаясь такой же «курьей».

Наверняка, нынешняя низина с ручейком, проходящая вдоль Городища, с которой начинается зимник («Ворга»), ведущий на Сергозеро и Бабозеро, – это все, что осталось от древнего оборонительного рва. Ров этот также наполнялся водой от многочисленных родников. С приходом приливной воды от моря, которая при той глубине реки, конечно же, поднималась вверх по течению и доходила до села и выше, водная преграда становилась еще надежней.

Как известно на сегодня удалось достоверно установить место нахождения «прямого» Городища. Но было еще и «косое» городище. Где оно точно находилось, и где остатки его укреплений, пока еще нам не известно. Равным образом, не вполне ясно и изначальное место расположения самого поселения Никольского берега реки. Очевидно, что оно не могло быть на нынешнем месте, если учесть тот, прежний уровень воды и опасность весеннего разлива Варзуги. Скорее всего, село находилось на возвышенном, обрывистом берегу, там, где позже был аэродром. В таком случае русло реки проходило под этим берегом, и ныне от него остались много-

[73] Тихомиров. Древнерусские города... С. 228.

[74] Фенноскандия — физико-географическая страна на севере Европы, охватывающая территорию Скандинавского и Кольского полуостровов, Финляндии и части Карелии. Располагается на Балтийском щите, который на протяжении всей своей геологической истории испытывает устойчивое поднятие.

[75] «Геологи констатируют, что с 3 тысячелетия до н.э. и до нашего времени уровень Ладожского озера понизился на 21 метр». Писков А. Наследие вождей Атлантиды. Элиста, 2008. С. 4.

численные озерки и заболоченная местность. Это русло отделяло от материка остров, – то есть возвышенную часть берега Никольской стороны, начиная от церкви и дальше, к городищу.

О том, что рельеф берега и русло реки сильно изменилось, и все было по-другому, свидетельствует, например, Писцовая книга на Варзужскую волость за 1570 год. Согласно этого документа, действительно, в древности на реке был жилой остров с частью деревни на нем. И здесь, «на острову на реке на Варзуге» в конце XVI века еще находилось семь дворов, в том числе и подворье «Соловецкого монастыря, а в нем дворник Ивашко Никитин». Да, кроме того, «на острову», умещалось еще и место покосное, «полянка Гридинская Андреева»[76] .

После «мурман приходу»

После разорения 1419 года вотчины на Варзуге довольно быстро восстановились. Как, опять же, свидетельствуют данные радиоуглеродного анализа, и сожженное Городище вскоре было отстроено вновь.

В это время на островах Белого моря возникает Соловецкий монастырь. Основанный в 1436 году монахами Зосимой, Савватием и Германом, эта самая северная, в то время, монашеская обитель необычайно быстро входит в силу и приобретает неоспоримый духовный авторитет на Крайнем Севере.

Говоря о Соловках, как о «самой северной обители» на момент первой половины XV века, то есть, до прихода на проповедь великих просветителей Кольского Севера XVI века Феодорита и Трифона, мы должны сделать некоторые оговорки.

Во-первых, Никольский погост Николо-Корельского монастыря в Варзуге был основан значительно раньше. Во-вторых, остается открытым вопрос о времени существования Кокуева монастыря в Порьей Губе упомянутого в Книге Большого чертежу, следов которого, за давностью лет, никто не находит[77]. В-третьих, мы так же не знаем времени основания, упомянутого в своем донесении голландцем Салингеном «первого монашеского форта (Monckenfort)» в Губе Паз, где ныне стоит Борисоглебская церковь[78].

К началу XV века, практически, все побережье Белого моря, равно как и все промысловые угодья на Терском наволоке, по-прежнему, были поделены «промеж пятию роды корельскими детьми». Появление Соловецкого монастыря повлекло серьезные перемены в Северных владениях корелов.

Так, например, если в начале XV века береговые морские промысловые угодья, в том числе «и в Соловках

[76] «Сотная» из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на Варзужскую волость // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI-XVII вв. Л., 1930. С. 30.

[77] На сегодня становится все более очевидным, что Кокуевым монастырь назывался по имени родоначальника «детей корельских» происходящих из одного могущественного рода - Роукула. Этот глава рода, именем Кокуи Роуккула, скорее всего, являлся покровителем (ктитором) Порьегубского монастыря. Ктитор - от греч, κτήτωρ – собственник, основатель, создатель.

[78] «В 1573 году русские бояре и послы положили границей Паз-реку, или где был первый Monckenfort». Филиппов А. М. Голландец Салинген в России в XVI веке // Литературный вестник. СПб., 1902. С. 120.

Соловецкий монастырь.
Рисунок 1881 года.

на море на островах», принадлежали некой корелянке Ховре Тойвутовой, то вскоре (в период 1447-1454 годов) эту огромную территорию, «отцину свою рокольского рода» продала она «за пол четверта рубля»[79] посаднику новгородскому Дмитрию Васильевичу. После чего, очень скоро, в 60-е годы XV века, указанные островные угодья Соловков Новгородской жалованной грамотой были пожертвованы Соловецкому монастырю.

В 1469 году вновь большие Новгородские владения «по морскому берегу рыбные ловища, земли, и воду, и пожни, и лешей лес» Терского берега «посадницей Марфой» так же были отписаны Соловецкому монастырю. Марфа Борецкая жертвовала «игумену Зосиме и священникам и старцем» промысловые угодья «от Умские межи [граница владений между Умбой и Варзугой проходила по реке Оленице – и. М.], от Кашкаранского Ручья [речка, не доезжая 3 км до Кашкаранцев – и. М.] и до Красныя Щелейки[80] [граница между владениями Варзуги и Терскими лопарями на востоке – и. М.]»[81].

С этого времени и многие варзужане, составляя «грамоты духовные» [завещания – и. М.], стали отписывать свои владения «игумену и всем старцам Соловецкого монастыря», дабы «на память собе и родителем своим вписать их в сенодик [Синодик, помянник – список имен умерших для их поминовения – и. М.]»[82].

В 1471 году волость Варзуга (вместе с Умбой) перешли от Новгорода во владения великого князя Московского Ивана III. Соловецкий монастырь, хотя еще и

[79] Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 18.

[80] «Красная Щелейка» - сегодня брошенная тоня «Красная Щелья». Находится в 20 км на восток от селения Сосновка.

[81] Северные грамоты XV века // Летопись занятий археографической комиссии за 1927-28 годы. Л., 1929. С. 129.

[82] Савич А.А. Соловецкая вотчина XV-XVI веков. Пермь, 1927. С. 36.

оставался в «епархиальном управлении новгородских архипастырей, но стал пользоваться особым покровительством московских государей»[83]. Соловецкие монахи основали здесь на Варзуге свое подворье[84] и одновременно возобновили, скорее всего на ее древнем месте, Никольскую церковь, которая была освящена в 1491 году. Эта Никольская церковь имела придел Успения Божьей Матери, как утверждает соловецкий архимандрит Досифей[85].

По описи 1563 года на Никольской стороне села Варзуги, кроме Никольской церкви, уже существовала и церковь во имя апостолов Петра и Павла. На противоположном, Пречистенском берегу села уже была построена первая отдельно стоящая церковь Успения Пресвятой Богородицы[86].

«Сотная» 1575 года вновь подтверждает, что «Волость Варзуга над рекою над Варзугою, а в волости церковь Никола чудотворец, да церковь теплая с трапезою Петра и Павла, стоят без пенья... Да за рекою за Варзугою от Умскои стороны церковь с трапезою Успенье Пречистые стоит без пенья»[87]. То есть, знаменитый «Басаргин правеж» 1568 года, лишил эти берега и церковной жизни.

Священник, появился лишь спустя восемь лет после погрома, и «лета 7086 [1578], июня в тридесятый день к сему снимку с сотные грамоты Никольской поп Иванищо Варзусскые волости руку приложил».

В 1705 году на новом месте размещения села строится новая Никольская церковь с приделом (южным) во имя пророка Божьего Илии. Церковь бревенчатая, с пятью главами (шестая маковка над Ильинским пределом появится позже). «Церковь Никола Чудотворца пятиглавая, построена при преосвященном Сильвестре[88] архиепископе Холмогорском и Важском в 1705 году»[89].

Освящение церкви происходило: Никольский престол – 28 июня /11 июля, Ильинский престол – 29 июня /12 июля 1705 года[90], так пишет священник Михаил Истомин[91], ориентируясь на надписи на антиминсах.

Все перечисленные исторические события показывают их непрерывную связь и иллюстрируют динамику строительства нынешнего села Варзуга, что еще раз убеждает в верности принятия за год основания села – 1419 год.

[83] История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 27.

[84] Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. М., 1959. Т. 7. С. 9.

[85] Досифей (Немчинов), архимандрит. Описание Соловецкого монастыря... М., 1836. Т.-1. С. 418.

[86] Сборник грамот коллегии экономии. Пг., 1922. Т. 2. № 105. С. 3.

[87] Сотная из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на Варзужскую волость // Сб. материалов по истории Кольского полуострова / АН СССР. - Л., 1930. С. 30.

[88] Архиепископ Сильвестр (Крайский), хиротонисан в архиепископа 11 марта 1705 г., бывший архимандрит Заиконоспасского монастыря, в 1707 г. переведен на Смоленскую кафедру.

[89] Опись Петропавловского прихода 1840 года за подписью священника Гавриила Гурьева // ГАМО, ф. 7 и, оп. 1, д. 4, л. 96.

[90] Истомин Михаил, священник. Варзужский Петропавловский приход // Архангельские епархиальные ведомости. №11. 1896. С. 252.

[91] Священник Михаил Истомин служил в Варзуге с 1886 по 1903 год.

II. Исторический путь формирования духовности и традиций

Восстановление исторической памяти

В 2099 году в Варзуге произошли очень важные для истории села события – был установлен День села Варзуги. Для принятия решения о том, когда именно село будет отмечать этот День, были учтены следующие предложения.

Издревле самой почитаемой иконой в Варзуге, да и на всем Поморье была икона Божьей Матери «Одигитрия», что в переводе с греческого означает «Путеводительница». На всех иконостасах села в местном ряду, именно этот образ занимал почетное место. Эта икона сохранилась и в иконостасе нынешней Успенской церкви села (1674 года постройки). (илл. 36) Выбор в покровительницы именно этого образа Богородицы не случаен, и объясняется самим названием - «Путеводительница». Трудовая деятельность помора всегда была тесно связана с долгим отрывом от дома и одолением морских путей, и от заступничества Царицы Небесной «Одигитрии» напрямую зависела жизнь, как обитателей села Варзуга, так и поморов всего Терского берега. День Памяти этой иконы наши предки отмечали – 10 августа. Исходя из этого решением Совета депутатов и Общего собрания жителей села Варзуги было установлено праздновать День Варзуги в ближайший к 10 августа воскресный день.

Таким образом, мы видим, что для того, чтобы вернуть свою историю, и обрести День памяти села Варзуги, потребовалось обратиться к духовному наследию наших дедов и прадедов. Вспомнить те нравственные и религиозные ориентиры, которые служили надежным компасом в этом мире для всех поколений варзужан в течение почти шестисот лет. Дерево, оторвавшееся от своих корней, обречено на погибель, даже если его и пытаются пересадить в клумбу искусственных, надуманных ценностей, которыми так был богат прошедший XX век.

Варзуга, как и иные российские села, много больше, чем любой город пострадало от государственной

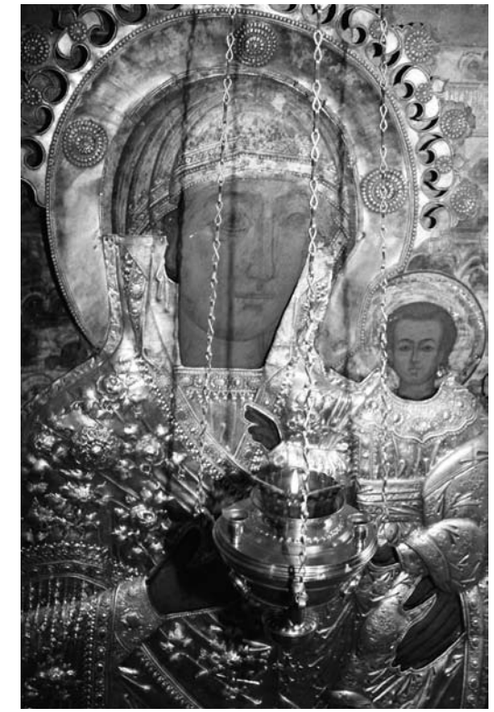
политики воинствующего атеизма. Какие бы не были гонения на веру и репрессии, но в каждом городе оставались церкви, были священники, поддерживалась православная традиция. В селах Терского берега все священники и церковные старосты были расстреляны в 30-е годы, церкви отобраны и осквернены. С 30-х годов XX века поморы оказались оторванными от православной традиции и культуры. Удаленность и замкнутость мира села привела к значительной утрате понимания, что есть православная традиция и каков образ жизни верующего человека.

Хотя именно село в России являлось хранилищем наиболее чистого, нравственно высокого, духовно здорового генофонда нации. Принципы общинной жизни села, сила общего мнения сельчан, их соборные решения и неоспоримый авторитет стариков, являлись гарантом духовного здоровья села, и активно противостояли любым вредоносным внешним вторжениям в сельскую жизнь, в мир традиции и самобытной культуры поморов.

Именно сегодня мы в полной мере пожинаем плоды, взращенные безбожной политикой прошедшего века. Ибо, как точно сформулировал Ф. М. Достоевский: «Если Бога нет, то все дозволено». И пошел процесс разрушения здорового и рачительного сельского уклада жизни, начала хищнически истребляться главное богатство Варзуги – семга и иная живность, уничтожаться святыни и памятники поморской культуры, разрушаться семьи, стали на селе процветать пьянство и матерщина.

Потерявший традиционные духовные ориентиры в своей жизни, современный сельский житель очевидным образом оказался в ссоре со всем миром Божьим. Он пребывает в конфликте, в разладе, как со своей внутренней природой, так и с природой внешней, окружающей его.

Природа, земля, река, живность для него постепенно превращаются в достаточно наскучивший «предмет потребления». Свою внутреннюю природу он безжалостно изнашивает в погоне за новыми наслаждениями и свежими впечатлениями. Природу внешнюю насилует и разрушает, следуя неумолимой и тупиковой логики «удовлетворения все возрастающих потребностей». «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача, – решительно заявляли творцы «нового мира» недавнего прошлого. «Наслаждайся! Бери от жизни все», – вторят рекламные слоганы «новых просветителей» современной России. Исконная духовная составляющая взаимоотношений «человек» –



Икона Божьей Матери «Одигитрия» из иконостаса Успенской церкви.

«окружающий мир», оказалась ныне закономерно утраченной пресыщенным «обществом потребителей». Все это в полной мере внедряется в образ жизни человека села.

Более открытый и ранимый внутренний мир сельского жителя, помора в значительно большей степени оказывается поврежденным этой духовной агрессией, чем у человека «закаленного» в городской атмосфере бездушия и моральной грязи. Люди Поморья стали терять опору в своей жизни, не видят смысла для существования, утратили интерес, вкус к жизни. Неизбежная в таком случае тоска, уныние и душевная боль заливается водкой.

Если же кто вдруг начинает задумываться об этой своей беде, чувствует потребность вырваться, обрести духовную опору, обратиться к Богу, то неизбежно этот порыв входит в противоречие с деревенской «общинностью», с важнейшим для жителя села вопросом: «а что скажут люди?». Вопрос этот давно забытый у горожан, где даже имени соседа по лестничной площадке не знают, по прежнему имеет решающее значение в селах Терского берега.

Это важнейшая составляющая внутренней жизни деревни – общинность. Это чувство общности людей живущих на этой земле, когда всем до всего есть дело, когда каждый чувствует себя частью одного целого, единого организма, когда все друг-другу родные. Именно это явление активно воспротивилось, противостало новой, безбожной идеологии искусственно принесенной из разложившегося во грехах города в начале XX века. Именно за эту целостность, за незыблемость деревенской общины, как оплота веры и традиций, так жестоко была изуродована русская деревня дорвавшимися до власти служителями князя тьмы. Именно деревня стойко держалась веры отцов, хранила авторитет старины и уважение к старейшинам, апеллировала к духовной мудрости предков и сбережению их традиций. И если тогда, во времена гонений на Церковь деревенская общность стремилась сберечь веру, то теперь те же принципы искаженного понимания «общинности», работают против человека, не дают людям возможности выбрать дорогу в храм, прийти на молитву, обратиться к священнику за помощью в решении духовных вопросов и проблем. Вновь возникает вопрос: «а что скажут люди?»

Осознание серьезности стоящей проблемы призывает нас всех потрудиться на ниве возрождения исконных духовных традиций святой Руси, ее поморских крайнесеверных рубежей. Духовный мир, которым жил русский христианин на своей земле, был устремлен к познанию и творчеству. Верующий человек стремился познать Бога через Его творения, уподобиться Творцу, приобщаясь красоте и совершенству Его творений. «Ибо невидимое Бога, вечная сила Его и Божество, – говорит мудрый апостол Павел, – от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1; 20).

В этом процессе «рассматривания творений», в творческом проникновении в неисчерпаемую премудрость Божественного замысла об устройстве мира, вся глубинная суть подлинной мировой культуры. «Высочайший ее смысл, – замечает Г. П. Федотов, выдающийся русский философ, – в богопознании, в гимне Творцу, раздвигающем храмовую молитву до пределов космоса».

Духовное наследие аборигенов

Говоря о ситуации тотального разорения духовной составляющей жизни на Терском берегу, сложившейся после времен воинствующего атеизма и необходимости ее восстановления, становится очевидной потребность в новой христианской миссии на Крайнем Севере. Невольно напрашивается параллель со временами

Евангельская проповедь, осуществленная монахами подвижниками в XVI веке, решительно изменила духовную ситуацию в Великой Лапландии.

далекого средневековья. Тогда, в XVI веке просветители Земли Кольской преподобные Феодорит Кольский и Трифон Печенгский принесли сюда свет христианского учения, вступив на берега населенные языческими племенами сколт-саамов или на русский манер – восточными лопарями.

О том, каковы были аборигены этих земель, «народ лопарский», красноречиво высказываются современники первопроходцев просвещения Кольского Севера преподобных Трифона и Феодорита. «Ни один народ на земле не занимается столько волшебством и чародейством, как лопари», – свидетельствует в XVI веке английский посол Джильс Флетчер[92]. Не имея иных средств к защите своих семей, этот небольшой кочевой народ в полной мере освоил возможности сотрудничества с «духами нечистыми», призывая их в помощь себе и используя для этого целый арсенал магических приемов. Можно представить, насколько тяжек был труд проповедника слова Божьего на земле, коренное население которой пребывало во мраке тяжкого

[92] Середонин С. М. Сочинения Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 140.

Земляное жилище лопарей.

Русский лопарь в летней одежде.

язычества, повседневно и буднично общаясь с силами тьмы, с «духами злобы поднебесными». Принципиальное отличие этого народа от иных малых языческих народов Севера, Сибири или Дальнего Востока состояло в том, что здесь не существовало института родового жречества. Каждый лопарь рождался для того, чтобы стать колдуном, он не состоялся как лопарь, если не стал «нойдом» (лопарским колдуном). Можно сказать, что лопарь – колдун по определению.

Подчас наиболее умелыми («знающими») нойдами были лопарские женщины. «На Севере везде боятся лапландских женщин, как ведьм, в распоряжении которых состоит сам злой дух, обязанный повиноваться их воле»[93].

Даже такие неустрашимы воины и отчаянные мореплаватели, как викинги, которых в Испании, например, называли «языческими чудовищами»[94], даже они о землях населенных лопарями отзывались не иначе как - «Иотунгейме», что означает «страна ужасов и злого чародейства»[95].

В «Саге об Инглингах»[96] рассказывается об одном герое - конунге, который рискнул отправиться в эту страну и даже женился там. Вскоре, однако, он надумал вернуться в родные края, своей же избраннице пообещав вернуться, через три зимы. Та честно прождала его целых десять лет, после чего решила прибегнуть к силе чародейства. Магическими рунами она «запела» его,

[93] Диксон В. Швейцарцы. Приложение в 6-и главах / Свободная Россия. СПб., 1872. С. 355.

[94] Фиркс, фон И. Суда викингов. Л., 1982. С. 5.

[95] Мурманская область: География и история освоения. Мурманск, 1996. С. 98.

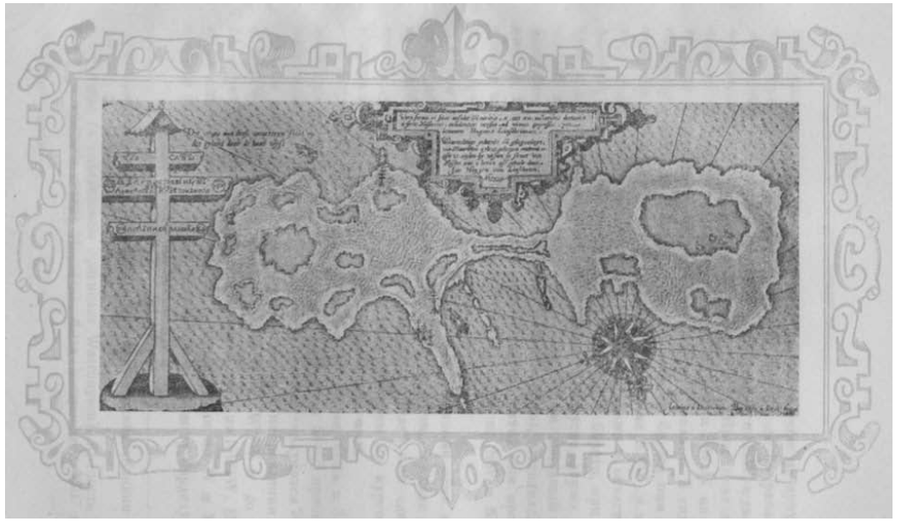
«Рыбные ловища» на лесных озерах Лапландии.

так, что он должен был теперь либо непременно вернуться, либо же, погибнуть. Вскоре конунг почувствовал непреодолимое желание ехать в Лапландию, но его дружинники удержали конунга, убедив его, что здесь на лицо явное действие колдовских чар. Но тут несчастный стал впадать в тяжкий сон, при этом, говоря, что во сне его «топчет мара». То есть, наваливается на спящего, давит и душит некая страшная темная сила. И не смотря на попытки слуг защитить своего господина, он вскоре во сне скончался.

В современном русском языке понятие о таком магическом воздействии трансформировалось в слово «кошмар». И надо сказать, что в наше время довольно многие люди, в силу своей не защищенности церковными таинствами, испытывают по ночам подобные кошмары, подвергаясь нападениям со стороны этого злого духа-«мары». Тщетно пытаясь бороться со страхом, для чего не гасят ночью свет в комнате.

Самоотверженными трудами христианских просветителей мрак «чарований бесовских» был развеян, земля русского Крайнего Севера, не без труда, но восприняла свет и истину Евангельского учения. В глубинную духовную жизнь Кольского Края была внесена творческая и благодатная составляющая веры в Истинного Бога. Зримым воплощением этих перемен стали возведенные церкви и часовни, великое множество православных деревянных крестов.

[96] Петрухин В. Мифы древней Скандинавии. М., 2002. С. 320.



Поморский поклонный крест на одном из островов в районе Новой Земли. Гравюра из дневника В. Баренца 1595 года.

Поклонный крест 1915 года.
Тоня Красные Щелейки. Один из уцелевших до наших дней древних крестов Терского берега. «Красная Щель» (около Сосновки) до XV века служила исторической границей между владениями корелов и лопарей.

Поморский крест

Поклонный поморский крест стал неистребимым символом этих берегов. Даже наступившие времена безбожия не смогли одолеть эту благодатную традицию. И ныне по Терскому берегу стоят кресты с вырезанными у их основания датами установки, являющими своеобразную летопись всего, казалось бы, безбожного XX века.

Невозможно было представить себе рыбацкую тоню без креста. Его чудесное действие было залогом успеха на промысле. Примечательно в этом плане соотношение понятий «крестовый» - «богатый» в среде поморов. Встречающиеся названия мест, типа «Крестовый мыс», «тоня Крестовая» и другие – «это не обозначение места, где есть кресты, хотя они там и могли быть, а свидетельство того, что эти места богаты в промысловом отношении»[97].

Установка креста есть знак «освоения» тони и освящения данной территории. Таким образом, тоня становилась «своей», обжитой и принадлежащей христианскому миру. Здесь утверждалась воля Божья и чужие, злые силы на данной территории власти больше не имели. Учитывая, что в среде поморов все же сохранялись элементы промысловой магии, то всегда была угроза, что кто-то захочет «отбить» рыбу. К примеру, «если рыбак, у которого рыба не идет, унесет незаметно с уловистой тони горсть песка, или кибасок (поплавок) с сети, хорошая тоня «испортится», а у неудачника

[97] Филин П. А, Фризин Н. Н. Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 167.

С картины В. М. Васнецова «На льдине».

начнется лов»[98]. Защитой от такой духовной агрессии, надежно нейтрализующей силы тьмы, и служил Поморский крест.

Варзуга и здесь имела свою специфику. Варзужане чаще всего кресты вдоль реки ставили в местах добычи жемчуга. Крест ловцов жемчуга на Варзуге нес в себе ту же охранительную функцию.

Для помора жизнь была полна ситуациями, проверяющими его на прочность. Тут и тяжелое штормование в открытом море, и крушение судна при попытке подойти к берегу, или столь частые трагические события на зверином промысле. «Промысел наш рисковой, страшной, – так рассказывал в 1896 году о своих односельчанах оказавшихся на отколовшейся льдине при «наледном» промысле зверя Николай Заварнин, коренной варзужанин, – тут уж не до зверя, кричим: «Братцы, назад!» – а те слов не разбирают… Мы стали лодку ладить, торопимся, а ветер как вдруг грянет нам в лицо, да со снегом, с градом… Все вокруг потемнело, взводни горой встали… Слышно кричат со льдины, а уж и не видать ничего. Пропали в темноте. Потом уж рассказывали промышленники мезенские, что видели льдину с тремя людьми против Канина носа, да подойти никак не сумели из-за погоды… Так и пропали страдальцы»[99]. Именно напротив таких трагических мест на берегу и ставили памятные кресты поморы.

[98] Колпакова Н. П. Терский берег. Вологда, 1937. С. 149.

[99] Колпакова Н. П. Терский берег. Вологда, 1937. С. 82.

Кладбищенский крест на Успенском кладбище Варзуги. Каждый помор с детства знает, какие надписи положено вырезать на Поморском кресте.

Особый случай для постановки креста, если надо попросить у Господа погоды, когда вдруг заштормило надолго, или, наоборот, море совсем «заштилело» («слысело налысо»). «...По общему обыкновению российских мореходцев, которые, когда в каком месте долго задержаны бывают противными ветрами, для испрошения себе попутного ветра делают кресты и вкапывают оные в землю...»[100].

Сакральное значение северного поморского креста трудно переоценить. Необходимо учитывать, что установка креста всегда узловая точка в жизни помора, особое событие в жизни, память сердца. Воздвижение креста – есть ясный акт свободной воли человека открыто заявляющего о выборе своей Веры, о своей приверженности памяти предков, о своей идентификации с исторической духовной традицией люда Поморья и Святой Руси в целом.И в эти праздничные дни варзужане в полной мере реализовали этот благодатный духовный потенциал, доставшийся нам от предков, воздвигнув на месте древнего городища села «Золотой Крест Варзуги». Надпись на памятной доске гласит: «В память о первопроходцах Кольского Севера, монахах и мирянах Варзужского городища, отдавших свои жизни за веру Православную и державу Российскую в 1419 году от Р. Х.»

[100] Озерецковский Н. Я. «Описание путешествия по Белому морю». Цит. по: Жданов В. П. Памятник морской славы //Наука и бизнес на Мурмане. Серия «История и право», № 2. 1997. С. 45.

Возвращение языческих богов

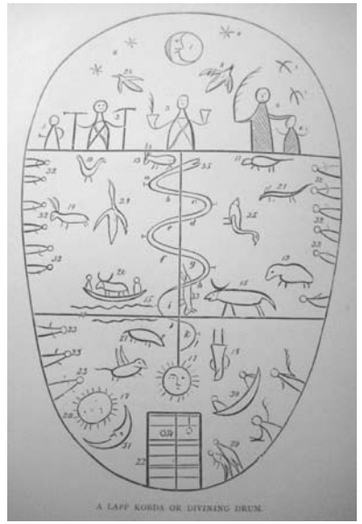
Наступившие после революции гонения на Православную веру привели к возрождению язычества, к укреплению сил тьмы и их служителей, к возрастанию приверженности к приемам домашнего колдовства и магии.

Вновь вошли в авторитет лопарские колдуны-нойды. Жители села все охотнее прибегали к помощи сил бесовских, обращаясь к кочующим через Варзугу лопарям и расплачиваясь за услуги традиционной бутылкой водки.

Надо сказать, что если люди стойко держащиеся веры отцов решительно отметали подобные контакты с лопарями, то считающие себя атеистами, и строителями «светлого будущего» очевидным образом признавали силу лопарской магии, стараясь откупиться от лопарей, и не ссорится с ними. У жителей Варзуги еще свежи в памяти многочисленные истории жестокой лопарской мести сельчанам не оказавшим заезжим лопарям должного уважения или отказавшим в их просьбах. (илл. 29)

Прикормленные с глубокой древности родовые «духи-помощники», не связанные более церковными таинствами и благодатью, вновь вошли в силу. Эти «духи-помощники», ангелы тьмы передаются по наследству родственникам по крови, и бывает весьма непросто избавиться от их навязчивой помощи, тем более, когда человек и сам не особо стремиться разорвать этот блудный союз. Да и как порвать эту связь, когда советы они дают практически значимые и очевидно полезные в повседневной жизни. «Хозяин, ты ключ потерял от входной двери. Он лежит еще за углом дома, пойди, подыми, а то скоро затопчут». Можно, конечно, не слушать, внутренне сопротивляться, и пойти взламывать дверь топором. Или «Хозяин, не ходи дальше - за баней мужики пьяные сидят, поколотят тебя. Обойди вокруг». Можно не послушать, пойти дальше и получить тумаков. Но, вот как-то, не хочется. Так возникает доверие, согласие с этими «ласковыми» помощниками. Но все это только вкрадчивое начало большого погибельного пути. «Коготок увяз, всей птичке пропасть». Постепенно эта власть, сокрытого для постороннего взгляда знания, пьянящая сила превосходства над простыми смертными, полностью захватывает человека, делая его рабом сил тьмы. Эта власть, губящая его как наркотик, зависимость от которого преодолеть крайне трудно.

Самое печальное ждет такого человека после того, как душа его, весьма мучительно, но все же расстанется со своим грешным телом. У древнего коренного насе-



Магические рисунки на лопарском «бубне прорицаний» (kobda).

ления Кольского края всегда существовала проблема упокоения тел и душ умерших. Увы, но эта беда, в значительной степени, наследовалась и поморами. Родовая проблема лопарских семей – «неупокоенные покойники». Души почивших лопарей-нойдов не находя покоя являются по ночам, наводят ужас, преследуя живых, и подчас доводя их даже до смерти. Это закономерное следствие дружбы с силами тьмы и занятия магией.

И мы не можем сказать, что Господь не справедлив, оставляя души таких «служителей» без упокоения после смерти, ибо в этой ситуации в полной мере реализуется свободная воля человека, который теперь, покинув свое бренное тело, в полной мере может «насладиться» всей «радостью» общения с этими жуткими «друзьями». Когда душа такого недавнего «повелителя духов» оказывается в полной их власти, они быстро объясняют кто теперь хозяин, и в чем состоит весь непомерный ужас этой власти над ним сил тьмы.

Все дело в том, что пребывая в течение земной жизни в своем материальном теле, человек находится в нем, как бы в «скафандре», и не испытывает непосредственного воздействия этих мерзких существ, и потому столь легкомысленно смело входит с ними в «дружеские» отношения. С их услужливой помощью этот наивный гордец быстро приобретает новые духовные силы, он раздувается от собственной значимости, от тех возможностей, что дают ему эти коварные падшие твари. Он теперь надменно глядит на окружающих, ибо отны-

не он может, как это говорят в народе, «сделать» человеку. Или другими словами, напустить болезнь, «приворожить», «заговорить», «извести» и так далее и тому подобное, в зависимости от мастерства и силы того беса с кем связался такой «чародей». В дальнейшем эта кошмарная зараза, передается из поколения в поколение такого колдуна, неумолимо приводя к физической и духовной деградации потомков всего его рода.

Дух морского богоискательства

Необходимо сказать и об особом духе, внутреннем стержне людей, населявших эти берега, потомками которых являются нынешние коренные северяне.

Терское поморье, впрочем, как и весь Кольский Север, формировались в условиях реальной, каждодневной угрозы смерти от «норманнов», что определялись особым, исторически сложившимся статусом этих земель. Этот компонент исторического фона оказал глубинное влияние на формирование духовности на Терском поморье.

«Шитье» лодок на Поморье.
«…Мы увидели судно называемое у них ладьей, скрепленное лыком. Оно шло на север, чтобы привезти оттуда клыки моржей, звериное сало и гусей…»
Из дневника В. Баренца 1595 года.

Кроме того, в течение многих столетий суровая стихия Белого и Баренцева морей была естественной средой обитания каждого помора с раннего детства. Именно здесь, день за днем, доверчиво и буднично вручали они жизни свои в руки Божьи. Именно здесь всем сердцем постигалась ими мудрость поморской поговорки: «Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался»[101]. Да и само приготовление к плаванию помора начиналось с укладывания в карбас под транец чистой белой рубахи – «на смерть»[102].

«Редкой год у нас кто-нибудь на промысле не гибнет. Потому у нас промышленники, как уходят «на тороса», – со всеми наперед прощаются: с живыми родными, да и на кладбище сходят с умершими тоже простятся» .

Таким образом, можно говорить об удивительном феномене морского богоискательства мореплавателей Крайнего Севера. Нынешние коренные терчане, потомки людей для которых почти ежедневная смертельная опасность воспринималась как норма жизни, формирующая особый уклад веры.

Такая специфика жизни формировала достаточно противоречивые людские характеры. С одной стороны, поморскому люду были не ведомы многие вечные вопросы аскетики, которые остро стояли перед «сухопутными» христианами. Мы имеем в виду такие аспекты духовного совершенствования, как, например, преодоление холодности сердца и равнодушия, стяжания чистоты и искренности в молитве, или же умения в полной мере полагаться на волю Божию. В то же время

[101] Немирович-Данченко. Страна холода: виденное и слышанное. СПб., 1885. С. 218.

[102] Колпакова Н. П. Терский берег. Вологда, 1937. С. 82.

Рыбацкая тоня на Поморье. Непременное условие успешности рыбацкого промысла – возможность помолиться у Поклонного Креста.

постоянный риск, возможность помериться силами с грозной стихией, поглядеть в глаза смерти позволяли на личном опыте узнать, что, как писал поэт:

«Есть упоение в бою
и бездны смертной на краю»...

Все это хорошо видно в поморских поговорках о море, о «зеленухе»[103], о «девятом вале»: «Кто на валу не бывал – тот и страха не видал, а кто валу брат – тот и черту сват»[104].

«Славолюбие сих смельчаков поощряется похвалою от своей собратии за отличную дерзость против замахов смерти. Таковою почестию многие из них превозносятся не менее оливного или пихтового венца древних атлетов. Родственники потерю своих сродников не считают дальнею утратою»[105].

Этот волнующий путь личного преодоления суровых обстоятельств жизни, эта способность выстоять и победить неизбежно порождали чувство самодостаточности, стимулировали осознание собственного достоинства и, в конечном итоге, часто приводили к глубоко укоренившейся, неодолимой гордости. Почва для этого была самая благоприятная, поскольку изначально в столь дальние пределы земель Российских приходили люди далеко не слабые, свободолюбивые и волевые.

[103] «Зеленуха – особенно большая, очень высокая морская волна, идущая по направлению к судну и грозящая залить рыбацкие, беспалубные суда». Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 60.

[104] Дуров И. М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929. С. 20.

[105] Молчанов К. Описание Архангельской губернии, ея городов и достопримечательностей со многими древними историческими известиями и знамениями. СПб., 1813. С. 5. Примеч.

С конца XVI века поморское судно – коч, стало палубным и многомачтовым. Для управления рулем стал применяться штурвал.

В большинстве своем этот люд был, как говорится, «с прошлым», со своими историями «конфликтов» с властями. И в дальнейшем, в течение всех столетий, «никакой помор никогда под началом не ходил, и шапки ни перед кем не ломал».

Ко всему надо добавить частое и долгое пребывание вне села, на тонях, промыслах, зимовках, вне приходской церковной жизни, а также ставший привычным личный, «напрямую» разговор с Богом. Все это приводило к угасанию чувства церковной соборности, атрофии потребности в Церковных Таинствах и общении со священником, и в целом - к нарастанию пренебрежения священноначалием и недоверия силе Соборного разума Церкви. Недостаток чистоты евангельского духа веры подчас компенсировался различными суевериями, языческими действиями, приемами местной практической магии[106].

Таким образом, перед нами две ясно выраженные специфические духовные составляющие поморской жизни, которые во второй половине XVII века увели в раскол большинство жителей Крайнего Севера. Искренняя, горячая, можно сказать, истовая вера в Бога, пребывающая в парадоксальном согласии с непомерной гордостью.

[106] Так, например, известный магический прием вызывания ветра, при котором один из мореходов становится к мачте и, царапая ее ногтями, с присвистом начинает призывать духа нечистого: «Беля, беля, беля, белолапко!». И так до тех пор, пока не почувствуется струя ветра и парус «зарябит».

Церковь Поморья

Сдержанность, аскетичность в быту и во всех внешних жизненных проявлениях, характерная особенность поморской духовности. Во многом это объясняется тем же принятием близкой смертельной опасности, как нормы жизни, внутренним пониманием быстротечности этого привременного бытия, готовностью уже сегодня предстать пред Господом и дать ответ.

Но с другой стороны желание уже сейчас стяжать «сокровище небесное» в зримом его воплощении, через строительство храмов, заботливое их украшение, через богатые ризы и золотое сияние икон. Поморские села богатели церквями.

Варзуга, даже в самые лучшие времена, имея не более тысячи душ населения, служила церковные службы, аж на семи престолах. И опять же внешне поморские церкви традиционно скромны, но за то внутренне богато украшены и нарядны.

Читая дореволюционные описи церквей, поражаешься богатству икон и их украшенности. Поморы редко поновляли потемневшие иконы в иконостасах. Чаще заказывали целиком новые иконостасы с новыми иконами, в соответствии с духом времени и возможностями новых мастеров. Старые иконостасы не разбирались, а целиком закреплялись на стенах храмов. Если же стен церкви уже не хватало, ставились дополнительные перегородки в храме. Таким образом, к началу разорения церквей в 30-х годах XX века, храмы Терского поморья обладали уникальной, музейной коллекцией иллюстрирующей этапы развития иконостасных форм и иконописных традиций на Руси.

Что же касается жемчужины деревянного храмового зодчества Кольского Севера – Варзужской Успенской церкви, то она заметно отличается от традиционно сдержанных храмов Поморья. Церковь эта, можно сказать, явилась в некотором роде высшим достижением храмового зодчества XVII века. Если сравнить Успенскую церковь с аналогичными постройками в иных местах Русского Севера, то приходишь к выводу, что она является вершиной в развитии одноглавой шатровой формы в российском церковном строительстве.

Издали церковь кажется удивительно стройной, торжественной. При этом выглядит легкой и вовсе не громоздкой, несмотря на свою почти 40 метровую высоту. Силуэт ее как бы органически сливается с окружающей природой, повторяя очертания небольших пушистых елей, встречающих гостей на подъезде к селу. Обращает на себя внимание гениальная пропорциональность всех ее частей и элементов. Чем ближе подходишь к

Иконостас Успенской церкви.
Фото 1896 года.

этой церкви, тем более величественной и нарядной она становится.

Этот эффект достигается, прежде всего, воплощением в пропорциях здания принципа «золотого сечения». «Золотым сечением» или «золотой пропорцией» называется такое деление размера, при котором отношение малого отрезка к большому равно отношению большого отрезка к целому.

Успенская церковь впервые упоминается, как предел Никольской церкви, восстановленной Соловецкими монахами в 1491 году, на старом «месте церковном», на Никольской стороне села[107]. Спустя еще семьдесят лет, в 1563 году Успенская церковь уже упоминается, как отдельно стоящее здание, возведенное на противоположном, ныне Пречистенском, берегу реки Варзуги, - «церковь, которая была с «верхом» (шатром)»[108].

Эта шатровая церковь, предшественница нынешней Успенской церкви, была, несомненно, меньшего размера и, по-видимому, изначально служила кладбищенской церковью, будучи построенной на древнем кладбище. Об этом свидетельствует высокая плотность древних захоронений обнаруженных при раскопках в 2004 году производившихся в связи с реставрацией здания и

установкой 24 опор под домкраты. Захоронения эти идут сплошными рядами внутри церковного периметра и на всем его протяжении. Многие останки имеют признаки насильственной смерти. Эти суровые берега Кольского полуострова с большим трудом доставались Русскому государству. Земля эта полита кровью многих поколений русских людей монахов и мирян – варзужских первопроходцев, положивших свои жизни за державу Российскую и веру Православную.

Ныне воздвигнутое на этих святых могилах здание Успенской церкви – «Успения Пречистой Богородицы» - построено попечением жителей села в 1674 году и мастером по имени Клемент, «при благоверном Царе и Великом князе Алексее Михайловиче и при Митрополите Великоновгородском Иоакиме»[109].

Причиной постройки нового здания церкви явился не пожар или иные вынуждающие обстоятельства, что подтверждается сохранившимся древним антиминсом, перенесенным в новое здание.

На этот счет можно высказать одно предположение. Внутренняя, духовная причина появления на свет этого уникального строения, вновь раскрывает нам вольный, независимый характер жителей этих мест. Столь масштабная, затратная и претенциозная постройка, вовсе не характерная для поморских сел, явилась косвенным следствием, так называемого, «Соловецкого сидения», Соловецкого бунта 70-х годов XVII века.

В течение восьми лет, с 1668 – 1676 годы, не желая подчиняться церковным нововведениям, Соловецкий монастырь находился в осаде, существуя лишь за счет внутренних резервов архипелага. Богатейшие варзужские вотчины монастыря в течение этих восьми лет попрежнему исправно приносили весьма значительные доходы, которые монастырем не могли быть востребованы. С 1669 года царь Алексей Михайлович принял жесткие меры, запретив всякие сношения монастыря со своими вотчинными владениями, и приостановил действия жалованных грамот.

Как известно, жители поморья внутренне сочувствовали и поддерживали «соловецких сидельцев», но при этом всем было понятно, что близится трагическая развязка. Так же было ясно, что в монастырь уже ничего не возможно доставить, и что в конечном итоге, все монастырские богатства достанутся «победителям», «никонианам». Внутреннее переживание, напряжение «стояния за веру», «за старину», требовало какого-то зримого воплощения, и в конечном итоге вылились в этот величественный памятник древнего церковного зодчества. Потому столь «вызывающе шатровой»

[107] «В Варзуге храм во имя Св. Чудотворца Николая с пределом Успения Пресв. Богородицы». Досифей, архимандрит. Описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Т.-1. С. 418.

[108] Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Мурманск, 1998. Т. 3. С. 205.

[109] Клировые ведомости церквей Архангельской епархии за 1859 год. ГААО. Ф. 29, оп. 31, д. 888, л. 692.

и была задумана эта церковь, как явный вызов «никонианскому» повелению, запрещающему строительство таких шатровых церквей[110].

Подобная реакция проявления своего несогласия, и как результат – воздвижение новой церкви (не смотря на существование прежней) весьма характерно для Поморья. Так в 1887 году жителями соседнего с Варзугой села Кузомень, в ответ на покушение на веру и внутренние устои народа, была воздвигнута новая величественная трехпрестольная церковь Святого великомученика Димитрия Солунского, в память об убийстве народовольцами императора Александра II. И при этом, не имело значения то, что рядом стоит церковь в честь того же святого, притом построенная относительно недавно – в 1845 году.

Этот же характер, не терпящий давления и вмешательства в традиционные устои жизни поморов, проявлялся и в советские времена, даже, несмотря на идеологический и административный прессинг коммунистического режима. Старожилы помнят, какому давлению постоянно подвергалось село по партийной линии в отношении продолжающей гордо возвышаться над селом Успенской церкви. «Страна к коммунизму приближается, а у вас такой позор посреди села стоит» – негодовали партийные руководители Мурманской области.

Особенно напористо стремился уничтожить Успенскую церковь В. Н. Птицын, избранный в 1971 году первым секретарем Мурманского обкома КПСС. Мало кто знает, что при его правлении иконы из иконостаса церкви варзужане одно время прятали в песках Кузомени, поскольку поступило категорическое указание об их уничтожении. Можно вспомнить, какие атаки «искусствоведов из Москвы» приходилось отбивать жителям, поскольку правдами и неправдами иконы церкви пытались увезти «на реставрацию». Знаменитые Царские Врата иконостаса обманным путем все же были подменены на изготовленную заранее копию специалистами из Московского музея древнерусской культуры.

Понимая, что методами 37-го года действовать уже не получится, и здание церкви «завалить» варзужане не дадут, по инициативе того же первого секретаря был придуман хитрый ход – «необходимо придать зданию первозданный вид». Другими словами, нужно просто снять защитную обшивку с церкви и, таким образом, древесина древнего сруба быстро придет в негодность и ненавистное здание рухнет.

Эту историю в свое время вспоминал старейший житель села Заборщиков А. Д. В 70-е годы Арсений

[110] Начиная от патриарха Никона и в дальнейшем, требования к внешнему виду церквей были следующими: «Церковь строить по правилам святых апостол и святых отец, чтобы была о пяти верхах, а не шатром». Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Мурманск, 1998. Т. 3. С. 207-208. Классический пример церкви «о пяти верхах» - Никольская церковь села, построенная в 1705 году. Правда, были и иные, практические, причины не строить шатровые церкви: «Шатров у церкви отнюдь бы не делать, ради того, что высокиецеркви молниею пожигает». Из письма от 10.01.1630 года благотворителя Егора Лыткина игумену Макарию. Макарий, епископ. Историческое описание Красногорского монастыря // ЧОИДР. 1880. Кн. 3. С. 68.

Успенская церковь в 60-е годы XX века. Дощатая обшивка церкви, защищающая бревенчатые венцы еще с конца XIX века, позволяла и дальше сохранять сруб от разрушения.

Дмитриевич входил в состав партбюро колхоза и имел возможность наблюдать, как приехавшее в Варзугу партийные руководители из области неожиданно стали радеть о красоте и «первозданном виде» здания Успенской церкви, требуя снять обшивку со здания церкви. При обсуждении этого предложения члены бюро колхоза высказывались против, а Арсений Дмитриевич, обратившись к секретарю обкома, поинтересовался: «А почему Вы не хотите предстать перед нами в «первозданном виде»? Вы ведь родились совсем голым, а сейчас на Вас пиджак и галстук…». У Арсения Дмитриевича потом, естественно, были неприятности, да и обшивку с церкви все же пришлось снять.

Последствия той диверсии 70-х годов варзужане сумели с большим трудом преодолеть только сейчас, когда аварийное здание церкви было полностью перебрано и сгнившие бревна заменены.

Усилиями партийных властей области защитная обшивка церкви была уничтожена, и древняя древесина бревен оказалось легко уязвимой для пагубного воздействия атмосферных явлений. К 90-м годам Успенская церковь пришла в аварийное состояние.

* * *

Подводя итог сказанному, необходимо вновь подчеркнуть особое значение Варзуги для всего Кольского Севера. И оно не только в очевидной глубокой древности этого поселения, или в сохранившихся церковных комплексах, или в завораживающей красоте речного раздолья. Есть внутренние сокровенные причины необъяснимой устойчивости этого села ко всем политическим перипетиям и историческим коллизиям, в которых она участвовала и которые пережила с неизменным достоинством.

Варзуга особая, сакральная точка на территории нашего края. Здесь решаются какие-то очень важные вопросы земного бытия и человеческой истории. Здесь проходит рубеж извечного противостояния между светом и тьмой, между святостью и грехом, между Христовым воинством и «духами злобы поднебесной» (Еф. 6;12).

Касаясь практических выводов, то совершенно необходимо предпринять усилия по приданию этому поселению особого статуса духовного центра Поморья, историко-культурного и природного заповедника Мурманской области.

Потому как Варзуга есть колыбель, исток и корень из которого вырос весь наш Кольский край. И каковым будет духовное состояние, нравственное здоровье и материальное благополучие Варзуги, таковым будет и жизнь во всем Российском Заполярье.

КИСЕЛЕВ Алексей Алексеевич,
доктор исторических наук, профессор Мурманского Государственного педагогического университета,
руководитель научно-исследовательской лаборатории регионального краеведения,
«Почетный гражданин Мурманска»

Место Варзуги в истории Мурмана

Прошлое и настоящее

Место Варзуги в истории Мурмана

Прошлое и настоящее

Так же как у России фактически есть несколько государственных, административных, исторических и духовных центров, а не только Москва, так и на Кольском Севере кроме официальной столицы – Мурманска есть исторический центр – Кола (откуда и пошло название Кольская земля) и еще более древнее селение – Варзуга, фактически духовная столица Мурмана.

Уважение и интерес к Варзуге у северян особенно проявились в дни празднования ее 590-летия. Народу приехало так много, что часть гостей разместилась в палатках, которые пестрели на поле. Все юбилейные дни стояла солнечная, теплая погода. На празднике были представители и духовной, и светской власти – архиепископ Мурманский и Мончегорский Симон, губернатор Дмитрий Дмитриенко. «За всю свою многовековую историю Варзуга ничего подобного не видела, – писали газеты. – …Освящение Золотого креста стало кульминацией…». Затем на открытой эстраде состоялся грандиозный концерт. И, конечно, была поморская уха, которой хватило на всех.

В те дни мы отмечали лишь дату первого упоминания селения в летописи, а история Варзуги уходит в глубь веков. Варзуга, судя только по письменным источникам, на 100 лет древнее Колы и на 450 лет старше Мурманска. Когда-то в этих местах было местечко Варсига и погост Корельский. Археологические же находки говорят о том, что первые поселенцы на Терском берегу появились еще в начале второго тысячелетия нашей эры.

Варзуга в XV веке

В отношении даты основания Варзуги журналист и писатель Д. А. Коржов пишет, что дата – 590 лет со дня рождения села вызвала вопросы. Он приводит мнения мурманских историков и краеведов. «Самым ранним известным нам поселением на Терском берегу являлся Корельский погост на реке Варзуге, упомянутый в летописи под 1419 годом. Вероятно, в нем жили не только корелы, но и русские…» – читаем у безусловного авторитета в этой области Ивана Федоровича Ушакова. И далее: «Из селений, существовавших на Терском бере-

гу, в 1466 году указаны Умба и Варзуга… возле села Варзуги до настоящего времени сохранились остатки двух «городищ» – «Прямого» и «Косого». На одном из этих «городищ» и был установлен в 2009 году Золотой крест Варзуги.

Что 1419 год – дата не безусловная и в целом спорная, – пишет далее Д. А. Коржов, – признает и ближайший коллега Ивана Федоровича – профессор МГПУ, доктор исторических наук Алексей Алексеевич Киселев: «В летописи указано, что в 1419 году пришли сюда норманны, ни больше ни меньше как 500 человек, и разгромили Корельский погост, – мотивирует Киселев. – От этой даты и идет отсчет. Хотя, безусловно, люди жили здесь и раньше. Такое место не могло быть пустым. Конечно, с датой нужно еще работать…»

Следующее упоминание о Варзуге относится к 1465 – 1466 годам (по хронологии того времени это 6974 год). В грамоте той поры написано о передаче угодий Варзуги Соловецкому монастырю.

Итак, существование Варзуги точно зафиксировано в русских летописях в XV веке.

О ранней истории Варзуги писал и автор книги «Терский берег» Н.Г. Яковенко, утверждавший, что «еще в XII веке шли на Север отважные новгородцы «семгу ловить и жемчуг искать».

И вот еще два документальных (подтвержденных) факта из истории Варзуги XV века:

первый – в семидесятые годы (в 1471 – 1478 гг.) Варзуга перешла во владение Великого князя Московского Ивана III;

второй – в 1491 году Соловецкий монастырь построил в селе приходскую церковь и поставил свое подворье.

В XVI веке

Значительно больше сохранилось письменных свидетельств о Варзуге XVI века. Они говорят о том, что варзужане помимо семужьего промысла стали заниматься и тресковым, а также «промышляли» жемчуг. В Варзуге в 1563 году было по обе стороны реки и на острове 124 двора, а людей 167 человек.

Об экономической жизни варзужан той поры Н. Г. Яковенко писал: «Основой всего хозяйства на Терском берегу была рыба. Ее ловили и в озерах, и в реках, и в море, на нее надеялись как на главную кормилицу… К XVI веку на Терском берегу, как и во всем Поморье, особенно выделялся семужий промысел. Он возникал одновременно с поселением (временным или постоянным) в любом удобном месте… Семгу ловили только на продажу, поэтому семужий промысел был главным занятием терчан…»

Кроме рыболовства «поморы почти сплошь хорошо владели топором, – отмечал И.Ф. Ушаков. – Они сами ставили себе избы, хозяйственные постройки, «заборы», изготовляли мореходные и промысловые суда. Жилище и дворовые постройки рубились просторные, высокие. Крылись они не соломой (хлеба варзужане не сеяли), а тесом. В окна вставлялась прозрачная слюда, а не пленка бычьего пузыря. Крыльцо, наличники окон, причелины своих изб, а также домашние вещи (прялки, деревянную посуду и прочее) они любили украшать художественной резьбой. Дома строились по-новгородски, в два этажа. Нижний, нежилой этаж (подклет) использовался для хозяйственных надобностей (как кладовые, склады, мастерские)».

О духовности, вере и религиозности варзужан в средние века говорило церковное строительство. Инициатива строительства храмов часто исходила не от какого-либо начальства, а от самих верующих.

По описи 1563 года, в Варзуге было три церкви: на левом берегу реки, в большей части села, две – Николы Чудотворца и во имя апостолов Петра и Павла, а третья – на противоположном берегу – Успения Пречистой Богородицы.

По названию приходских церквей левобережная часть села именовалась Никольской стороной, а правобережная – Пречистенской. Опись 1563 года показывает, что до постройки ныне стоящей Успенской церкви в Варзуге имелась другая, одноименная церковь, которая тоже была «с верхом» (шатром)». Одновременно на Терском берегу продолжался рост монастырских владений.

Но в целом благополучное село Варзугу в XVI веке настигла настоящая беда – Ивану Грозному донесли, что жители Варзуги вышли из повиновения: не хотят платить подати. Царь послал на Терский берег отряд своих опричников во главе с Басаргой Леонтьевым – взыскать долг (450 рублей). В 1568 году началась карательная экспедиция, вошедшая в историю как «Басаргин правеж». Опричники грабили поморов, отбирали скот, жгли строения. Население было вынуждено скрываться в лесах. Село пришло в запустение. В Варзуге осталось всего 45 жилых домов, остальные 79 были пустыми, а на 33 дворовых территориях рос бурьян. Вскоре после Басаргина правежа пришло царское повеление – передать Варзугу в Двинский уезд.

Усиливалась эксплуатация поморов и со стороны монастырей. Как писал И.Ф. Ушаков, «пользуясь нищетой и отсутствием у крестьян орудий лова, монахи по дешевке скупали у них луки, брали к себе на содержание престарелых и немощных людей с условием, что все их угодья после смерти перейдут в монастырь, давали нуждающимся под залог луков ссуды на обзаведение хозяйством, предоставляли в долг под высокие проценты муку и различное имущество. (Луком называлась одна условная доля в общей сумме нераздельных волостных угодий.)

В большинстве случаев обедневшие крестьяне были не в состоянии своевременно погасить свои долги и заложенные луки переходили монастырю».

В XVII веке

В 1614 году треть Варзужской волости была пожалована в вотчинное владение московскому Новоспасскому монастырю. Остальные крестьянские дворы с их луками были отданы царем в 1619 году в вотчину Патриаршему дому.

И в XVII веке основой благополучия Варзуги оставались рыбные и звериные промыслы. Семгу из Варзуги регулярно доставляли в Москву, к царскому столу. В грамоте за 1643 год записано: «Оброчную рыбу семгу 166 пуд с полупудом ис тое Варзужские волости возили к Москве на ямских подводах… бес перемены, чтоб тои рыбе мятья и убытку не было». Доставляли в Москву из Варзуги и жемчуг.

И семга, и треска, и озерная рыба, и жемчуг, и пушнина доставались дорогой ценой – варзужане гибли на промыслах, часто впадали в нищету, даже уходили из родных мест. В 1678 году из 62 дворов, принадлежавших патриарху, 14 были «вдовьими».

Главным событием в жизни Варзуги XVII века было строительство Успенской церкви – храма, который восхищает мир своим совершенством уже не одно столетие.

Варзуга в XVIII веке

Летописи и грамоты донесли до нас ценные сведения о состоянии и положении Варзуги в петровские и послепетровские времена. Когда пришел приказ отправить работных людей на медные рудники острова Медвежий, из Варзуги 7 ноября 1735 года разных вотчин выборные писали в Москву, что «людей в работу отправить было невозможно», что оброк семгой и деньгами не выплачен, что варзужане, «за-

кладывая последние свои пожитки, оные зборы платили, отчего пришли в неискупной долг, а многие от скудости, покиня домишки свои, з женами и з детми побрели в Двинской и Каргопольской уезды, меж дворы скитаюца и всеконечно разорились, и оной Варзужской волости многое число дворов опустело… А ныне… отпустили мы в работу со всех оной Варзужской волости вотчин 20 человек…».

Но Москве до положения рядовых варзужан дела не было. И в Варзугу шлют очередное послание о взыскании недоимок.

Следом послан был конюх «Илья Филиппов ехать… в Синодальную Варзужскую волость… для взыскания доимочных денег и рыбы семги… Взыскать той волости со крестьян бес всякого послабления и понаровки, не приемля их никаких отговорок… и смотреть, чтоб та рыба принимана была каждая весом не меньше осми фунтов…»

В предписании было предупреждение конюху – посланцу царя: «Если ты при взыскании вышеупомянутой доимки и на сей год по окладу станешь поступать слабо или с крестьян станешь брать взятки и всей доимки сполна не взыщешь, и за то тебе учинено будет жестокое наказание и сослан будешь в ссылку».

Какой была Варзужская волость в конце XVIII века? В описании ее читаем: село Варзуга от Колы в 453 верстах, от моря в 20 верстах, в длину по реке полторы версты и ширины мерою на 50 сажен. В сей волости семь деревень: Оленица, Кашкаранцы, Кузомень, Чаваньга, Тетрина, Чапома и Пялица. В селе 7 церквей: Успения Богородицы, святого Афанасия Александрийского, холодные, Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев теплая, святых Петра и Павла теплая, во имя святого Николы холодная, святого Пророка Илии холодная, святого великомученика Димитрия теплая…

В волости 155 домов, в том числе с одною избою 3, с избою и клетью 137, с избою и горницею 15…

Сельдяной лов бывает у нас не ежегодно, самое малое число и в доброй год вообще бочек по сту, а семги… пудов тысячи полторы…

Зимою женщины и девки прядут лен и ткут холсты про себя на рубахи, тако ж прядут конопля на рыболовные и нерполовные сети и неводы...».

В волости тогда было 155 промышленников домовых и 11 бездомовых. А кроме них – питающихся милостынею 26 душ. Если раньше за пользование тонями и покосами варзужские крестьяне платили монастырям оброчную подать, то при Екатерине II, с 1764 года, они были переведены в разряд государственных с передачей им в общинное владение всех волостных угодий.

Деревня стала более свободной и стала вновь богатеть. В посемейной ведомости XVIII века упоминались наиболее богатые варзужане: «Яким Афанасьев сын Кузнецов, Афанасей Григорьев сын Дворников, Иван Иванов сын Кожин, Устин Никитин сын Логинов. Имели свои суда Дорофей и Андрей Котловы, Федор Елисеев, Кузьма Кожин. Рыбу промышляли не только на море и реках, но и на 12 озерах. Зимняя Никольская ярмарка в Варзуге стала самой известной в Поморье.

Хозяйственная жизнь Варзуги существенно не менялась и на рубеже XVIII и XIX веков. Варзужане ловили семгу, некоторые промышляли треску, били морского зверя. Семгу ловили по-разному. Основных способов было четыре: забором, гарвой, неводом и поездованием.

Забор представлял собой бревенчатую изгородь, которой перегораживали реку. Заборами рыбу ловили с весны до поздней осени, пока на реке не образовывался лед. На зиму забор разбирался, строительные материалы и снасти просушивали и складывали под навес до следующего сезона ловли.

Ловили семгу и разными сетями – гарвами, неводами и т.п.

Поездованием рыбу ловили обычно осенью, когда бывали сильные ветра. В такую

погоду семга «играла» – резвилась, как бы наслаждалась борьбой с волнами. Рыбаки всего селения садились в лодки-поездницы и попарно тянули за веревки кошельковые сети (наподобие большого мешка), двигаясь в ряд вдоль реки. В селе Варзуге на поездование выходило более 150 лодок, в каждой из которых находилось по два человека. При успешной ловле в каждую сеть за одно поездование попадало до десяти пудов семги.

Подсобными промыслами жителей Варзуги оставались животноводство (молочный скот, овцы, олени), огородничество (на приусадебных участках выращивали репу и редьку), озерное рыболовство, а также охотились на лесного зверя и птицу. Был помощником и лес – давал строевую древесину и дрова, грибы и ягоды. Жемчужным промыслом варзужане занимались в основном на реке Пане.

Примечательна была пора сенокоса, куда выезжали всей семьей, целыми селами. Землепользование тогда общинное было, сенокосные угодья каждые три года распределялись «по душам». На сенокосе, как и в море, с утра до ночи все были при деле.

Чем запомнился Варзуге XIX век?

Варзуга никогда не знала крепостного права. Ее жители в XIX веке относились, как мы уже говорили, к категории государственных крестьян и находились в ведении министерства государственных имуществ России. По закону от 25 февраля 1861 года, Варзуга входила (наряду с Кузоменью, Кашкаранцами и Сальницей) в Кузоменьское сельское общество.

Рыбопромысловые угодья в Кузоменьской волости в соответствии с количеством ревизских душ делились на «участки» (условные доли), чтобы каждый член общины мог приобрести себе участок с торгов, заплатив определенную сумму. Очень часто небогатые домохозяева (а таких было большинство) приобретали участок вскладчину

Свой улов семги крестьяне отдавали скупщику, у которого они брали в долг хлеб и прочие припасы. По окончании промыслового сезона производился расчет, в результате которого часто оказывалось, что помор еще не возместил стоимости всего взятого им в долг и потому должен был и на следующий год сдавать свой улов тому же скупщику.

И тем не менее Варзуга, как и весь Терский берег, жила полнокровной хозяйственной и торговой жизнью. На Покровской ярмарке в Кузомени в 1861 году было продано привозных товаров (мука, крупы, масло, овощи, соль, чай, водка, сахар, свечи, мыло, лен, кожи) на 4200 рублей, а в 1887 году – уже на 11272 руб. Семги было продано на 82 тыс рублей.

Второй момент, характеризующий жизнь Варзуги того времени, был в росте грамотности поморов и повышении культурного уровня. И до этого в селе был обычай – иметь в семье хотя бы одного грамотного, родители сами учили детей грамоте дома. Во многих семьях хранились рукописные книги. Авторами многих писцовых книг, вкладных грамот, договоров, прошений и тому подобных бумаг были жители Варзуги – Василий Титов, Паня Петров, Козьма Юкшеев. Книги бережно хранили, заключали в крепкие «доски», обтянутые кожей и окованные по углам. Держали в кладовых, в сундуках, при пожарах спасали в первую очередь, вместе с иконами.

В XIX веке в Варзуге появилась настоящая школа, в ней в 1826 году училось 35 детей, в то время как в Коле было 32, а в Кандалакше – 14 учащихся.

В послереформенный период (после 1861 года) варзужане стали настаивать на открытии в селе своей церковно-приходской школы. На сходе было постановлено

ежегодно вносить на нужды школы по 25 копеек с каждой ревизской души, так набиралось более 80 рублей. Детей стал учить наемный учитель, варзужане приплачивали ему к окладу (60 – 85 руб. в год) еще 120 рублей. Для школы и учителя были построены дома. По официальным данным, церковно-приходская школа в Варзуге открылась в 1894 году. История сохранила нам имя одной учительницы конца XIX – начала XX веков. Это была Александра Алексеевна Рязанова, дочь псаломщика, выпускница епархиального училища, проработавшая в Варзуге более 30 лет. В 1923 году, уже при советской власти, ей присвоили звание Героя Труда.

В XIX веке Варзуга стала объектом более пристального внимания ученых и путешественников. О Варзуге писал известный финский лингвист, собиратель фольклора и составитель всемирно известной «Калевалы» Элиас Леннрот.

В 1856 году Варзугу посетил русский этнограф и бытописатель Сергей Васильевич Максимов. Из его книги «Год на Севере» узнаем, что он оценил село как главное место и столицу Терского берега, центр торговли, место людное и богатое, с церквями на обоих берегах реки. Подробно описывает писатель лов семги, устройство заборов, заготовку рыбы.

Появились и другие публикации о Терском береге и Варзуге. Среди редких изданий, хранящихся в Мурманской областной научной библиотеке, есть переизданное в 1869 году сочинение Е. К. Огородникова «Мурманский и Терский берега по книге Большого Чертежа». Это подробное описание, а также карта Мурманского и Терского берегов XVI и XVII вв.

На рубеже веков (в 1898 – 1901 гг.) побывал в Варзуге еще один русский этнограф – Алексей Владимирович Марков. Материалы, собранные экспедицией А.В. Маркова, не имеют аналогов.

Наталия Павловна Колпакова – ныне почти забытая исследовательница Кольского Севера. В своих «Северных записках» (1937 год) она в художественной форме описывала старый дореволюционный и новый быт рыбаков-поморов Терского берега. Отправной точкой для исследования стал пожелтевший дневник деда, Сергея Павловича, который зимовал на Терском берегу в 1895 – 1896 годах. Варзуга описывается как крупный торговый пункт и место встречи лопарей и русских на ежегодных ярмарках. По переписи 1897 года, в Варзуге насчитывалось 793 жителя, а в 1910-м в селе уже проживала тысяча жителей, действовали училище министерства народного просвещения и церковно-приходская школа.

Варзуга в начале XX века

К началу XX века Варзуга оставалась одним из самых крупных и крепких поселений Терского берега. По данным Н. Г. Яковенко, в селе проживали 897 человек… жители Варзуги имели 208 карбасов и два крупных промысловых судна.

Варзужане продолжали успешно промышлять рыбу, выгодно торговали. Именно в ту пору на Мурмане стали говорить: «Кто в Варзуге торговал, тот в убытке не бывал». В то же время жители Варзуги сохраняли патриархальный облик своего села, чтили христианские добродетели («Зла не помним – добро на руках носим»), были доброжелательны, открыты для общения, словоохотливы. Варзужан называли «фараонами», они ценили юмор. (Вспоминается варзужская дразнилка: «Рокана, рокана, у вас непарны рукава».)

В селе сохранялась вековая тяга к грамоте. В 1910 году в варзужском сельском училище обучались 27 мальчиков: 15 – на младшем отделении, 9 – на среднем и только 3 – на старшем. А вообще-то грамотных поморов в начале XX века в Варзуге было около 30%, фонд книг и журналов «для выдачи» читателям-прихожанам варзужской церковной библиотеки составлял 350 экземпляров. В селе стали чаще, чем раньше устраивать «народные чтения», молодежь собиралась на вечеринки с неизменной гармонью, хороводом и песнями. В Варзуге еще не было ни кино, ни электричества. Политикой варзужане мало интересовались, хотя в соседней Кузомени демократические страсти уже кипели вовсю – там было более 40 человек ссыльных революционеров-подпольщиков. Но на жизнь Варзуги они не оказывали влияния.

Что же касается войн (русско-японской и Первой мировой), то варзужане несли крест вместе со всеми россиянами: их брали в армию и на флот, они гибли за царя, отечество и веру.

После революции 1917 года

По воспоминаниям стариков, после падения царизма в селе появились два общественных течения – «черносотенцы» (в основном богатые поморы) и «красносотенцы». Были попытки организовать кооператив и местный Совет, но начавшаяся Гражданская война перепутала все карты «красных активистов». Тут надо было думать не о политических пристрастиях, а о том, как выжить в голодные годы, как избежать мобилизации в белую армию (славяно-британский легион), как сохранить дом, семью и хозяйство.

Но после окончательного утверждения Советской власти в 1920 году варзужанам невозможно было отказаться от новых порядков. В селе возникло несколько рыболовецких артелей, молодежь пошла в комсомол. «В начале двадцатых годов начал работу клуб в Варзуге. Строили его сами селяне, на свои средства. За зиму на берегах реки заготовили лес, а весной его приплавили к селу. В строительстве клуба принимали участие не только молодежь, но и люди пожилого возраста. Мужчины производили окорку бревен, заготавливали материал для потолков, полов, плотничали, столярничали. Женщины делали кирпичи для печек. Стройкой руководили мастера Дмитрий Афанасьевич и Петр Иванович Заборщиковы», – писал Н. Г. Яковенко.

Но жизнь преподносила все новые испытания. В своей книге «Родное Заполярье», опираясь на архивные данные, я писал, что весной 1924 года на Терский берег обрушилось стихийное бедствие: «Наводнение снесло в Варзуге свыше ста построек, в том числе 36 жилых домов». Многие варзужане переехали жить в Умбу, Кандалакшу, Мурманск. Количество населения Варзуги в начале прошлого века колебалось по разным причинам, в том числе из-за этого наводнения, а также из-за революции и Гражданской войны. Кольская энциклопедия приводит следующие данные по Варзуге: в 1910 году – 1001, в 1926-м – 559, а в 1938 году – 627 человек.

НЭП (новая экономическая политика Советской власти), ряд удачных промысловых сезонов помогли варзужанам восстановить свое хозяйство. Оживилась и общественно-культурная жизнь. В 1927 году Варзуга была радиофицирована. В клубе стали демонстрироваться кинофильмы. Сельскую общину в органах волостной партийной власти представляли Павел Александрович Кривоногов и Александр Николаевич Евдокимов.

Создание колхоза. Жизнь села в войну

Весной 1930 года в Варзуге был организован колхоз. Участник тех событий В.Н. Мошников вспоминал: «2 мая 1930 года на Успенской стороне, в бывшем здании школы, состоялось собрание коммунистов, комсомольцев, актива села. На нем был создан колхоз, в который вначале вошли лишь 14 хозяйств, было избрано правление во главе с Павлом Александровичем Кривоноговым. Дали название колхозу: «Всходы коммунизма», утвердили устав».

Не все верили в возможности коллективного хозяйства. Однако в первый же год существования «Всходов коммунизма» была получена прибыль. К весне 1931 года в колхозе было уже 85 хозяйств.

Н. Г. Яковенко писал, что «к середине тридцатых годов на Терском берегу вошли в строй Умбский и Варзужский рыборазводные и рыбообрабатывающие заводы, полностью были переоборудованы фактории. Моторно-рыболовная станция стала обеспечивать каждый из восьми колхозов мощными мотоботами, зверобойными судами… Коллективизация означала кроме всего прочего и ломку старых форм в организации рыбного промысла, прежнего уклада жизни промысловиков».

И еще одно событие довоенной истории Варзуги надо обязательно вспомнить. В 1936 году был создан Варзужский поморский народный хор.

Но мирная жизнь Варзуги была прервана Второй мировой войной. «Тяжелое положение в первые годы войны сложилось в самом крупном колхозе района – «Всходы коммунизма»… Весной 1943 года районный комитет партии направил в Варзугу заведующего орготделом Н. П. Клещева. На общем собрании колхозники избрали его председателем «Всходов коммунизма». Колхозу была выделена ссуда 50 тысяч рублей.

Начали с создания и комплектации рыболовецких бригад. В их состав вошли в основном молодые женщины, крепкие, выносливые. Возглавили бригады опытные рыбаки, по возрасту не попавшие на фронт: Г. Е. Рогозин, Г. М. Дьячков, Г. Р. Попов, Ф. А. Мошников, М. Ф. Заборщиков. Бригады организованно вышли на путину и удачно начали лов рыбы. Работали нередко под обстрелом фашистских самолетов.

Наряду с рыбным промыслом поднимали в колхозе и сельское хозяйство.

К концу 1943 года колхоз вышел в передовые: досрочно завершили задания по вылову рыбы, заготовке кормов, уборку урожая овощей… Колхоз первым в районе стал миллионером.

Сельскохозяйственной продукцией и рыбой колхозники обеспечивали население райцентра, соседних сел побережья, ряд предприятий области.

…За последние два военных года колхозу «Всходы коммунизма» трижды присуждалось переходящее Красное Знамя Мурманского обкома партии и облисполкома», – так писал Н. Г. Яковенко в своей книге «Терский берег».

В послевоенные годы

Война победоносно закончилась, но, как и вся наша страна, Варзуга сполна узнала горечь потерь – многие ее жители погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Постепенно налаживалась мирная жизнь. Теперь варзужане вели рыбный промысел не только в Белом, но и в Баренцевом море. Полеводы колхоза «Всходы коммунизма» успешно повышали урожаи картофеля и капусты. В селе стали строить свою электростанцию.

В 60-е годы, когда в СССР обозначился экономический и политический застой, колхоз «Всходы коммунизма» устоял – он остался единственным «миллионером» (а раньше в районе было еще 5 колхозов-миллионеров). К 1977 году сдали в эксплуатацию новый клуб и комплекс космической связи «Москва». Этому немало способствовала помощь шефов – коллектива Мурманского морского рыбного порта (именно порт приобрел тогда для колхоза два трактора-амфибии).

О местной культуре и приезжих ученых

И в XX веке Варзуга продолжала оставаться истинной хранительницей старины. «Что ни дом, то хором: и высок, и крепок… По сто и более лет стоят поморские дома, – писал Н. Г. Яковенко. Славилось это село и другим – песнями, обрядами… Хороводно-игровых песен Варзуга сохранила больше, чем другие села Терского берега, – так же как и старинных лирических песен. Своей мелодичностью и красотой они надолго остаются в памяти… Знаменитый Варзужский хор в наши дни получил признание и за пределами области…». Александре Капитоновне Мошниковой – руководителю Варзужского поморского фольклорного хора – в августе 1980 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Старинные поморские песни, фольклор Терского берега привлекали внимание музыковедов, ученых, писателей. Много раз приезжали сюда музыковед композитор Ю. Е. Красовская и писатель Д. М. Балашов. По словам Д. М. Балашова, Варзуга – самое «фольклорное» село района.

В ряду ученых, изучавших жизнь, быт, язык, этнографию и историю Варзуги в XX веке, я упомянул бы еще двух, наших, мурманских – Ивана Севастьяновича Меркурьева и Ивана Федоровича Ушакова.

И.С. Меркурьев, работавший сначала преподавателем русского языка, а затем заведующим кафедрой Мурманского пединститута, в течение более десяти лет (с 1957 года) организовывал диалектологические экспедиции на Поморье. В 1979 году Иван Севастьянович издал словарь «Живая речь кольских поморов».

Что же касается Ивана Федоровича Ушакова, моего коллегу по работе на кафедре истории Мурманского государственного педагогического университета, то многие сведения по дореволюционной истории Варзуги стали известны из его трудов, в том числе об истории строительства Успенской церкви. Она – сокровище и гордость Варзуги.

Строилась церковь на средства варзужан. Известно и имя зодчего – местный крестьянин К. К. Федоров.

Люди Варзуги

Мы в летописях специально отыскивали имена, фамилии, прозвища, род занятий варзужан, они – главное в истории Варзуги. Из современников назову хотя бы некоторых.

Это Петр Прокопьевич Заборщиков, мастер на все руки, школьный учитель, председатель колхоза в 1976 – 1987 годах, первый лауреат областной премии им. В.С. Маслова. О нем можно прочитать в Кольской энциклопедии, что П.П. Заборщиков «организатор сохранения историко-архитектурного ландшафта церкви Успения, реставрации (на общественных началах) Афанасьевской церкви (1990 – 1999), старинного купеческого дома в с. Варзуга (2000 – 2005). Создатель памятника односельчанам, погибшим на фронтах различных войн XX века».

Я побывал на этом мемориальном месте Никольской стороны, и оно впечатляет скорбной простотой: на фотографиях варзужане, погибшие в русско-японскую войну 1904 – 1905 гг., в Первую и Вторую мировые войны.

Из жителей послевоенной Варзуги надо особо выделить и вспомнить Сергея Дорофеевича Заборщикова, фронтовика-инвалида, и партийного вожака той поры В.Ф. Чурилова.

Один из выдающихся современников – игумен Митрофан, настоятель Успенского прихода села Варзуга, благочинный Терского округа, председатель Епархиальной комиссии по канонизации святых, клирик Мурманской епархии.

Раньше я знал батюшку Митрофана как историка-краеведа церковной тематики, написавшего очень ценные для нашего края сочинения из серии «Православные подвижники Кольского Севера»: «Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей» (2002), «Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие» (2003), «Преподобный Варлаам Керетский. Исторический материал к написанию Жития» (2007), «Преподобный Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию Жития» (2009).

Известен иеромонах Митрофан общественности Мурмана и как инициатор и организатор Феодоритовских чтений, первые из которых прошли в 2006 году в Кандалакше, а вторые – в августе 2009 года в Варзуге. В дни этих августовских чтений я увидел отца Митрофана и в другом качестве – как хозяина обновляющегося подворья, как священника, которого уважают жители Варзуги. При своих многочисленных заботах и обязанностях батюшка остается историком своего прихода, мурманским краеведом.

Живет в Варзуге человек, известный всей области, – Святослав Михайлович Калюжин, выпускник нашей, мурманской, высшей «мореходки», прошедший трудовую закалку и на берегу (слесарь СРЗ), и в море (в тралфлоте). Более 20 лет (с 1987 года) он возглавляет рыболовецкий колхоз «Всходы коммунизма». Святослав Михайлович имеет и второе высшее образование – финансово-экономическое и защитил докторскую диссертацию, автор более сорока научных работ, в том числе четырех книг.

И еще одну фамилию нельзя не вспомнить – уроженца села Кузомень, но тесно связанного с Варзугой, Лерия Александровича Казакова, кандидата сельскохозяйственных наук, дендролога, заслуженного лесовода Российской Федерации. Он издал книгу «Кузоменьские пески».

В историю села внесли свою лепту и работники народного образования современной Варзуги – директор школы Нина Никитична Рогозина и учитель Николай Дмитриевич Кушков. В свое время они учились в Мурманском пединституте, по окончании его вернулись в родную Варзугу и сейчас работают в школе. Я поднялся по лестнице, ведущей к новой школе, и подумал, как повезло маленьким варзужанам, что у них есть такие наставники, любящие свой край. Н.Д. Кушков в своей прекрасно иллюстрированной книге-альбоме-справочнике дает более 30 портретов своих земляков и 34 фотографии о жизни и быте варзужан и поморов.

Перечисляю я сейчас эти имена и думаю – а не подготовить ли нам и издать энциклопедию «Варзуга» (сделать общими силами то, что сделала для своего Печенгского района краевед Вероника Александровна Моцак).

…Говоря о варзужанах XXI века, не могу не упомянуть с благодарностью семью Коноваловых, чьим гостеприимством пользовались мы с супругой в дни пребывания в Варзуге. Их двухэтажный каменный дом стоит в самом конце улицы Успенской, за ним – лес. У Василия и Татьяны десять детей – пять мальчиков и пять девочек. И дети, и мы, гости, были одинаково окружены заботой Татьяны и Василия, домашним уютом. Уезжали мы с пожеланием благополучия и добра этому теплому дому.

В историю Варзуги последних лет вписаны имена Анатолия Чубайса (он помог финансами для восстановления Успенской церкви), бывшего губернатора Мурманской области Юрия Алексеевича Евдокимова.

В прессе иногда мелькают имена известных людей, посетивших инкогнито наши места. Кольский Север привлекает первозданной красотой своей природы и рыбалкой на бурных реках и тихих озерах.

Варзуга сегодня

За свою многовековую историю Варзуга видела многое: нападения варягов и нашествия «мурманов», грабежи опричников и поборы «царских слуг», голод и пожары, войны и наводнения, но были в истории села и времена благополучия и процветания.

Ныне Варзуга – современное селение с электричеством, газом, радио, телевидением, школой, медициной, торговлей и всем прочим, что входит в понятие «сельская инфраструктура», неотъемлемая и важнейшая часть которой – колхоз «Всходы коммунизма», возглавляемый С.М. Калюжиным.

Варзуга – это один из важнейших рубежей колонизации Севера. Это музей под открытым небом. Здесь построена древнейшая на Кольском полуострове церковь.

И есть в Варзуге еще одна «достопримечательность» – плавающие коровы. Каждый день стадо дружно переплывает реку, направляясь к острову, где пастбище, а вечером возвращается.

...Новым направлением деятельности в 1990-х годах стало развитие рыболовного туризма.

Хочется верить, что все то хорошее, что сейчас имеется в Варзуге, сохранится и приумножится к 600-летию села.

Но меня (впрочем, не только меня) беспокоит не такой уж далекий завтрашний день этого древнего села, когда сюда по асфальтированной дороге хлынет поток туристов.

С одной стороны, замечательно, что россияне больше узнают о своей стране, ее северной окраине на западе, воочию увидят и чудеса природы, и следы древних наших предков – лабиринты, петроглифы. Но, с другой стороны, все, что привлекает сюда туристов со всего мира, нуждается в защите, и особенно хрупкая северная природа. Следует, пожалуй, позаимствовать опыт организации туризма в других таких же привлекательных уголках, как наша Варзуга.

МАТВЕЕВА Анастасия Александровна,
начальник отдела научно-технической информации
и публикации архивных документов
Государственного архива Мурманской области

Обзор документов Государственного архива Мурманской области по истории Варзуги

Обзор документов Государственного архива Мурманской области по истории Варзуги

Государственный архив Мурманской области является крупнейшим среди архивов области хранилищем информационных ресурсов по истории Кольского полуострова. Архив хранит и традиционные (на бумаге) документы о прошлом и настоящем нашего края, и фотодокументы, и фильмофонд Мурманской области. В научно-справочной библиотеке архива хранятся книги, журналы и подшивки газет. В этом огромном массиве информации есть немало документов, которые могут много нового и интересного рассказать пытливому исследователю, в том числе и об истории Варзуги – первого русского села на Кольском полуострове.

В последние десятилетия в обществе заметно возрос интерес к нашему прошлому. Наряду с профессиональными историками серьезным изучением событий давно и не слишком давно минувших дней занялись журналисты, школьные учителя, краеведы-любители. Люди интересуются историей страны, историей своей малой родины, своей семьи. Неоценимую помощь в этом деле им должны оказывать и оказывают архивы. Можно изучать историю по книгам и газетам. Можно собирать воспоминания очевидцев – в них действительно есть интереснейшие детали и подробности. Но основным источником, фундаментом исторических исследований были и остаются архивные документы. Не случайно один из ведущих мурманских историков – профессор А.А. Киселев – назвал архив alma mater, кормящей матерью исследователей.

Одной из основных задач моего выступления является обзор архивных фондов, содержащих документы по истории Варзуги, что, надеюсь, окажет помощь местным историкам и краеведам в их исследованиях. Сложность в изучении истории старинных населенных пунктов заключается в том, что документы за досоветский период нашего региона рассредоточены, большая часть документов отложилась в Государственном архиве Архангельской области, часть - в Российском государственном архиве древних актов, часть – в Государственном архиве Мурманской области.

Государственный архив Мурманской области хранит документы дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Наиболее ранними документами, имеющимися в ГАМО, являются книга сбора соляных пошлин и тетрадь игумена Измаила для записи запасов продовольствия за 1646 г., отложившиеся в фонде Трифоно-Печенгского монастыря.

В ряде фондов сохранились документы XVIII века, однако, основной массив документов дореволюционного периода относится к XIX - началу XX столетия. Традиционно наиболее богатыми на информацию и привлекательными для исследователя являются документы органов власти и управления. В фондах чиновника по крестьянским делам Александровского уезда, волостных правлений, ряда полицейских управлений и приставов содержатся сведения об освоении Кольского полуострова, о составе, положении и основных занятиях населения края, о колонизации Мурманского побережья в последней трети XIX века, развитии рыбных и звериных промыслов.

Сведения по истории Варзуги содержатся в следующих фондах Государственного архива Мурманской области:

Чиновник по крестьянским делам Александровского уезда
ф. И-6, 175 ед.хр., 1884-1906, 1910-1916 гг.

Чиновник по крестьянским делам Александровского уезда осуществлял функции правительственного надзора за волостными крестьянскими учреждениями, поэтому в фонде отложились документы, содержащие сведения практически обо всех сторонних жизни нашего края: приговоры волостных и сельских сходов об избрании должностных лиц, выдаче ссуд, разделе рыболовных тоней, о постройке общественных зданий, открытии почтовых отделений, по финансовым и хозяйственным вопросам.

Имеются рапорты волостных старшин, переписка с вышестоящими органами, волостными правлениями и старшинами о занятиях населения, исполнении крестьянами государственных повинностей, ходе мирских сборов, ревизии волостных правлений, о снабжении населения продовольствием и выдаче ссуд, о строительстве и работе школ и библиотек, состоянии медицинского обслуживания, по разбору жалоб и прошений крестьян.

Наиболее востребованы исследователями своих родословных сведения о численности населения, посемейный список Кольского уезда (1891 г.), именные списки крестьян и домохозяев, имеющих право голоса на сельском сходе (1906 г.), списки населения Кузоменской волости (1911-1912 гг.).

Списки и другие материалы по обследованию положения семейств военнослужащих, ведомости на выдачу пособий (1904-1906 гг.).

Кузоменское волостное правление (1841-1861, 1866-1917 гг.)

ф. И-1, 410 ед.хр, 1844, 1857-1858, 1860, 1868, 1874, 1876-1877, 1880-1917 гг.

Кузоменская волостная земская управа Александровского уезда Архангельской губернии (1917-1918 гг.)

ф. Р-30, 19 ед.хр., 1917-1919 гг.

Кузоменская волостная земская управа Временного (контрреволюционного) правительства Северной области (1918-1920 гг.)

ф. Р-585, 16 ед.хр., 1918-1920 гг.

Кузоменское волостное правление, позже – земская управа, (Варзугское сельское общество входило в состав волости) являлось крестьянским сословным административным учреждением, деятельность которого была обширной. Это сбор налогов и платежей (для этого проводились подворные и посемейные описи), рекрутские наборы (комплектование армии), запись актов гражданского состояния, решение различных хозяйственных вопросов. Поэтому и состав документов фонда весьма разнообразен и интересен. Это приговоры волостных и сельских сходов, земских собраний, донесения о выборах должностных лиц, списки и клятвенные обещания избранных.

Имеются статистические сведения, ведомости о количестве сельских обществ, численности и составе населения, о занятиях и экономическом положении крестьян, о натуральных повинностях, рыбных и звериных промыслах, скотоводстве, лесной охоте, отхожих промыслах, торговле, о наличии хлебных и денежных запасов. Сведения о реках Кольско-Лопарской волости, впадающих в Белое море (1871 г.).

Определенный интерес для исследователей представляют документы о взимании окладных, казенных и мирских сборов, материалы о деятельности хлебных и денежных ссудных касс, ведомости страхования строений и судов, материалы о деятельности волостных судов.

Имеются сведения о состоянии медицинского обслуживания населения и проведении оспопрививания, списки получивших прививки.

Об участии жителей Варзуги в первой мировой войне расскажут призывные списки, выписки из метрических книг, приговоры сходов по выполнению воинской повинности жителями волости, извещения о погибших и пропавших без вести на фронтах первой мировой войны (1915-1916 гг. - ф. И-1). Листы сбора пожертвований в фонд помощи больным и раненым воинам (1914 г. - ф. И-1). Сведения, ведомости, акты обследования и оказания помощи семьям военнослужащих и запасных нижних чинов (ф. И-1).

Имеются в фонде ревизские сказки и списки населения по Кузоменской волости (1858 г. - ф. И-1).

Представляет интерес для исследователей переписка с губернскими, уездными органами и сельскими старостами о демографическом составе населения, состоянии паспортного режима, исполнении повинностей и ходе сборов, снабжении жителей продовольствием, состоянии медицинского обслуживания, работе учебных заведений, по административным, финансовым и хозяйственным вопросам. Переписка по выборам в Учредительное собрание и наказы депутатам 1917 г. Циркуляры, инструкции, предписания центральных, губернских и уездных органов (копии) даст возможность составить картину жизни тех лет.

Варзугский винный пристав отделения питейных сборов Архангельской казенной палаты ([1785-1864] гг.)

ф. И-76, 34 ед.хр., 1818-1819, 1822, 1824-1825, 1827-1831, 1837-1839, 1841-1842, 1856, 1861-1864 гг.

Винный пристав осуществлял надзор за торговлей спиртными напитками и табаком, продавал спиртные напитки на откуп (откупщики предварительно платили в уездное казначейство определенную сумму, квитанции об оплате предъявляли винному приставу и тот отпускал им вино и спирт, а откупщики в свою очередь пускали их по питейным заведениям. Также винный пристав мог продавать спиртные напитки с аукциона. Помогали приставу наемные рабочие и караульные. По документам этого фонда можно отследить количество вина и спирта, продававшихся в Варзуге в разные годы, полученные от продажи доходы. Также весьма интересны указы и предписания вышестоящих органов о правилах отпуска вина и спирта в 19-м веке.

Варзугское сельское министерское училище (1907-1920 гг.)

ф. И-39, 2 ед.хр., 1907-1911, 1919-1920 гг.

В фонде училища особый интерес для исследователей представляет классный журнал за 1907-1911 гг., из других документов сохранились только отчет о состоянии училища за 1919 г. и переписка по вопросам преподавания и другим административно-хозяйственным вопросам.

Варзугский Петропавловский приход (1704- ?)
ф. И-7, 188 ед.хр., 1737-1917, 1920 гг.
Варзугский Успенский приход (1674-1920 гг.)
ф. И-8, 207 ед.хр., 1772, 1774-1890, 1894, 1896-1905, 1907-1915 гг.

Прекрасно сохранились и традиционно востребованы исследователями клировые ведомости о церквах, причте и прихожанах. Журналы для записи богослужений, книги брачных обысков, метрические и алтарные. Духовные росписи, ревизские сказки. Памятные книги для регистрации важнейших событий по церквам.

Имеются в фондах дела о постройке, восстановлении и ремонте церковных зданий, планы и чертежи церквей, планы и описи церковных и причтовых земель и рыболовных угодий, описи церковного имущества. Приходно-расходные книги, ведомости о приходе, расходе и остатках денежных сумм и о пожертвованиях. Переписка с вышестоящими органами и другими учреждениями по административным, хозяйственным и финансовым вопросам.

Есть дела об открытии второклассной школы в Варзугском Успенском приходе (1898-1901 гг.), об образовании и деятельности церковно-приходских попечительств, послужные списки священнослужителей.

Варзугский сельский комитет (ф. Р-33, 7 ед. хр., 1917-1919 гг.)

В документах фонда отложились протоколы сельского схода и заседаний сельского комитета (1919 г.). Переписка с Кузоменским волостным народным комитетом и волостной земской управой о выборах в Учредительное собрание, снабжении населения продовольствием и дровами, расходовании средств, мобилизации жителей в армию и борьбе с дезертирством, по административно-хозяйственным вопросам. Списки граждан Варзуги.

Документы Варзугского сельсовета, Терского райисполкома по советскому периоду истории находятся на хранение в Государственном архиве Мурманской области в г. Кировске. В нашем архиве отложился фонд Кузоменского волостного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительного комитета (1918, 1920-1927 гг.)

Также сведения по истории Варзуги можно почерпнуть в документах уездных, губернских, окружных, областных органов власти. В фондах исполнительных комитетов разного уровня, местных органов отраслевого управления и учреждений статистики хранятся документы о хозяйственном и культурном развитии края, в том числе о развитии энергетики, судостроения и судоремонта, горнодобывающей и металлургической промышленности, транспорта, рыбного, сельского и лесного хозяйства, оленеводства, о разведке и освоении полезных ископаемых.

Например, в фонде Мурманского уездного исполкома есть сведения об организации сельсоветов в Кузоменской волости (Кузомень, Варзуга, Кашкаранцы) 1 марта 1920 г. Также мне показалось интересным и характеризующим менталитет варзужан письмо отдела управления уездного исполкома в Кузоменский волисполком от 05.03.1921 «Коллегия отдела управления, рассмотрев протокол общего собрания граждан с. Варзуги о выделении села в самостоятельную волость, пришла к заключению, что выделение с. Варзуги в особую волость произведено быть не может за малочисленностью населения и нецелесообразностью дробления волости».

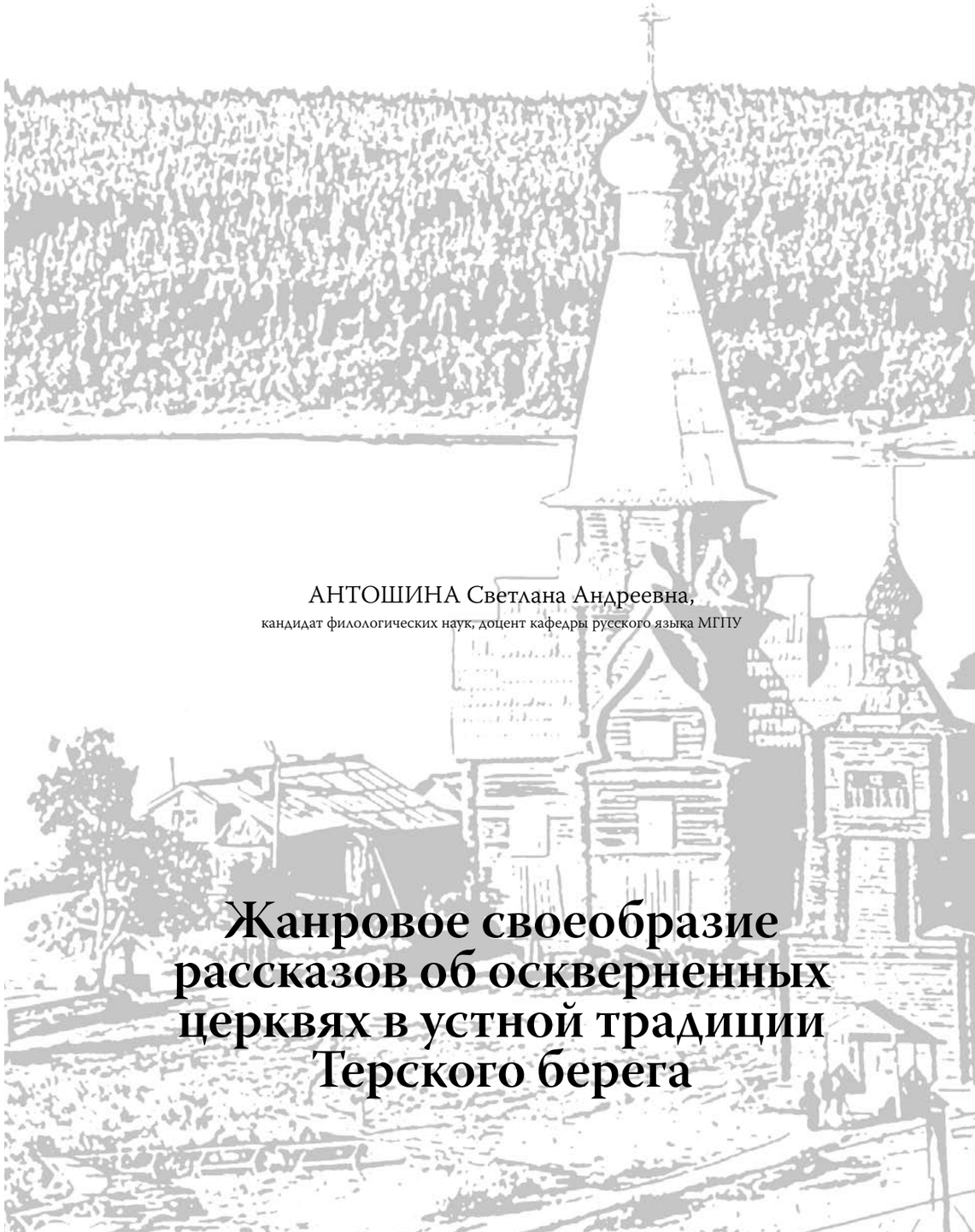
Развитие сельского хозяйства, история возникновения первых сельскохозяйственных коммун и артелей, ход коллективизации сельского хозяйства отражены в фондах земельных отделов и управлений сельского хозяйства, а также в фондах Мурманского окрисполкома, райисполкомов и сельсоветов.

Документы о постановке среднего, высшего и профессионально-технического образования, о сети лечебных учреждений области и санитарно-профилактической работе, о развитии культуры и искусства сосредоточены в фондах отделов народного образования, здравоохранения и культуры. Но в одном выступлении рассказать обо всех документах невозможно.

Я надеюсь, что сделанный мной краткий обзор документов Государственного архива Мурманской области по истории старейшего села нашего северного края поможет исследователям, заинтересованным в дальнейшем изучении своей малой родины, в их такой важной, сложной и кропотливой работе. Без знания прошлого не может быть ни настоящего, ни будущего.

Архив приглашает всех желающих в читальный зал, где Вы сможете ознакомиться с заинтересовавшими Вас документами по адресу: ул. Карла Либкнехта, д. 35, телефон для справок 8-8152 № 42 16 32.

Режим работы читального зала: понедельник, среда – с 14 до 17
вторник, четверг – с 9 до 13 часов



АНТОШИНА Светлана Андреевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка МГПУ

Жанровое своеобразие рассказов об осквернённых церквях в устной традиции Терского берега

Антошина С. А.

Жанровое своеобразие рассказов об осквернённых церквях в устной традиции Терского берега

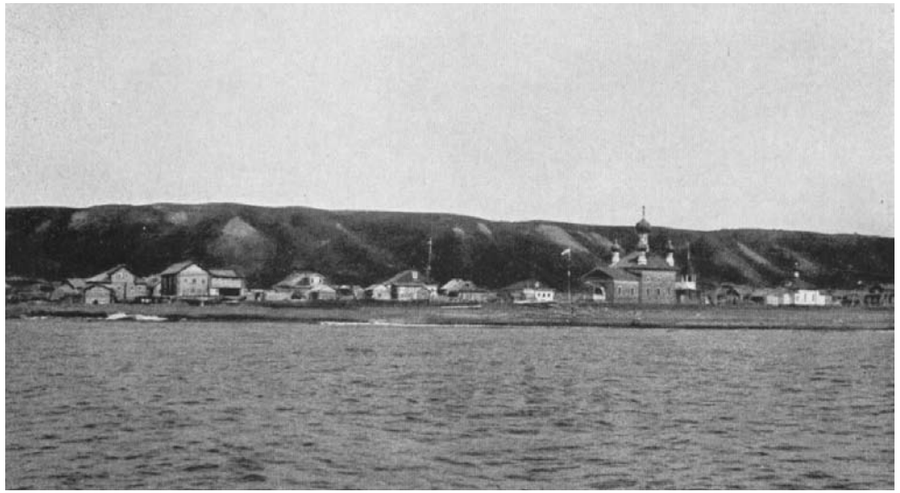
Рассказы об осквернённых церквях (речь идет о событиях, относящихся преимущественно к 20-30 гг. XX в.) – явление относительно новое в традиционном русском фольклоре. Будучи освоены и в какой-то мере «присвоены» устной традицией, эти нарративы вобрали в себя особенности разных жанров несказочной прозы, возникших гораздо раньше. В пока еще немногочисленных исследованиях, посвященных рассказам данной тематики, указывается на их связь с легендами (прежде всего) и отчасти быличками и преданиями

Жанровая неопределенность этой группы текстов и находящаяся в стадии разработки систематизация представленных в них сюжетов и мотивов делают проблему изучения рассказов об осквернённых святынях актуальной и насущной.

Еще одна трудность в изучении рассказов об осквернённых церквях связана с несамостоятельностью данной темы в речевой практике. Из-за этого, по мнению Л. В. Фадеевой, возникает проблема полноты текста, т.е. затруднение с выявлением границ текста о разорении святыни в разговоре с информантом и оценкой нарратива как единого смыслового целого. Тем не менее, как показала исследовательница, изучение композиционных особенностей записанных текстов позволяет выявить их важные содержательные элементы, на которых прежде не фиксировалось внимание ученых.

Анализ собранного Л. В. Фадеевой материала позволяет говорить о том, что повествование о разорении церкви, как правило, «не является самоцелью рассказчика», а служит отправной точкой для рассказа о последствиях разрушения святыни. Перед нами завязка, в большей степени характерная для традиционной былички: «грубое вмешательство человека в сферу сакрального приводит к разрушению традиционного миропорядка», является толчком к последующим событиям. Как указывает Л. В. Фадеева, «последующее действие в реальности представляет собой разветвлен-

111 Добровольская В.Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научно-практической конференции. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 76 – 88. Нижегородские христианские легенды / Сост., вступит. статья и коммент. Ю.М. Шеваренковой. – Нижний Новгород, 1998. Добровольская Е.В. Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор. Материалы



Таким крепким и красивым было село Тетрино до начала безбожных времен на Терском берегу.

ную систему ситуаций и поступков, которые по своей воле или (чаще) против своей воли совершают персонажи, представляющие в сюжете «линию иного мира» и «линию человека».

«Линия иного мира», то есть повествование о реакции самой святыни на разорение, в устной традиции Пинежья реализуется в рассказе о том, как «хозяин» святыни оказывается изгнанным из принадлежавшего ему места и его покидает, причем, из-за амбивалентности сакрального пространства, реакция на разрушение святыни может исходить не только от святого-покровителя, но и от нечистой силы, которая вырывается на свободу. Развитие «линии человека» в этой группе рассказов обретает черты легенды о Божьей каре – наказании за разрушение святыни, последовавшем сразу или спустя какое-то время и настигшем не только святотатца, но и всю его семью, особенно детей.

Л. В. Фадеева отмечает, что в устном пинежском репертуаре рассказов о разорении церквей, как правило, доминирует сюжетная линия о Божьей каре, «выражая приоритеты рассказчика (его стремление сделать повествование назидательным, предостеречь слушателя от подобных действий)». Этой же точки зрения придерживается В. Е. Добровольская, которая указывает на то, что «в этих текстах сильно дидактическое начало, ... они призваны предупредить человека о наказании за грех».

Современная устная традиция Терского берега не очень богата рассказами об осквернённых церквях: всего записано восемь текстов, большинство их которых представляют собой непрезентативные диалоги, где роль исследователя так же важна, как и непосредственный рассказ информанта. Пример такой записи: [А у вас тут церковь была?] Да. Разрушили давно. [А кто?] Комсомольцы. [А что они делали?] Ворочили, стены ломали. [А колокола скидывали?] Так. Иконы ломали и рубили. [А что потом с этими людьми случилось?] Ну, жили, наверно. Но старые люди говорили, что всех их наказало как-то (Ф. Ф. Березин, 1921 года рождения, записано в 2001 г. в д. Умба). Тем не менее, зафиксировано три текста, в которых представлена не «линия человека», а «линия иного мира». Эти тексты представляют интерес и в композиционном отношении (являются единым смысловым целым), и с точки зрения содержания, поскольку имеют несколько параллелей с аналогичной тематической группой в пинежской устной традиции.

Село Тетрино. Современный вид здания Троицкой церкви 1900 года постройки.

[А в селе какая церковь была?] Церковь Николы, она сгорела. Клуб сделали там. Так она горела перед утром, перед войной. Так горела, как свечка: тишина кругом. А потом сгорела, и только после ветер подул, головешки разносить стало. Так старые люди говорили: «Никола не хотел никого обидеть, чтобы деревня сгорела. Стали туда ходить, издеваться, притворяться, и он решил уйти из жизни. Тихо ушел, никого не обидел» (о церкви в с. Пялица, записано в 2005 году в с. Чапома от Т. Г. Терентьевой, 1924 года рождения).

В данном тексте представлена сюжетная линия о «хозяине» святыни, изгнанном из принадлежащего ему места в результате святотатства, совершенного людьми. В пинежской устной традиции нарративу соответствуют рассказы об изгнании Пятницы из посвященной ей и осквернённой часовни в Суре и изгнании праведного отрока Артемия из разоренного Веркольского монастыря. Отличие терского текста состоит в том, что «хозяин» Пялицкой церкви уходит не в другое место, а вообще «из жизни». Еще одной особенностью текста является то, что мотив Божьей кары за осквернение в явном виде отсутствует, более того, подчеркивается человеколюбие, незлобие «хозяина» былой святыни. Тем не менее, пожар, уничтоживший церковное здание, оказывается знаком, знамением грядущей войны, которая является не «локальным» наказанием за разорение святыни, а катастрофой, Божьей карой более значительного масштаба.

Два других текста рассказывают о том, как сгорела церковь в Устье – поселении, находящемся при впадении реки Варзуги в Белое море и расположенном

и исследования. – СПб., 1999. – Т. 30. – С. 500 – 512.

112 Нарратив (англ. и фр. narrative - рассказ, повествование) – исторически и культурно обоснованная интерпретация тех или иных событий и восприятие мира с позиции некоторой человеческой личности.

113 Панченко А.А. «Провалившаяся церковь». Археология и фольклор. – Новгород и Новгородская земля: История и фольклор. – 1995. - № 9.

114 Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963-1993 гг.). – СПб., 2001. – С. 468, 460.

Село Тетрино. Современный вид здания церкви святителя Василия Великого 1883 года постройки.

Святое место Варзуги, ее начало, можно сказать, душа - алтарь церкви Николая Чудотворца (1705 года) с пристроенным к алтарю сортиром. Потому, наверно, и на душе так скверно.

Село Кашкаранцы. Церковь Тихвинской Иконы Божьей Матери сразу после уничтожения колокольни и купола в 1932 году.

недалеко от Кузомени. Хотя само поселение было небольшим, находившаяся там Покровская церковь была центром знаменитой ярмарки, собиравшей каждый год в октябре-ноябре промышленников со всего Поморья. Оба текста были записаны от Коноваловой Л. П., 1932 года рождения, в 2001 году в с. Варзуга с разницей в три дня.

[А у вас тут церковь была?] Так ее давно закрыли, а потом она сгорела. [А как это случилось?] Когда церковь Покровска загорелась на Устье, пять километров от Кузомени, там даже святые вылетали. Все видели: и мама, и бабушка Алена. Из крыши дым повалил. Выскакивали какие-то огни со святыми. Просто люди летят из огня. Кто в туках, даже с ревом. Они вылетают, а кто еще и оставались, то кричали и ревели. На Устье кричали, а в Кузомени слышали.

[Лия Поликарповна, расскажите, как сгорела церковь на Устье.] Вот мы в окна глядели. Мы-то небольшие. Мама-то и все убежали на пожар. А там пять километров бежать до Устья. Все взрослые убежали, церковь-то загорелась, все же убежали на пожар. Так там ешшо через реку надо переезжать. Здесь-то деревня, а на Устье через реку надо переезжать. Пока ехали, а мы-то все в окно глядели. Нас-то замкнули, дак мы-то куда убежим. Мы в окно смотрим: вспыхнет - летит там, потом еще летит. Мы: «Ангел летит! Снова ангел летит!». И вот так на небе: ну вот ангел-то, вот точно, вот как вот шляпа-то вот такая, балахончик-то такой. «Вон, вон, гляди!». А Евгения Ивановна-то говорит: «Может, это черти вылетают!». Кричали, даже криком кричали. Это не крик какой-то - пять километров - это не крик, а вот какой-то вой. Там просто ревели. Это же самая главная Покровская церковь была. Вообще дыма было не видно, одно пламя. Мне, может, пятнадцать лет было.

Во втором тексте можно отметить присутствие, хотя и в редуцированном и модифицированном виде, мотива «любования святыней», выявленного Л. В. Фадеевой в части пинежских рассказов. Но в анализируемом тексте «эстетическая оценка» святыни заменена «функциональной» - ссылкой на былое значение церкви для всего Поморья («Это же самая главная Покровская церковь была»).

Сюжетная линия обоих текстов находит параллели в записанном Л. В. Фадеевой нарративе о срубленном «оветном кресте» в Верове. В пинежском рассказе, как и в терских, отражаются «представления об амбивалентности сакрального пространства (которое может нести как позитивную, так и негативную информацию)», когда реакция на разрушение святыни исходит

Самая любимая и певческая церковь Варзуги – Петропавловская, дольше всех, до 1940 года, служила местом молитвы варзужан.

Внутренне «убранство» Афанасьевской церкви к моменту завершения в стране безбожных времен

Здание церкви Архангела Михаила села Чаваньга в 2004 году. Из-за серьезной внутренней перепланировки восстановить как церковь не удалось. Ныне разобрано и на этом месте строится новая церковь.

не от святого-покровителя, а от вырывающейся на свободу нечистой силы.

Восприятие церкви в традиционном фольклоре как места «приложения конфликта, развивающегося в рамках оппозиции «крещенное – нечистое» и «свое – чужое» (мотивы святотатства, Божьего гнева, нашествия интервентов)» отмечал А. А. Панченко уже в одной из своих ранних работ, посвященной изучению распространенного в русской народной прозе мотива «провалившаяся (утонувшая) церковь» . Некоторые общие «модели поведения» и функции в современной устной прозе традиционных деревенских святынь (имеющих многовековую историю освоения русским фольклором) и церквей, разрушенных в XX веке, позволяют предположить дальнейшее «сближение» в сфере бытования части рассказов об осквернённых и разрушенных церквях с преданиями о деревенских святынях; а также включение «новых» разрушенных святынь (по крайней мере, какой-то части их) в народную мифологическую модель пространства.

В рассматриваемых терских текстах выделяется еще одна особенность – все осквернённые церкви погибли в результате пожара. В рассказах не заостряется внимание на том, почему или по чьей вине произошел пожар, но очень подробно описываются сам процесс горения и события, его сопровождавшие. Традиционные деревенские святыни, «проваливаясь под землю» или «погружаясь в озеро», то есть перемещаясь в иной мир, тем не менее оставляли следы своего пребывания в конкретной местности и служили в локальной культуре «точками контакта», местами соприкосновения сакрального и профанного миров. Уничтожение осквернённой церкви огнем указывает, разумеется, на ее иной статус в локальном сакральном пространстве.

В народной мифологии природный огонь (не домашний!) оценивался неоднозначно: он воспринимался не только как очищающая и целительная сила, но и как грозная и опасная стихия. Смерть от небесного огня (молнии) считалась счастливой и самой легкой и имела очистительно-избирательный характер. По народным поверьям, громом и молнией Господь поражал ставших невидимыми «заклятых людей», когда приходил их реальный, «земной» срок умирать. С другой стороны, возникновение деревенских пожаров часто приписывалось проделкам чертей, которые носили проклятых людей по деревне, заставляя раздувать тлеющие головешки .

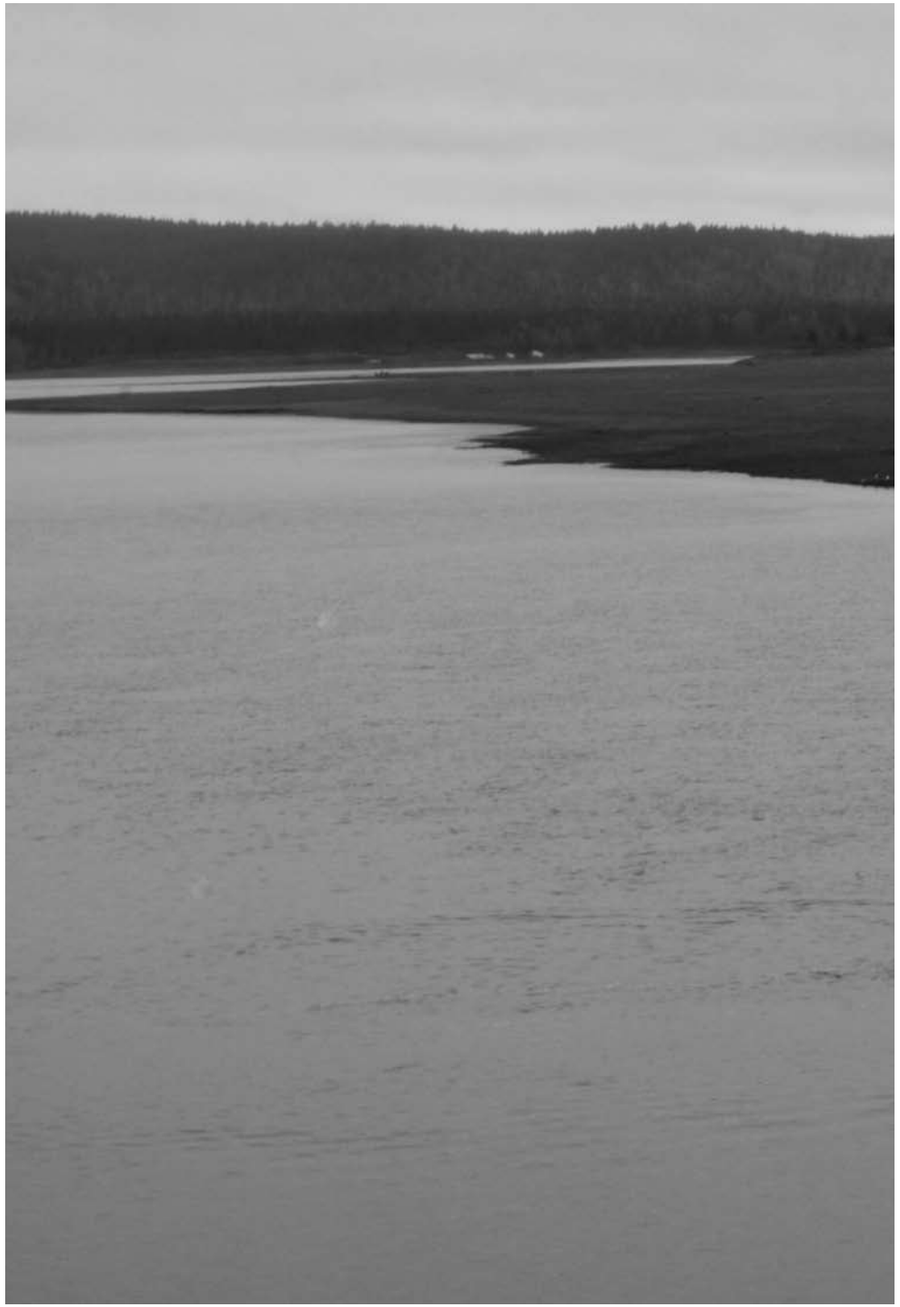
В отношении поруганных церквей можно предположить, что огонь также выполнял очистительную функцию: превращение святыни в клуб, куда ходят «издеваться и притворяться», или ее запустение приводят к тому, что святой «хозяин»-покровитель не может там больше жить и вынужден искать другое место или незлобиво «уйти из жизни».

Пожар, как правило, возникает в запустевшей церкви, утратившей былую святость после осквернения людьми, поскольку в ином случае очистительный огонь просто не смог бы к ней прикоснуться. На это указывает записанный в 2001 году в с. Варзуга рассказ о сгнившем от древности, но не утратившем сакральной силы кресте. «Где Пана впадает в Варзугу, есть Панский порог. Там креста три стояло – жемчуг добывали. Давно мы косили сено на Панском пороге. Как раз обед был. Весь берег сгорел. Лежит крест. О землю сгнил и упал. Огонь все сжег, а крест не тронуло» (записано от А. Д. Заборщикова, 1912 года рождения).

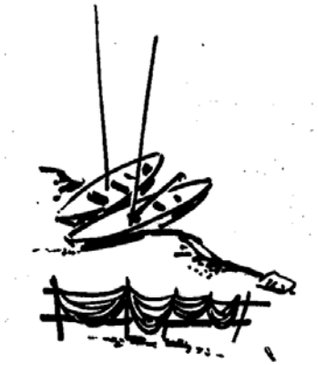
В терском репертуаре рассказов об осквернённых церквях тексты, развивающие «линию иного мира», составляют меньшинство, как и в других локальных традициях. Однако именно эти тексты имеют особое значение для выявления местной специфики в данной тематической группе. В них также шире и разнообразнее, чем в рассказах о наказании человека за осквернение святыни, представлены мифологические мотивы и связи с такими жанрами несказочной прозы, как предания и былички.

Дячок Светлана Адиковна,
главный библиотекарь отдела краеведческой и саамской литературы
Мурманской Государственной областной универсальной научной библиотеки (МГОУНБ)

Жемчужина Терского берега:
издания о Варзуге в фондах МГОУНБ



Жемчужина Терского берега: издания о Варзуге в фондах МГОУНБ

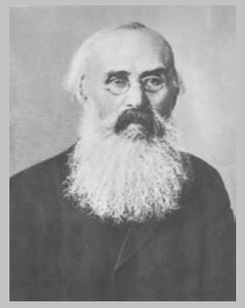


Академик Владимир Котляков: « И если бы республиканские и иные традиции Новгорода не были жестоко подавлены в XVI-XVIII веках Москвой, кто знает, может быть, вместе с русскими, украинцами и белорусами мы имели бы четвертую по счету восточнославянскую нацию – североросов...»

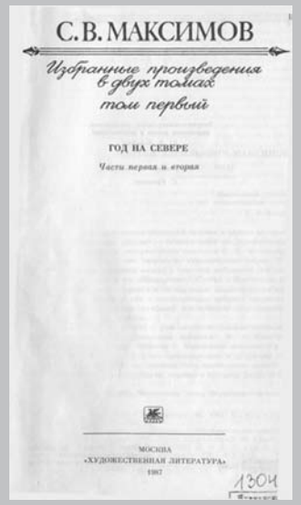
Филатов С. Православие по-поморски и по-новгородски // Религия и общество. – М, 2002. – С. 33-57.

1

1. Леннрот Э. **ПУТЕШЕСТВИЯ ЭЛИАСА ЛЕННРОТ: ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА, 1828-1842.** - Петрозаводск : Карелия, 1985. - 318,[2] с.: ил.



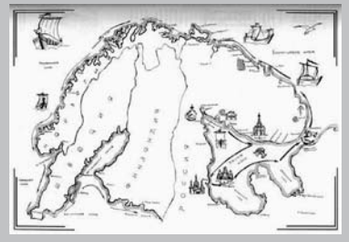
2



3

6

4

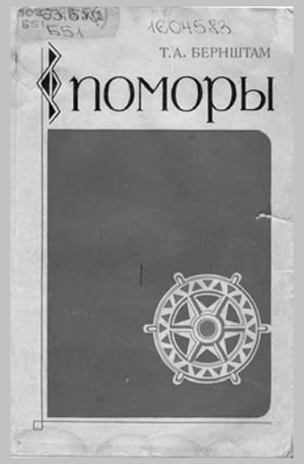


5

2-3 МАКСИМОВ
Сергей Васильевич
(1831-1901)
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ: в 2 т. -
М. : Художеств. лит.,
1987. - Т. 1 : Год на Севере :
ч. 1-2. - 1987. -
447 с., [1] л. портр. : ил.

4-5 ОГОРОДНИКОВ
Евлампий Кириллович
**МУРМАНСКИЙ
И ТЕРСКИЙ БЕРЕГА
ПО КНИГЕ БОЛЬШОГО
ЧЕРТЕЖА.**
(Спб., 1869г.)

6 **СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ПО ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО
ПОЛУОСТРОВА
В XVI-XVII ВВ.** –
Л.: Изд-во Академии наук
СССР, 1930. -191 с.



7

8

9

10

11

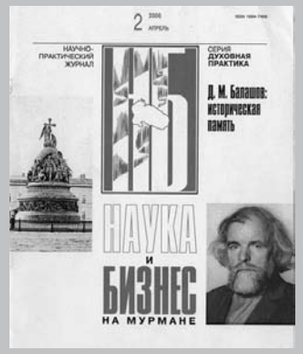
БЕРНШТАМ
Татьяна Александровна
7 **ПОМОРЫ:
ФОРМИРОВАНИЕ ГРУППЫ
И СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВА.** -
Л. : Наука. Ленингр. отд-ние,
1978. - 175,[1] с.

8 **РУССКАЯ НАРОДНАЯ
КУЛЬТУРА ПОМОРЬЯ
В XIX -НАЧАЛЕ XX В.:
ЭТНОГР. ОЧЕРКИ.** -
Л. : Наука. Ленингр. отд-ние,
1983. - 231,[1] с.: ил.

9 МАРКОВ
Алексей Владимирович
(1877-1917)

10 **БЕЛОМОРСКИЕ СТАРИНЫ
И ДУХОВНЫЕ СТИХИ:**
собр. А. В. Маркова ;
Изд. подгот. С.Н. Азбелев,
Ю.И. Марченко. - СПб. :
Дмитрий Буланин, 2002. -
1079 с., [1] л. портр. : ил. ;
27 см. - (Памятники русского
фольклора)

11 КОЛПАКОВА Н. П.
ТЕРСКИЙ БЕРЕГ.
- Архангельск :
Сев. обл. изд-во, 1937. -
184,[1] с.



12

13

14

15

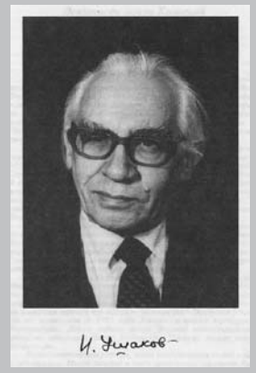
16

17

18

12-14 МЕРКУРЬЕВ
Иван Севастьянович
(1924-2001)

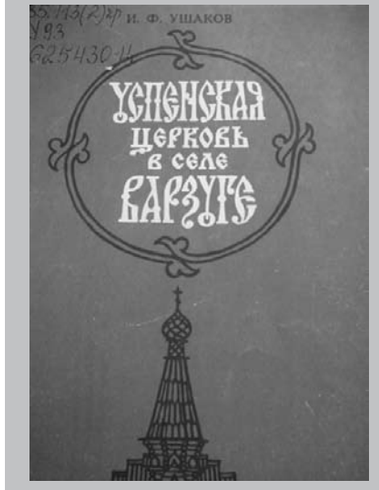
15-18 БАЛАШОВ
Дмитрий Михайлович
(1927-2000)



19

20

21

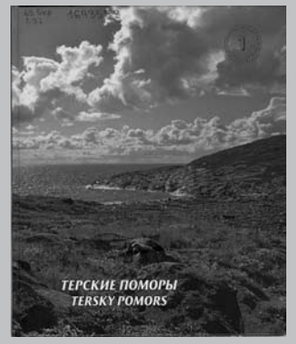


22

23

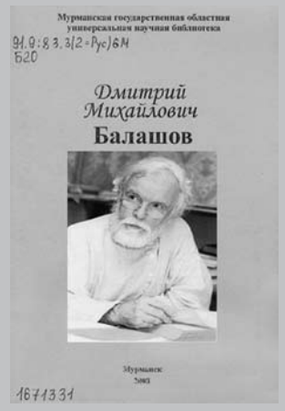
19-22 УШАКОВ
Иван Федорович
(1921-2002)

23 КУШКОВ Н. Д.
ПОМОРЫ ГОВОРЯТ:
словарь поморской лексики.
– Варзуга. 2008 (Апатиты :
Тип. ООО «КаэМ»). - 63 с. :
цв. ил., портр.



24

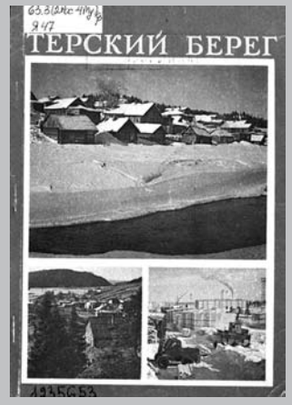
25



26

27

28



29

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ МГОУНБ

25 ПОМОРЫ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ: история, культура, этнография: научно-вспомогательный библиографический указатель / Мурм. гос. обл. универс. науч. б-ка. - Мурманск : Милори, 2007. - 151 с. : ил.

26 Д. М. БАЛАШОВ: биобиблиографический указатель / Мурм. гос. обл. универс. науч. б-ка. - Мурманск : МГОУНБ, 2008. - 55 с.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

27 УТКОВ П.Ю. КОЛЬСКИЙ СЕВЕР: история и культура : учеб. - нагляд. пособие для учащихся нач. кл. шк. Мурм. обл. – Мурманск : Пазори, 2002. - 75 с. : ил., фото

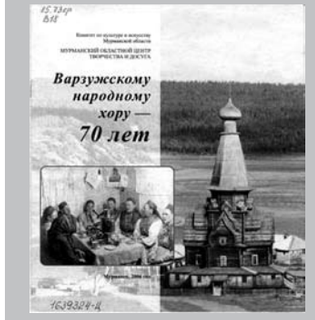
28 БУБЕНЦОВ В. Н. ИСКУССТВО КОЛЬСКОГО СЕВЕРА : учеб.-нагляд. пособие для 7-9 кл. шк. Мурм. обл. - Мурманск : Пазори, 2006. - 110, [1] с. : ил., цв. ил.

24 ЛЯПАЕВА О. ТЕРСКИЕ ПОМОРЫ СПб. : [б. и.]; Апатиты: Кол. центр охраны дикой природы, 2007. - 78 с. : ил. - (Традиционное экологическое знание; 1)

30

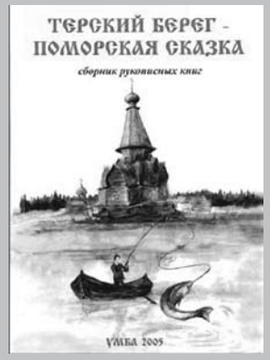
31

32



33

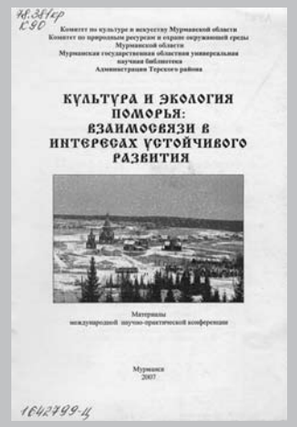
34



35

36

29-36 ИЗ ФОНДОВ МГОУНБ



37

38

37-38 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ, СЕМИНАРЫ. ИЗДАНИЯ МГОУНБ

Комплексная выставка «Терский берег – поморская сказка: к 590-летию села Варзуга» МГОУНБ, август 2009г.

Россия,
Мурманск, ул. С.Перовской., 21-А.
Тел/fax : (815 – 2) 45-48-05
E-mail: ruslib@mgounb.ru
http: //www.mgounb.ru

ЖАЛНИН Дмитрий Евгеньевич,
кандидат исторических наук, директор Мурманского областного краеведческого музея

Музей и Церковь: некоторые вопросы взаимодействия

Музей и Церковь: некоторые вопросы взаимодействия

Одной из реалий современной жизни российского общества стало возрастающее влияние Русской Православной Церкви. При этом между Церковью и музеями складываются непростые взаимоотношения. Как правило, эти взаимоотношения рассматриваются либо с точки зрения участия в общих мероприятиях (нейтральные), либо урегулирования противоречий, зачастую возникающих при решении вопросов собственности (конфликтные). Существующая практика построения взаимоотношений с позиции разности интересов показала свою бесперспективность. Задача поиска иных подходов к решению данного круга вопросов становится все более актуальной.

Для того чтобы разобраться в сложных вопросах взаимодействия Церкви и музеев необходимо начать с определения области, предмета взаимодействия. На первый взгляд причина противоречий лежит в различном отношении к собственности – двойном назначении движимого и недвижимого имущества, с одной стороны являющегося собственностью Церкви, использующей ее по прямому предназначению, а с другой – частью культурного наследия, условия сохранения которого часто требуют ограничения эксплуатации и музеефикации. Является ли это противоречие объективным следствием, проистекающим из самой природы музея? Чтобы понять это, необходимо найти истоки конфликта.

Несмотря на формальное отделение Церкви от государства (здесь и далее под «государством» понимается политическая структура, аппарат управления), последнее на протяжении всей послереволюционной истории пыталось переложить на Церковь решение тех или иных задач: начиная от борьбы с голодом (путем реквизиций церковного имущества), мобилизации сил на защиту страны (в годы Великой Отечественной войны) до воспитания патриотизма в период его целенаправленного разложения (в конце XX века).

Очевидно, что современная государственная политика в отношении РПЦ определяется поиском со-

циальной опоры. Кардинальные изменения религиозной политики потребовало от государства практического подтверждения. Самым убедительным шагом стало восстановление исторической справедливости – возвращение Церкви реквизированного в предыдущее время движимого и недвижимого имущества.

Однако реализация благого начинания выявило ряд противоречий. Первое из них – неготовность законодательной базы. Отношения, возникающие при безвозмездной передаче имущества религиозного назначения, в том числе культовых зданий и сооружений религиозным организациям, регулируются распоряжением Президента Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. № 281-рп «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества», постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2001 г. № 490 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения». Отсутствие в этих нормативно-правовых актах точного порядка передачи потребовало Министерство экономического развития и торговли РФ совместно с Минкультуры и Минфином России разработать концепцию Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Обсуждение выявило ряд недостатков предложенного законопроекта. Сфера регулирования взаимоотношений между музеями и Церковью оказалась ограниченной почти исключительно имуществом, подлежащим передаче, к тому же эти отношения рассматриваются однонаправлено, интересы передающей стороны учитываются не в полном объеме.

Парадокс сложившейся ситуации состоит в том, что возмещение реквизированного имущества производится за счет стороны, к реквизициям непричастной. За годы Советской власти большая часть церковного имущества была безвозвратно утрачена. Реквизированная церковная утварь распродавалась нередко в виде лома. Здания церквей и монастырей сносились. Но и оставшиеся предметы и строения разрушались из-за непотребных условий хранения. В удовлетворительном состоянии сохранилось в основном то, что передавалось музеям.

Размещая музеи в церквях и монастырях государство решало две проблемы: во-первых не обременяло себя задачей строительства специальных музейных зданий (при этом трудно представить более неудобные помещения с точки зрения размещения музейных экспозиций и создания условий для обеспечения сохранности музейных фондов), а во-вторых перекладывало на музеи задачу сохранения историко-культурного наследия. Музей не является собственником ни здания, где размещается, ни музейных предметов, которые хранит. При этом музей несет полную ответственность за их сохранность. Но надо учесть, что на протяжении XX века развитие музейной сети никогда не входило в число государственных приоритетов. Музеи испытали на себе неоправданное реформирование и перепрофилирование, насильственное изъятие музейных ценностей, традиционное недофинансирование при отсутствии возможности противодействовать некомпетентному вмешательству (музеи являются государственными учреждениями). Разумеется, все это, усугубленное общим падением уровня культуры в нашей стране не могло не отразиться и на музейной практике, но все же музеи наряду с библиотеками зачастую оставались последним средством защиты культурно-исторического наследия.

Получается, что возвращая имущество Церкви, государство опять решает проблему за счет третьей стороны, причем стороны безответной и обездоленной. Музеи и теперь оказываются «крайними», не получая от государства какого-либо адекватного возмещения потерь. В данной ситуации интересы музеев и Церкви оказываются искусственно противопоставлены. Разрешение каждого подобного конфликта напрямую зависит лишь от отношений между определенной епархией и конкретным музеем. Практика показывает, что достичь взаимопонимания удается далеко не всегда.

В Мурманской области существует позитивный опыт решения подобных вопросов. Древнейшая каменная церковь Кольского полуострова – во имя Благовещения Пресвятой Богородицы в Коле была сохранена, а к моменту ее возврата РПЦ приведена в удовлетворительное состояние благодаря размещению в здании территориального отдела Мурманского областного краеведческого музея (1984-1992 гг.). Ремонтно-восстановительные работы, произведенные при создании музейной экспозиции, позволили остановить процесс разрушения церкви, начавшийся в результате предыдущего размещения в здании производственных мастерских. При этом в Мурманской области за все время не было построено ни одного (!) музейного здания. Наши музеи размещаются в приспособленных помещениях. Никак не было компенсировано и закрытие территориального отдела в Коле.

Определенную сложность представляет передача Церкви икон и церковной утвари из фондов музеев. Все предметы, хранящиеся в музеях (что само по себе является фактом признания их культурной ценностью) являются неотъемлемой частью Музейного фонда Российской Федерации, любое передвижение которой регулируется федеральным законодательством, вследствие чего музей не в праве самостоятельно решать эти вопросы. Однако если рассмотреть данную проблему теоретически, она может быть решена на условиях совместного использования культурных ценностей. Подобная практика совместного использования объектов культурного наследия существует, но очевидно, что в каждом случае эти вопросы должны решаться с учетом конкретных условий. При этом законодательством устанавливается только два ограничения: обеспечение сохранности и доступности для граждан (возвращенные памятники не только должны бережно сохраняться, но и должны оставаться в публичном пространстве культуры). Однако на практике соблюсти эти условия оказывается очень сложно.

Позитивному решению многих вопросов взаимодействия Церкви и музеев препятствует определенное недоверие, сложившееся не только у представителей этих структур, но и в обществе. Происходит оно из-за недостатка информации, усугубленной слухами и непониманием внутренней жизни как Церкви так и музея. Безусловно, негативное воздействие оказывают стереотипы эпохи борьбы с религией, когда музеи рассматривались как центры атеистической пропаганды, а в священниках видели иждевенцев, живущих за счет общества.

Характерным примером является распространенное мнение о «присвоении» музеем иконостаса варзужской Успенской церкви. На самом деле, 49 икон из Варзуги находятся в Мурманском областном краеведческом музее на временном хранении. Благодаря изъятию икон из фактически недействующего храма решалась задача сохранения уникального культурного наследия. Благодаря этому шагу данные иконы не только не разделили судьбу тысяч безвозвратно утраченных в результате расхищения и неудовлетворительных условий хранения церковных святынь, но и были реставрированы профессиональными мастерами. Говоря о возможности возвращения иконостаса Успенской церкви наряду с обеспечением сохранности и доступности необходимо учитывать еще один немаловажный фактор – данные предметы уже нельзя рассматривать как обычную собственность церковного прихода, они являются уникальной частью национального достояния. Необходимо осознание и готовность взять на себя огромную ответственность.

Таким образом, вопрос о возвращении церковных святынь не является принципиальным препятствием взаимопонимания музеев и Церкви. Более того, имеющиеся противоречия не являются непреодолимыми, они обусловлены искусственным ограничением сферы взаимодействия музеев и Церкви исключительно вопросами перераспределения собственности.

Впрочем, подобный подход характерен и в отношении музеев, вся деятельность которых отнесена современным государством к сфере услуг, а музейные фонды зачастую (например, в таможенной практике) трактуются как «товар». Сложно представить себе «предоставление услуги» патриотического воспитания. Невольно вспоминается определение эпохи воинствующего атеизма: «церковь – место отправления религиозного культа». Понятия «просвещение», «образование», «воспитание» начисто исчезают из лексикона структур, осуществляющих государственное регулирование музейной деятельности. Подобная практика есть отражение глубокого непонимания природы музея, характерного не только для чиновников, но и для общества в целом, что в конечном итоге губительно сказывается на состоянии многочисленного и многообразного музейного сообщества.

Для построения позитивной модели взаимоотношений музеев и Церкви необходимо обратиться к иному предмету взаимодействия – очевидно, что он находится в области определения социальных функций. Таковым объединяющим началом является понятие нравственности.

Музеи в нашей стране выполняют системообразующую функцию. Статистические данные свидетельствуют, что по посещаемости музеи намного превосходят остальные учреждения сферы культуры (при этом Россия заметно отстает от многих стран по соотношению количества музеев к численности населения, занимая лишь 29-е место). Именно музеи являются мощнейшим средством сохранения и распространения традиционных ценностей. В этом заложена естественная основа взаимодействия, отказ от которого, безусловно, не способствует распространению влияния Церкви в обществе.

Другим фактором, определяющим характер взаимоотношений, может стать сходство, происходящее из самой природы музея. Современный музей обязан своим появлением именно христианской церкви.

Основа любого музея – музейный предмет, точнее феномен «музейности» – способность хранить и передавать информацию (всех ее видов – семантическую, эстетическую, эмоциональную и т.п.) посредством предметов, изъятых из определенной культурно-исторической среды. Музейный предмет ценен не сам по себе (хотя, зачастую стоимость предмета в силу ценности материала изготовления или художественных достоинств может быть довольно высокой), но определяется ценностью информации о событиях, людях или явлениях. Современный музей появляется тогда, когда на смену сокровищниц, собраний трофеев и коллекций диковин приходят материальные свидетельства (событиях, людях или явлениях). Музей является своеобразной моделью мира, где музейные предметы, представленные определенным образом, служат для воспроизведения соответствующей культурно-исторический среды.

Можно утверждать, что подобная практика, характеризующее будущие музеи, появляется в средневековой христианской культуре. Средневековые храмы отчасти осуществляли те функции, которые в последующую эпоху станут выполнять музеи. Хранящиеся в храмах предметы представляли собой, но и обладающих в соответствии с бытовавшими тогда представлениями. В них накапливались и хранились не только материальные ценности, но и предметы, которые, в силу мемориальной,

исторической и художественной значимости занимали особое место в системе ценностей эпохи и были важны для передачи культурной традиции. На основе этих коллекций объективно осуществлялась определенная культурно-образовательная деятельность.

Сама экспозиция храма является специфической моделью вселенной. Одна из характерных черт средневековой ментальности заключалась в мышлении символами. Материальные предметы, окружающие человека, одновременно являются и знаками, отображением того, что существует в иной сфере, сверхъестественной и священной.

Таким образом, отношение к музейному предмету как к знаку-символу определенной культурно-исторической среды, концептуальный подход к построению экспозиции, просветительско-образовательная направленность – то есть основные характеристики, идентифицирующие такого явления современной культуры, коим является музей – были заимствованы именно из церковной практики.

Именно это принципиальное сходство, а не разногласия, порожденные определенной государственной политикой в XX веке, должны стать основой взаимоотношений Церкви и музея.

Одной из тенденций развития современных музеев является постепенный переход от коллекционирования предметов к реконструкции историко-культурной среды. Комплексный подход стал основой как экспозиционной, так и фондовой работы. Разумеется, любое моделирование сопряжено с определенной погрешностью достоверности. Идеальным условием сохранения культурно-исторического наследия является сохранение естественной исторической среды.

Древняя Варзуга является уникальным местом, при сохранении которого не только возможен, но и в полной мере необходим комплексный подход. Здесь сохранились не только памятники древней архитектуры, но и историческая планировка. Не обладая профессиональными знаниями наши предки, в отличие от многих современных градостроителей не «преображали» природу, а гармонично вписывали застройку в окружающий ландшафт. Таким образом, охране подлежат не только старинные здания и традиционная планировка, но и сама окружающая природа.

Предметом охраны является не только архитектура, а весь объем национально-культурной памяти во всех ее проявлениях. Мы имеем множество примеров фольклорных «лубочных» реконструкций, привлекательных с точки зрения организации туристского бизнеса, но не имеющих ничего общего с сохранением подлинного культурного наследия. Необходимо сохранение не только внешних атрибутов, но и подлинной народной культуры, что невозможно без сохранения самого традиционного уклада жизни. А здесь мы выходим на более серьезную задачу – сохранения традиционных промыслов, экологии и т.п. Одной из проблем является отсутствие разработанной нормативно-правовой базы, регулирующие вопросы деятельности музеев-заповедников, традиционных промыслов и т.п.

Особое место в создании таких музеев-заповедников должна отводиться церкви. В этом аспекте старинные церкви должны выполнять роль не застывших памятников, но являться действующими храмами. Православие является одной из основ формирования самобытной поморской культуры. Основой сельского общества являлся церковный приход. Не только сохранение, но в значительной степени возрождение утраченной православной традиции – задача не только РПЦ, но и всего общества, если идет речь о сохранении подлинной национальной культуры.

Одна из сложнейших задач – совмещение функций церковной службы и музее-

фикации. Эта проблема исходит из самой природы церковных объектов, в основной массе являющихся не только культовыми объектами, но и историко-культурными памятниками. Впрочем, подобный опыт многофункционального использования существует во многих регионах России. Наиболее полное восприятие древних памятников (а так же икон, фресок, всего интерьера храмов) возможно только в естественной среде. Кроме того, сохранить уникальные памятники в условиях Варзуги возможно только благодаря их функциональному использованию (разумеется, при соблюдении все тех же условий – сохранности и доступности).

Главная опасность историко-культурному наследию исходит не из проблем определения собственника, не из сложности практического выполнения условий сохранности и доступности, и даже не из несовершенства нормативно-правовой базы. Необходимым условием является осознание и готовность Общества и Государства взять на себя ответственность. В условиях нарушения традиции преемственного развития, деформации основных принципов взаимоотношений и взаимовлияния религии и культуры, приведших к деградации и того и другого, музеи и Церковь являются естественными союзниками, объединенными общим нравственным началом.

РОГОЗИНА Нина Никитична,
коренной житель села Варзуги, директор сельской школы.

Храни огонь родного очага.

Изучение истории и культуры родного края в Варзугской школе

Храни огонь родного очага

Изучение истории и культуры родного края в Варзугской школе

Нет чувства родины без чувства человечности
От бессердечности ничто не родилось.
Любите Родину, как чудо бесконечности,
Как ветер вечности, коснувшийся волос.
Любите Родину как вашу нареченную,
Чтобы за нас ей не почувствовать стыда.
Любите Родину, но только не расчетливо,
Любите Родину, и только навсегда.

Патриотическое воспитание всегда было приоритетным в работе Варзужской школы, но наиболее активно региональный компонент стал присутствовать в школьной программе, начиная с 1991 года. С этого времени у нас появились спецкурсы «Лексика поморского говора» и «История родного края», так же стали проводиться внеклассные мероприятия, с целью возрождения древних традиций, как нашего села, так и Терского берега в целом. Таким образом, была разработана модель Поморской школы, школы, где вопросы истории, культуры и традиций родного края занимали ведущее место. Учителя и учащиеся активно занялись поиском материалов. Вскоре был создан первый исторический сборник села под названием «Поморские ремесла», включающий подразделы: «Шитье поморской лодки», «Домостроение в Варзуге», «Изготовление кирпича».

Юные варзужане вместе с учителем Чуниной Е. В. пошили настоящий поморский женский наряд, в который одели большую куклу, в полном соответствии со всеми атрибутами и особенностями исторической женской одежды края. Так же в школу стали приглашать участниц Варзугского фольклорного хора, и ученики вместе с учителями с удовольствием разучивали старинные песни села, изучали структуру и фигуры поморских хороводов.

Надо сказать, что Варзугский хор стал неотъемлемым участником всех наших больших мероприятий. Неоценимую помощь нам оказывали, ныне уже почившая Мошникова Еликонида Иоакимовна, а так же Гурьева Евстолия Васильевна, Заборщикова Римма Евгеньевна.

Детский школьный хор

В последнее время активно работает по возрождению песенных традиций Конева Марина Арсеньевна.

В марте 1992 года мы впервые провели «Поморские посиделки», в следующем году изучили обрядовую сторону поморской сказки. В последующие годы мы занялись восстановлением сельских традиций существовавших в жизни прежних поколений варзужан, таких как «Проводы рыбаков на промысел», «Проводы рекрутов», «Рождественские посиделки». Надо сказать, что в этом направлении была проделана значительная работа. Собран полноценный исторический и фольклорный материал, сформулированы и письменно оформлены все основные сценарии проведения узловых событий в жизни поморов. Рассказы об этих традициях сельской жизни в виде сценических постановок неизменно происходили в сельском Доме Культуры, где традиционно присутствовали почти все жители села. И это представление всегда становилось большим праздником для жителей села. Когда же учителя школы и дети в родных поморских костюмах, вместе с участницами фольклорного хора величаво проходили по залу, это зрелище

Поморская сказка

завораживало всех и надолго оставляло удивительно радостное и яркое впечатление.

Ежегодно варзужская школа проводит праздник поморской сказки. Дети разыгрывают свои любимые произведения народного фольклора «Глиняшка», «Умная Дуня», «Лиса и журавль». При этом мы всегда с благодарностью вспоминаем наши варзужских сказителей Коневу Евдокию Дмитриевну и Заборщикова Сергея Дорофеевича оставивших нам свое творческое наследие.

Красоту, простоту мы у древних берем,
Саги, сказки из прошлого тащим.
Потому, что добро остается добром
В прошлом, будущем и настоящем.

Важным направлением сохранения традиций села явилось изучение опыта поколений варзужан по занятию рукоделием. В результате этой работы ученики школы научились делать хлебные козули, щепных оленей, изучили поморскую вышивку и сами теперь

Поморская игрушка фигурка оленя из древесной щепы.

вышивают полотенца. Таким образом, дети глубже проникают в духовный мир наших предков, постигают и берут для себя в пример важные нравственные основы из их жизни.

Давно ведется и сейчас активно проводится работа по изучению своих родословных корней, по восстановлению историй жизни предков, по сбору материалов о событиях прошлого, о достойных людях села. Здесь надо особо отметить усилия учителей русского языка и литературы Заборщиковой М. А. и Новожиловой Н. А.

У каждого человека свое древо,
Оно неповторимо.
Человек должен знать своих предков.
Не забывайте их, прошедших
До тебя путем каменистым,
И утверждайте сердцем память о них.
(Владимир Сорокин)

На сегодня в школе собран и полноценно оформлен информативный материал о сельчанах участниках войны, о рыбаках, бригадирах, участницах хора, творческих и талантливых людях села, которые заслужили доброе слово потомков.

Вот в таких незамысловатых словах стихотворения выразила свои чувства к людям старшего поколения ученица 8-го класса Надя Мухамадьярова:

Я много теплого хочу сказать
И подарить улыбку старым людям.
Когда я слушаю историю их судеб,
Когда смотрю в устало-влажные глаза,
Они, не торопясь, мне многое расскажут
О том, какими были молодыми,
Что стали головы у них давным-давно седыми,
Бесценным опытом нам путь укажут.
Кто не согласен с этим, тот не прав,
Все меньше их становится в деревне,
Они хранят в себе обычай древний:
Уходят, старину с собой забрав.

Среди учащихся Варзужской школы, а теперь уже и выпускников, можно вспомнить много талантливых, творческих людей, которые принимали самое активное участие в конкурсе рукописной книги «Берега России». Многие ребята села становились победителями и награждались поездкой в Швецию, в международный литературный лагерь в Карелию, в лагерь «Орленок».

Экспонаты школьного музея Поморской культуры

Работы наших ребят есть в книгах «Поморская сказка» - 8 работ, «Большой России малый уголок», «Поморская азбука».

К нам в Варзужскую школу часто приезжают гости, которых мы всегда встречаем очень гостеприимно. Обязательным атрибутом встречи было и есть выступление хора «Жемчужинка», правда в последний год, в связи с выпуском, девочек в основном звене у нас почти не стало, так что сейчас работаем с начальной школой.

Нашей давней мечтой было создание школьного музея, потому что собранные ребятами экспонаты, написанные материалы надо было где-то размещать и сберегать. И вот, наконец, в этом юбилейном году 590-летия Варзуги мы получили возможность осуществить свою мечту. У нас в школе появился свой музей, хотя, конечно же, это только начало работы. Темы экспозиций музея: «Истоки Варзуги», «Храмы Варзуги», «История колхоза», «Жемчужина Севера (история фольклорного хора)». Уже сейчас собрано значительное количество экспонатов. Большую работу проделал наш учитель Кушков Н. Д. по сбору и оформлению материала.

Директор школы Рогозина Н. Н. у стенда посвященному участию варзужан в Великой Отечественной войне

Особый раздел музея посвящен теме: «Великая Отечественная война и варзужане». У нас есть все фотографии ушедших на фронт и погибших односельчан. Сегодня мы продолжаем собирать материалы об участниках той войны, и хотим к 65-летию Победы создать Книгу Памяти села. Это сложная задача, но надо найти пусть и небольшой материал, но чтобы было сказано о каждом, ибо:

Умирают солдаты дважды:
От штыка или пули вражьей,
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.

Работа по изучению истории и культуры своей «малой Родины» - задача не временная, проходящая, конъюнктурная. Это приоритетное направление воспитания наших юных варзужан.

Варзуга наша «малая Родина» - и для нас она сердцевина всей России. Любовь к Родине рождается от прикосновения к своим истокам, к корням, через возвращение истинных ценностей нашего народа. Современная школа может и должна создавать благоприятные условия для поддержания интереса к духовному и культурному наследию предков, поддерживать в сердцах юных поколений «огонь родного очага».

Храни огонь родного очага
И не позарься на костры чужие.
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века.
Храни огонь родного очага.

ЦИРКУНОВ Игорь Борисович,
кандидат экономических наук, доцент,
директор Мурманского областного книжного издательства

Пространственная особенность поморских поселений Терского берега

Пространственная особенность поморских поселений Терского берега

Поморские поселения достаточно длительное время привлекают внимание исследователей различных направлений науки. К их числу следует отнести историков и этнографов, археологов и антропологов, собирателей устного народного творчества и искусствоведов. Большое внимание современные ученые уделяли вопросам поморской архитектуры и социально-экономическому укладу жизни поморов. Попытаемся остановиться на одной лишь особенности размещения поморских поселений, которая поддается пространственно-экономическому анализу.

Прежде всего, следует обратить внимание на общую систему расположения первых поморских поселений на Кольском полуострове. Как видно их карты-схемы, приведенной на рисунке 1, территориальное размещение охватывает не только собственно прибрежные районы на современном Карельском, Кандалакшском и Терском берегах Белого моря, но и значительные участки в глубь материка. Такое решительное расселение поморов и разграничение их новой территории с прежним саамским и, скорее всего, отчасти и с карельским населением говорит не в пользу фрагментарной колонизации территории пришлым населением, а о систематическом хозяйственном и культурном освоении новых земель и приморских угодий, что привело к неизбежному вытеснению аборигенов в другие районы.

Уникальное явление пространственного размещения поселений поморов можно наблюдать на Терском берегу Мурманской области. Имеется в виду размещение поселений поморов не на самом берегу моря и даже не вблизи устья реки, впадающей в море, а на некотором удалении от морского берега и устья, в глубь территории на берегу озера или реки, впадающей в море. С позиции современного человека именно эта особенность бросается в глаза. К числу таких уникальных поселений смело можно отнести Варзугу и Порью Губу. Опыт, полученный автором в морских экспедициях в конце 80-х – начале 90-х годов, показывает, что наиболее интересными и порой таинственными поселениями представ-

Литература:

Ушаков, 1997. Ушаков И. Ф. Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. – Мурманск: Кн. изд-во, 1997. – Т. 1: Кольская земля. – 648 с.: ил.

Ушаков, 1998. Ушаков И. Ф. Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. – Мурманск: Кн. изд-во, 1998. – Т. 2: Кольский Север. – 376 с.: ил.

Циркунов, 1998. Циркунов И. Б. Порья губа: опыт историко-социологических исследований // Наука и бизнес на Мурмане. – 1998. - № 6. – С. 61 – 86.

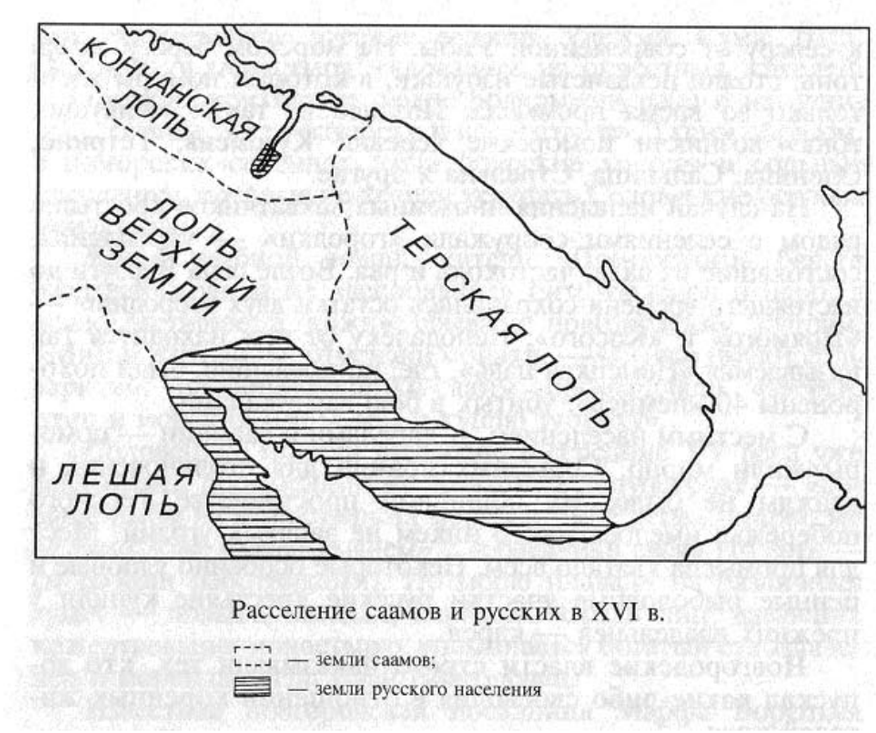


Рис. 1. Расселение саамов и русских в XVI в. на территории Кольского полуострова.
Ист.: Ушаков, 1997, с. 42.

лялись как раз те из них, которые нельзя было увидеть с моря, с борта судна (Циркунов, 1998). Морской подход к этим поселениям, как правило, всегда был сопряжен с опасностью для судоводителя при проводке судна к месту стоянки. В редких случаях, подход к такому поселению, например, к Порьей Губе, даже мелкосидящего судна невозможен вообще. Чтобы дойти до села водным путем, требуется пересадка на лодку для прохождения одним из двух каналов, которые местные жители называли «порожками», ведущих к внутреннему озеру, называемому Озерко, на берегу которого и было расположено село. Анализируя собственные наблюдения, автор фиксирует, что «месторасположение села Порья Губа отличается от расположения других поморских сел… Село как бы спрятано от посторонних глаз.» (Циркунов, 1998. С. 63).

Варзугу, как и Порью Губу, также можно отнести к такому типу сел, которые мы условно будем называть «закрытыми» или «спрятанными». Следует обратить внимание на такую любопытную особенность, что названные села, Поной и Умба в том числе, являются древ-

нейшими поморскими поселениями на Кольском полуострове и относятся к XV – XVI векам (см. карту-схему на рис. 2). Начиная с XVII века, поморские поселения все чаще располагаются на побережье, вблизи устьев рек, впадающих в море. Эта пространственная особенность расположения поморских поселений указывает не столько на более поздний период заселения территории, сколько на определенные изменения в структуре хозяйственной деятельности поморов в целом. Это гипотетическое предположение мы не будем развивать в нашей статье, а остановимся на самой особенности пространственного размещения поморского поселения на примере Варзуги. Стоит лишь заметить, насколько мудрым было решение основать Варзугу на ее исконном месте, и к каким катастрофическим последствиям привела деятельность жителей села Кузомень. Имеется в виду, возникновение «Кузоменьской пустыни» как следствие не только антропогенного воздействия, но и незнания особенностей местного рельефа и почвы.

Варзуга является одним из древнейших поселений поморов на Терском берегу, первое упоминание о которой относится к XV веку. Она также относится к поселениям так называемого «закрытого» типа, «спрятанное» село. Варзуга наиболее ярко и полно отражает определенную структуру размещения поморского хозяйственно-бытового комплекса в социально-экономическом пространстве своего времени. Именно социально-экономическое пространство было и остается определяющим для процесса размещения жилого, хозяйственного и промыслового секторов поморского поселения. Наше первоначальное представление или восприятие поморских поселений «закрытого» типа как сел, созданных, прежде всего, с военными (оборонительными) целями, т.е. обладающими стратегическими возможностями не быть обнаруженными быстро и легко и позволяющими населению подготовиться или спрятаться от возможного военного вторжения, кажется теперь не совсем верным и точным. Такой тип поселений – «закрытых» — носит не совсем корректное название, что вводит в заблуждение при понимании такого рода пространственного размещения поселения. Поморские поселения это, прежде всего, социально-экономические, а не военные объекты.

Структура пространственного размещения Варзуги можно рассматривать как эталонный образец древнейших поморских поселений и представляется следующим образом. В этом поселении четко просматривается три зоны практической деятельности жителей села.

Рис. 2. Древние русские поселения на территории Кольского полуострова.
Ист.: Ушаков, 1998, 261 с.

Первая зона, так называемый «домашний берег», это собственно территория села и его окрестностей. Основное направление деятельности здесь это жилищно-бытовое и социально-культурное.

Вторую по значимости зону определить сложно. Причина видится в том, что структура поморского поселения, как и крестьянского, также является трехзвенной. Крестьянское поселение включает в себя три зоны деятельности: дом (изба) или усадьбу, поле (в двух ипостасях – возделанное и невозделанное) и лес, для

каких-то местностей — степь, как дикую неосвоенную зону, чуждую и в то же время добычное место для жителей села.

Вторая зона поморского поселения, с нашей точки зрения, является морем. Море не является аналогом поля, которое определяется как вторая зона в структуре крестьянского поселения, а скорее, аналогом леса. Но и это аналогия довольна слаба. Море, как и любая водная среда, в представлениях славян символизирует смерть и представляет реальную опасность для жизни человека. Не даром же в древних славянских поселениях погосты находились на другом берегу реки или озера, т.е. за водной средой. Море, при всей своей опасности, реальной и мифологической, как для крестьян лес, но в меньшей степени, чем море для поморов, является одной из важнейших житниц для поморов, как и возделанное поле для крестьян. Море – место добычи пропитания и обеспечения жизнедеятельности поморов. Море кормит, как поле, но в то же время и страшит, как лес и, несмотря на опасность, остается важнейшим источником пропитания для поморского населения.

Третья зона поморского поселения – «промысловый берег», который выходит за пределы «домашнего берега» и располагается в прибрежной полосе. Всем хорошо известно о таком хозяйственно-промысловом явлении, которым является поморская тоня. Системой тоней, за редким исключением, обустроено практически все побережье Белого моря и беломорская береговая линия Кольского полуострова в том числе. Однако «промысловый берег» - это не поле и не лес по аналогии со структурой крестьянского поселения. Это особая уникальная структурная единица поморского поселения, которая вбирает в себя как промысловую, хозяйственную деятельность, так и бытовую и социально-культурную жизнь, на время, заменяя мужчинам полноценную семью и уклад жизни, характерный в условиях «домашнего берега». «Промысловый берег» играет одну из важнейших ролей в жизни и деятельности поморов. Причисляя «промысловый берег» к третьей зоне практической деятельности, мы стремимся показать не значимость его, а последовательность применимости в жизнедеятельности поморского населения.

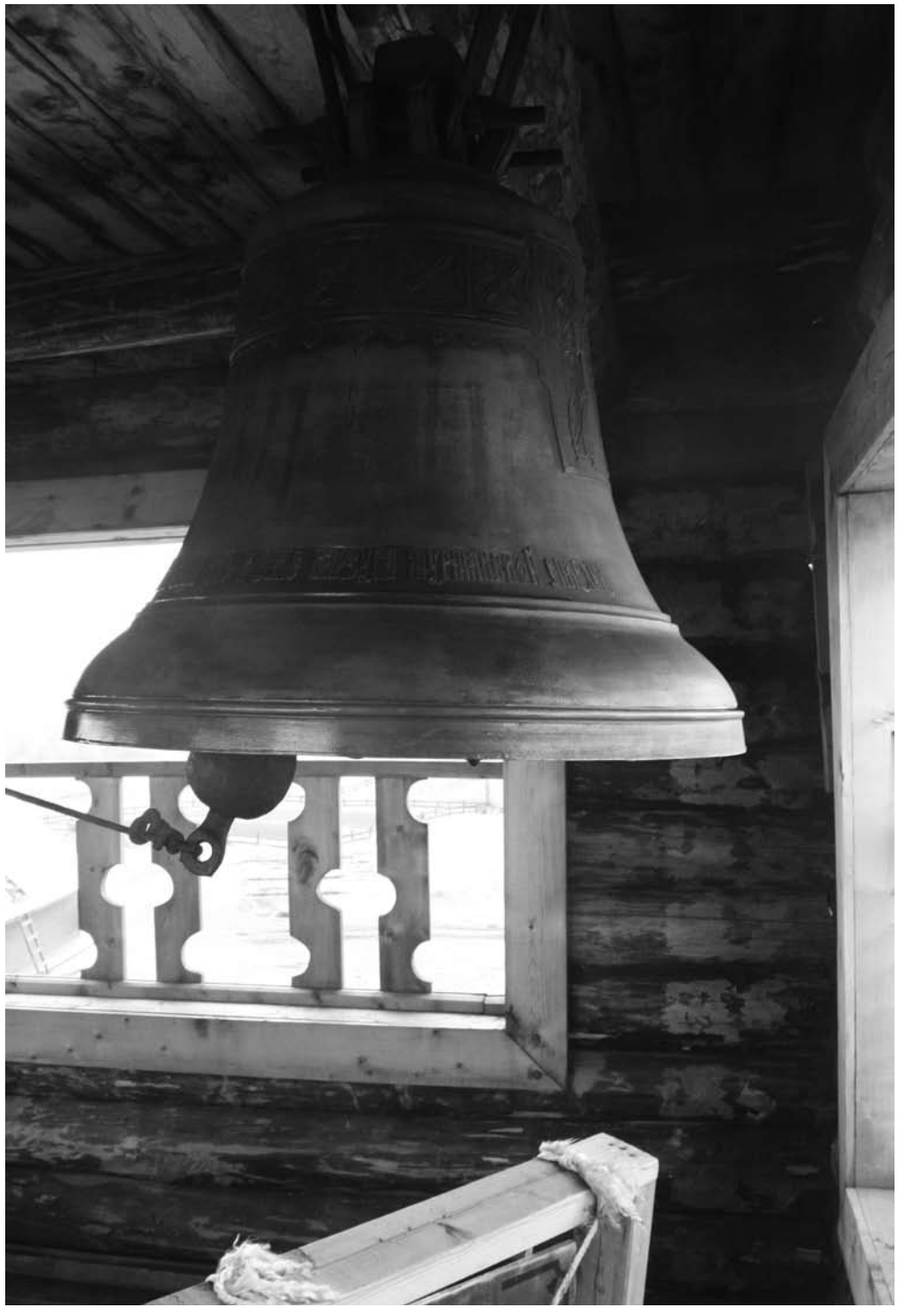
Описанная структура поморского хозяйственного комплекса находит свое отражение в пространственной особенности размещения древнейших поморских поселений на Терском берегу. Отражение этой структуры можно найти как в микропроявлении – устройстве поморской избы, так и в макропроявле-

нии – административно-организационной структуре Господина Великого Новгорода с его улицами – концами и пятинами. Варзуга, на наш взгляд, является наиболее ярким примером пространственной структуры поморского поселения и поморского хозяйственного комплекса.

ЖИРОВ Владимир Константинович,
член корреспондент РАН, профессор, доктор биологических наук,
директор Полярно-Альпийского ботанического сада-института

Духовные причины современных экологических проблем.

На примере поморских сел Терского берега Белого моря



Духовные причины современных экологических проблем

на примере поморских сел Терского берега Белого моря

Введение

Терский берег Белого моря вместе с рекой Варзугой представляет собой один из наиболее интересных примеров эколого-географической и духовно-культурной специфики прибрежных зон Мурманской области. Согласно законам физики, именно на границе раздела фаз наиболее активно формируются новые структуры и достигается эффект самоподобия – повторяемости одного и того же принципа организации на различных уровнях структурной иерархии. Видимо, поэтому чисто православное мировосприятие терских поморов, обостренное опасностями морских промыслов, в концентрированной форме отражает лучшие стороны всей русской культуры и русской души, извечно загадочной для иностранцев. Сочетание способности противостоять смертельно опасной морской стихии с бережным отношением поморов к окружающей среде представляет особый интерес для изучения духовно-культурных основ формирования экологического сознания и решения проблемы устойчивого развития человеческого общества в целом. Его успех в конечном счете зависит от выяснения условий баланса между активным преобразованием природы и сохранением ее в нетронутом состоянии. В теологической плоскости эта проблема имеет еще один важный аспект взаимоотношений между духовными и экологическими нарушениями. В связи с этим материалы сравнительного изучения культурных традиций в различных селениях Терского берега, а также анализ путей духовно-нравственной и экологической деградации здесь в последние времена могли бы послужить ключом к пониманию основ парадоксального, на первый взгляд, сочетания христианского и языческого подходов в традиционном природопользовании поморов и духовных причин современного экологического кризиса. В настоящем сообщении мы ограничимся последним, отдавая себе отчет в том, что представленные соображения затрагивают лишь самый поверхностный слой поднимаемой проблемы.

Экотеология в Западно- и Восточно-христианских традициях

Современное развитие мирового экологического кризиса привлекает все большее внимание не только ученых, но и широкие слои общественности, благодаря чему сейчас экологическая наука расширила свои границы до гуманитарной сферы. В результате к настоящему времени сформировались биологическая этика и опирающаяся на нее биополитика, методологической основой которых является целый комплекс философских идей, среди которых выделяются т.н. «экология процесса», «глубинная экология» и экофеминизм[115].

Развитие гуманитарных аспектов изначально естественной науки экологии привело к тому, что эти концепции приобрели явно выраженную религиозную окраску, что уже сейчас позволяет говорить о ее теологизации.

К настоящему времени наиболее существенный вклад в этот процесс внесла западно-христианская (в основном – протестантская) богословская мысль. Характерным для нее является размывание границ между Богом, человеком и природой, четко установленных ранним христианством и сохраняющимся в современном православии. Дальнейшее стирание границ приводит к отходу от христианских позиций и трансформации их в неоязыческие, как в случае с «глубинной экологией»[116]. Известные попытки удержаться в русле христианской традиции при стихийном развитии этого, по сути, секуляризационного процесса, связаны с возвратом к ветхозаветной теме Договора между Богом и человеком, а также, по толкованию современных западных богословов, и природой. Развитие богословской мысли в данном направлении способствует развитию характерной для западного христианства юридичности этих отношений. До настоящего времени спектр идей между уравниванием прав человека и природы и правовой регуляцией представляет все существующее на Западе многообразие экотеологических идей. Две крайности, приводящие либо через биоцентризм к неоязычеству, либо через католичество и протестантизм - к атеизму, и соответствующая их практическая реализация – попытки сохранения природы в ее естественном состоянии, или ее активного преобразования в направлении полезных для человека свойств (в идеале - первозданных архетипов) – представляют собой антиномию, не разрешаемую на уровне человеческих возможностей. Однако, если «человекам это невозможно, Богу же все возможно» [Матф.19:26].

[115] Р. Е. Кристиансен. Экотеология. Архангельск, изд. Поморского ун-та. 246 с., 2002.

[116] Naess A. A Defence of the Deep Ecology Movement. //Environmental Ethics, 1984. №6, p. 17-26

Православное понимание экологических проблем строится на представлениях о природе, как продукте Творения и вместилище Духа Святого[117], с одной стороны, и глубокой испорченности современной природной среды в результате грехопадения – с другой[118]. С православных позиций, решение этой антиномии должно быть связано с физическим взаимодействием Бога и тварного мира. В отличие от протестантизма, в православии и, в какой-то мере, в католичестве, этот контакт достигается во время Божественной Литургии, вновь и вновь открывающей миру спасительную Жертву Христа. Литургия охватывает своим действием не только своих непосредственных участников, но и окружающую природу, в большей или меньшей степени возвращая ей черты утраченной первозданности. Отрицательные явления экологического кризиса являются прямым следствием утраты благодати, которая становится доступной через Литургию. Практически повсеместный отход от Литургии на протяжении всего XX и начавшегося XXI столетий с одновременным нарушением экологического баланса косвенно подтверждает правоту этого суждения. «Города его сделались пустыми, землею сухою, степью, землею, где не живет ни один человек и где не проходит сын человеческий» [Иер.51:43].

Поморы и решение антиномии преобразования-невмешательства

Начиная с XIII века, беломорское побережье Кольского полуострова заселялось выходцами из других северо-западных регионов Руси и России, преимущественно новгородцами. Очевидно, что, благодаря удаленности от более цивилизованных мест и суровым климатическим условиям этого края терско-поморскую популяцию сформировали наиболее незаурядные – пассионарные, сильные и предприимчивые личности. Вместе с тем, уклад их жизни, в котором морской промысел играл ключевую роль, определил не только определенные черты характера, но и особую приверженность христианской вере. «Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался» - эта старинная поговорка как нельзя лучше отражает основу крепкой поморской веры. Море было главным - и физическим, и духовным - кормильцем поморов, и постоянное общение с ним воспитывало наиболее гармоническую форму взаимодействия с окружающей средой. По словам А. Никитина, описавшего эти отношения в рассказе «Остановка в Чапоме» «…именно здесь, на Берегу, между человеком и природой еще не возникло непреодолимой преграды... Берег обрастал человеком, как зверь шерстью, и оба жили в ладу, пото-

[117] Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. К экологии духа. В кн.: Экотеология. Голоса Севера и Юга. Под ред. Д.Г. Холмана. М., ВСЦ, с.20-42, 1997.

[118] Серафим (Роуз), иеромонах. Бытие: сотворение міра и первые ветхозаветные люди. М., Русский паломник, 2004.

му что человек по-своему заботился о Береге, стараясь, чтобы тот никогда и ничем не оскудевал»[119].

В этих немногих словах содержится ключ к пониманию духовных основ экологического равновесия человека со средой его обитания. Сравним их со словами Св. Писания о тех же отношениях в первозданном мире: «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» [Быт.2:15][120] .

В Едеме человек мог непосредственно общаться с Богом: «И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня…» [Быт.3:8]; «И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю...» [Быт.3:9,10]. Катастрофа грехопадения бросила весь тварный мир в царство грубой материи, которая отныне стала непреодолимой при жизни каждой твари преградой для ее прямого общения с Богом: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их…» [Быт.3:21]. И теперь его задачей по-прежнему оставалось земледелие: «И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» [Быт.3:23], однако в новых условиях враждебной для человека природы («терния и волчцы произрастит она тебе» [Быт.3:18]) прежняя задача приобрела принципиально другой смысл – непрестанной борьбы за существование и тяжелого труда «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» [Быт.3:19].

С Богом и в Боге решалась задача возделывания - сохранения Едемского Сада, в то время единая и непротиворечивая; в новом грубо-материальном мире ее антиномичность в какой-то мере снималась следованием Ветхозаветному закону, но принципиальное решение антиномии стало возможным только благодаря приходу Христа и Его Спасительной Жертве, бесконечно повторяющейся в Литургическом служении. Литургия продолжается и после службы, и за пределами храма, однако наш падший мир не способен длительно удерживать Ее благодатные Дары. Залог сохранения Благодати – особые условия, способствующие развитию готовности к жертве и мученичеству.

Особое положение поморской культуры среди других христианских культур связано с тем, что главную роль в ее становлении играло суровое северное море – стихия, общение с которой нельзя представить без внутренней настроенности на самопожертвование. Можно думать, что именно это условие жизни поморов стало определяющим в их отношении к окружающей

119 Цит. по книге: Казаков Л.А. Кузоменские пески. Мурманск, 2000.

120 Выделено мною – В.Ж.

природе – преобразование без нарушений экологического баланса, уважение без языческого поклонения.

Угроза попасть под языческое влияние была для поморов достаточно реальной, так как, переселившись на Терский берег Белого моря, они столкнулись не только с холодным морем, длинной зимой и коротким летом, но и с установившейся и по-своему высоко развитой языческой культурой саамов, органически вписавшейся в местную природу. Очевидно, что саамы не могли не оказывать влияния на неокрепшую поморскую культуру, для которых Терский берег далеко не сразу стал родным домом[121]. Многие языческие культуры экологичны: их носители живут в согласии с окружающей средой, не нарушая ее равновесия, что дает повод для необдуманного восхищения ими, которое можно нередко наблюдать в общественных экологических организациях и вообще среди романтически настроенной интеллигенции[122]. Вместе с тем, в нашем мире, который представляет собой продукт деградации прекрасного первозданного мира, внешняя эстетичность далеко не всегда связана с истинной духовностью. История Церкви (особенно – монашества) дает многочисленные примеры завоевания бесами эстетически привлекательных природных ландшафтов. В связи с этим можно думать, что образованному, но духовно непросвещенному человеку практически трудно отличить биотопы, гармония которых поддерживается Св. Духом, от гармонизируемых нечистыми духами.

Итак, терские поморы поддерживали равновесные отношения с окружающей природной средой, не поддаваясь ей, но и не угнетая ее. Не впадая ни в язычество, ни в атеизм, они гораздо ближе нас стояли к решению антиномии возделывания-сохранения сада. Однако, как указывалось выше, поддержание такого баланса требует не только постоянной причастности Литургийным Дарам, но и особого строя жизни, сохраняющего Благодать Св. Духа вне храма. Невыполнение этих условий неминуемо приводит к доминированию одной из его составляющих. Рассмотрим это на примерах поморских сел Терского берега.

Два пути деградации Поморской духовности

Наряду с многочисленными проявлениями экологического кризиса на Кольском полуострове, очевидно вызванными непосредственным антропогенным (часто – техногенным) воздействием, существуют менее известные случаи повреждения природной среды, причины которых трудно объяснить с обычных экологических позиций. Наиболее выразительным примером

121 Особенности саамской культуры и проблемы христианского миссионерства на Кольском полуострове в XVI веке подробно изложены в книгах игумена Митрофана (Баданина) вышедших в серии «Православные подвижники Кольского Севера».

122 С их точки зрения, действия св. равноапостольного князя Владимира, безжалостно вырубавшего ритуальные дубовые рощи славян-идолопоклонников, наверняка антиэкологичны.

этого является песчаная пустыня в устье р. Варзуга, традиционно называемая «Кузоменскими песками». Причины ее появления, сроки которого оцениваются, по разным сведениям, последними годами XIX – первой декадой XX вв., до сих пор остаются во многом неясными. В книге «Кузоменские пески» известного краеведа Л. А. Казакова по этому поводу говорится следующее: «Вихревые потоки и сильные ветры на легких песчаных почвах привели к образованию подвижных песков под воздействием перевыпаса скота, рубки леса и лесного пожара. Только комплекс причин, сочетание неблагоприятных природных факторов и нерациональной хозяйственной деятельности могли послужить основой, в результате которой создался существующий ныне ландшафт»[123] . Причиной перевыпаса могли быть, кроме того, увеличение поголовья крупного и мелкого рогатого скота на Терском берегу в это время, и миграция на Кольский полуостров коми-ижемцев, оленеводство которых отличалось существенно большими масштабами, чем местных жителей-саамов.

Отдавая должное мнению авторитетного ученого, позволим себе усомниться в полноте перечня приведенных причин. В случае его справедливости мы встречались бы с аналогичными последствиями разрушения пойменно-приморских экосистем в устьях других крупных кольских рек беломорского бассейна – Стрельны, Чапомы, Пулоньги и Поноя – со сходными эколого-географическими условиями. Однако «кузоменский эффект» уникален – несмотря на то, что в указанных районах наблюдаются тенденции к запустыниванию прибрежных территорий, - по своим масштабам в Мурманской области он не имеет себе равных.

Его уникальность позволяет предположить, что главные отличия Кузомени от других поморских сел Терского берега в период формирования пустыни, были обусловлены не экологическими причинами. Эти причины следует искать в социально-политической сфере того времени, изменения которой в масштабе всей страны привели к гибели монархии и распаду недавно могучей империи. Их явно антихристианская, антицерковная и антирусская в целом направленность неизбежно приводит к мысли о духовных причинах. Рассмотрим с этих позиций общественное и политическое состояние Кузомени в сравнении с другими терскими поселениями в начале XX века.

Переломным в политической обстановке северо-запада царской России следует считать 1898 г., когда в Архангельске при лесопильном заводе был создан

[123] Казаков Л.А. Кузоменские пески. Мурманск, 2000.

первый марксистский кружок. Благодаря береговому расположению, Архангельск быстро превратился в центр распространения подрывной литературы, куда она доставлялась из Норвегии и отправлялась, в частности, на Кольский полуостров. В наших краях наибольшая антигосударственная активность наблюдалась в Коле, а также в Кандалакше, которая заражала революционными настроениями весь Терский берег. Важную роль в этом процессе сыграли политические ссыльные, которые стали появляться здесь с 1903 г.

С 1903 по 1907 гг. число ссыльных возросло по всем основным населенным пунктам Кольского полуострова – Кандалакше, Александровске, Коле и Кузомени, однако лидирующее положение Кузомени в этом плане даже в масштабах всей области несомненно. Естественное следствие – повышение подрывной активности – не заставило себя долго ждать. В 1905 г. ссыльные создали в Кузомени подпольную социал-демократическую организацию. По признанию И.Ф.Ушакова «Среди поморов Терского берега наиболее развитыми были жители села Кузомени… Начиная с 1907 г. в селе Кузомени регулярно праздновалось 1 Мая»[124]. В результате чего «людей с резко выраженными монархическими убеждениями в селе было немного, подавляющее большинство жителей Кузомени шло за … социал-демократами» (там же).

Таким образом, население места будущего экологического бедствия еще за десять лет до трагических событий 1917 г. было в основном сориентировано на атеистическую власть. Судя по данным разных авторов, образование Кузоменской пустыни началось приблизительно в это время, а через 20 лет она уже вполне сформировалась, о чем свидетельствует начало продолжительных (и неудачных) опыт работ по рекультивации песков в 1926 г. Приблизительно в это же время в селе был совершен поразительный акт христоборчества: по единогласному решению собрания жителей Кузомени церковь на правой стороне реки была закрыта, а священник арестован и вскоре разделил судьбу многочисленных Новомучеников и Исповедников Российских…

Продолжавшиеся с перерывами до 70-х гг. XX в. рекультивационные работы по-прежнему не имели успеха, и только в 2000-2004 гг. последний подход к решению кузоменской проблемы, начавшийся в 1985 г. под руководством Л. А. Казакова, стал давать реальные плоды. Попутно отметим, что в 1995 г. на территории Кольского полуострова была учреждена Мурманская и Мончегорская Епархия РПЦ, а с 2000 года церковная жизнь на Терском берегу значительно активизирова-

[124] И.Ф.Ушаков. Кольская земля. Мурманск, 1972. 672 с.,

лась благодаря назначению настоятелем Варзугского прихода (в последствии – благочинным Терского округа) иеромонаха Митрофана (Баданина).

Итак, есть основания полагать, что экологический кризис в районе села Кузомень имеет духовную причину – отказ от Христовой веры подавляющего большинства его жителей. Церкви закрывались и в других селах Терского берега, однако декларативной добровольностью своего решения кузомляне явно превзошли жителей всех остальных поморских сел. Глубокое духовное повреждение этого села косвенно подтверждается многочисленными фактами нелепых, несвоевременных смертей местных жителей, вплоть до фактов суицида. Таким образом, Кузомень являет собой выразительный пример нарушенного в сторону преобразования окружающей среды равновесия обсуждаемой здесь бинарной оппозиции на атеистической основе.

Признаки повреждений противоположного типа – нарушения баланса в сторону сохранения окружающей среды на основе отказа от христианской веры в пользу язычества - обнаруживаются в центре поморской культуры Терского берега – селе Варзуга. В отличие от кузомлян, варзужане повели себя, несомненно, много достойнее в период гонений на Церковь в 20-х гг. Проявив неповиновение безбожной власти и очевидную готовность пострадать за веру, большинством голосов сельское собрание отказалось принять решение о закрытии храма. В результате власть (что было для нее, вообще говоря, нетипично) отступила, и, несмотря на то, что все четыре варзугских храма были, в конце концов, все же, закрыты – их строения (в отличие от храмов Кузомени) сохранились и успешно реставрируются.

Вместе с тем, в советское лихолетье Варзуга тоже не обошлась без духовных повреждений, хотя они и развивались по отличному от Кузомени принципу. Отсутствие здесь грубых экологических нарушений позволяет предполагать, что потеря Благодати (о чем свидетельствует, в частности, известное видение одной из жительниц села покидающей его Пресвятой Богородицы в период коммунистических гонений на веру) выразилась в смене гармонизирующей природу духовности: поразительные по своей красоте местные леса наполнились нечистыми духами. Косвенно это подтверждается негласным распространением идолопоклонства в селе Варзуга, а также неоднократными коллизиями среди местного церковного причта.

Заключение

Уникальная культура поморов сочетает высокую православную духовность со свойственной обычно языческим культурам экологичностью. Видимо, физическое существование на границе между морем и сушей определило пограничное положение поморов и в духовной сфере. Находясь на переднем крае духовной борьбы между атеистическими и языческими искушениями, всем укладом своей жизни поморы демонстрируют возможности духовного воздействия на физическую составляющую нашего мира, в частности, при достижении экологического баланса. С другой стороны, новейшая история поморского населения Терского берега предоставляет убедительные примеры физических последствий духовного повреждения общества, которые могут с успехом использоваться при прогнозировании изменений различных этнических групп в современных условиях падения нравственности.

«Жизнь на краю» предполагает не только возможности быстрого взлета, но и падений, и многочисленные трудности, преодоление которых служит достижению главной цели душеспасения. «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» [Мф.7:13,14].

Шахнович Марк Михайлович,
кандидат исторических наук, заведующий отделом
археологии Карельского государственного краеведческого музея

Археология реки Варзуги

Археология реки Варзуги

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
АО – Археологические открытия. М.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
МИА – Материалы Института археологии
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН. СПб.

Археологическое изучение р. Варзуги

Археология реки Варзуги начинается в конце XIX в. В 1892 г. местные жителели, в осыпи обрыва, «в обвалившемся кургане» возле устья реки нашли, завернутые в бересту, семь массивных «скандинавских» серебряных гривен IX–XII вв. различных типов[125]. Клад был доставлен сначала в Архангельский музей, затем переслан в Археологический институт в Москве, а сейчас хранится в Государственном Эрмитаже[126].

В Беломорье известны ещё две крупных находки раннесредневекового серебра XI–XII вв. В начале XX в. кемский исправник передал в Архангельский музей клад серебряных вещей: «обломки нескольких литых шейных гривен с кнопками на концах, витая шейная гривна с пластинчатыми концами, пластинчатые браслеты. Вещи эти западного происхождения (кроме мелковитых гривен) и могли поступить в Кемский уезд от финляндских карелов, норвежцев через Белое море или Колу или же с Запада от шведов по р. Кеми из Каянской земли»[127]. В 1989 г. около г. Архангельска, в пойме р. Северной Двины во время земляных работ был найден клад древнерусских ювелирных изделий, западноевропейских и арабских серебряных монет[128]. По мнению археологов В. М. Горюновой и О. В. Овсянникова, указанные клады хорошо маркируют периоды и направления связей жителей Беломорья в раннем средневековье: первый этап (не позднее начала XI в.) – контакты с Приладожьем, второй – поступления из Северной Европы и третий – тесное общение с новгородско-финскими территориями в XII–XIII вв.[129].

Нужно упомянуть, что в экспозиции Архангельского городского музея в начале XX в. находился «амулет с изображением человека монгольского типа: в сидячем положении с протянутыми вперед руками, найденный на берегу реки Варзуги Александровского уезда»[130]. Русский археолог А. А. Спицин описывал его следующим образом: «медная детская фигурка найдена на берегу р. Варзуги. Аналогов к этой поделке нами ещё не разыскано и времени ея мы не знаем»[131].

[125] Горюнова В.М., Овсянников О.В. Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского полуострова) // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 211–215.

[126] Обозрение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и прочими в России и за границей // Археологические Известия и Заметки. СПб., 1893. № 1. С. 13, 15.

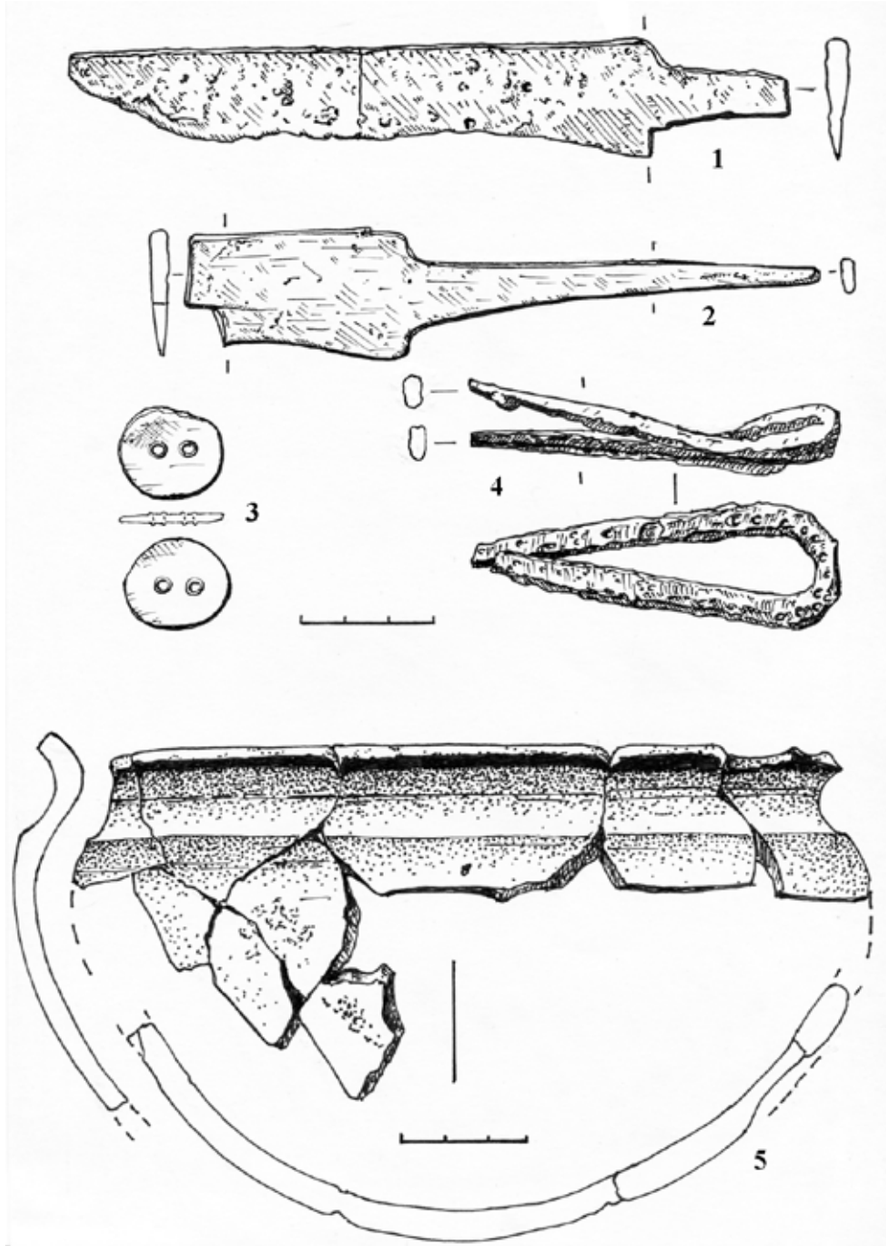
[127] Спицин А.А. Археологический альбом // Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского Археологического Общества. Т. XI. Петроград, 1915. С. 242.

[128] Овсянников О.В. Средневековая Арктика: археологические открытия последних лет // Археологические Вести. № 3. СПб., 1994. С. 128–129.

[129] Горюнова В.М., Овсянников О.В. Клад… С. 219.

[130] Голубцов Н.А. Архангельский городской музей и его коллекции. Архангельск, 1913. С. 23.

[131] Спицин А.А. Археологический альбом… С. 240. Рис. 33.



С. Варзуга.
Археологические находки. 2009 г.
1, 2 ножи, железо; 3 пуговица, медь; 4 прут, железо;
5 реконструированный горшок XVII в.

Полевые археологические исследования на р. Варзуга впервые провела в 1928 г. Палеонтологическая партия Антропологo-Этнографического отряда Кольской экспедиции МАЭ АН СССР под руководством А. В. Шмидта[132]. В результате работ около с. Кузомени были найдены десять местонахождений эпохи раннего металла и «два славянских поселения». Все памятники располагаются в двух местах – на левом берегу реки на группе дюн около оз. Гагарье и на склоне высокой дюны «Голые горы». Многочисленная коллекция сборов 1928 г. (более 2500 предметов) сейчас хранится в фонде археологии Музея антропологии и этнографии РАН[133]. Сведения о древних поселениях в устье р. Варзуги А. В. Шмидт получил от сотрудника Мурманского краеведческого музея В. К. Алымова, который сообщил, что в 1922 г. студенту Ленинградского Географического института М. В. Померанцеву жители с. Кузомень передали большое число каменных орудий («полированные орудия из сланца, топоры, наконечники стрел, точильные камни, кухонные остатки – кости тюленя»). Кроме этого М. В. Померанцев сам нашёл несколько бронзовых предметов и железный наконечник стрелы[134].

В 1966 г. писатель и археолог А. Л. Никитин в составе экспедиции Института географии АН СССР посетил Порью Губу, Умбу и Варзугу. В 1968 г. он прошёл водным маршрутом по рекам Пане и Варзуге до с. Кузомень, но никаких археологических работ не производил. В 1970 и 1971 гг. исследователь осуществил небольшие археологические изыскания по побережью Терского берега. Находки (сборы кварцевых орудий) были переданы им в ЛОИА АН СССР и Архангельский областной музей[135].

Самолетом из Мурманска 18 июля 1969 г. прибыла в с. Варзугу Кольская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР Н. Н. Гуриной, которая сразу переехала к месту основных работ в с. Кузомень. Оставленные студенты ЛГУ В. Я. Шумкин и И. В. Верещагина в течение трёх дней первыми из археологов обследовали берега реки около села. В ходе разведки на левом берегу они зафиксировали три местонахождения каменного века. Два из них находились на перевеянных участках дюн, недалеко от домов и имели небольшую площадь распространения находок (150–500 м2). Подъёмный материал включал кварцевые и кремневые скребки и отщепы. Третья стоянка более значительных размеров (около 5000 м2) найдена на ручье Собачьем в 1 км ниже по течению реки считая от церкви. В 6 км вверх по течению, на правом берегу, около порогов, на каменистой террасе, на высоте 5 м над уровнем воды археологи обнаружили кварцевые скребок и отщепы. Этот памятник

[132] Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Л., 1930. С. 120.

[133] Гурина Н.Н. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова // СА. 1950. XII. С. 116, 120; Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997. С. 8–9.

[134] Гурина Н.Н. Некоторые данные... С. 118.

[135] Никитин А.Л. Население юго-востока Кольского полуострова в позднем неолите // СЭ. 1976. № 2. С. 103.

В. Я. Шумкин датировал эпохой раннего металла[136]. Находки позднесредневековой керамики они нашли в трёх местах. На правом берегу реки – в осыпи края оврага в северной части села и в 1 км вверх по течению. На противоположном берегу многочисленные фрагменты «поздней» кухонной керамики были собраны на северной окраине селения[137].

В 1983 г. ленинградские археологи О. В. Овсянников и Е. М. Колпаков провели краткие рекогносцировочные работы в с. Варзуге. На бичевнике левого берега реки они сделали сборы фрагментов чернолощёных горшков и мисок XVII века.[138]

В 1969 г. экспедиция Н. Н. Гуриной на левом берегу реки недалеко от с. Кузомень зафиксировала двадцать одно местонахождение каменного века и раннего металла[139], а также нашла остатки двух разрушенных средневековых погребений, датированных по вещам XI–XII вв. (могильник Кузомень I). С поверхности дюнных выдувов собрали «некрупный листовидный наконечник стрелы, нож, кресало. Хорошо сохранилась железная округлая пряжка, литая бронзовая поясная лировидная пряжка, точило, кремень для высекания огня и не совсем ясного назначения свинцовые полушаровидные с грибовидной ножкой предметы»[140]. Также была сделана важная находка западноевропейской монеты – серебряного динария Альберта II (1018–1064 гг.).

В 1979 г. на перевеянных участках песчаных дюн Н. Н. Гуриной дополнительно кроме костных останков были собраны новые бронзовые украшения: поясные пряжки лировидной формы, полая подвеска-«уточка» с загнутым в кольцо хвостом и с двумя петлями для крепления дополнительных привесок, «шумящие» подвески, амулеты – «конь на змее», четвероногий прорезной конёк, мелкие проволочные пронизки, нанизанные на тонкий кожаный шнур, железные ручка и массивная цепь для подвешивания котла длиной более полуметра. В непосредственной близости от погребений найдены следы очага и обломки толстостенного лепного сосуда с прикипевшими к его стенкам каплями бронзы. Недалеко от могильника, на р. Кице (приток Варзуги) обнаружено поселение более позднего времени – XV–XVII вв.[141].

В 1982 г. О. В. Овсянников на этом участке берега нашёл ещё несколько литых подвесок-амулетов из бронзы: ключик, двуглавый пластинчатый конёк, умбоновидная бляшка со спиралевитым узором, поясные кольца, фрагменты цепочки. Все они являются широко распространёнными составными декоративными компонентами нагрудных или поясных украшений финно-

[136] Шумкин В.Я. Проблемы изучения эпохи раннего металла Кольского полуострова // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 152.

[137] Гурина Н.Н. Отчет о полевых работах Кольской археологической экспедиции // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1969. Д. 24. С. 16–17.

[138] Овсянников О.В. Отчет о работе Северо-Двинского отряда в 1983 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1983. Д. 183. С. 3.

[139] Шумкин В.Я. Проблемы изучения… С. 152; Мартынов А.Я. Археологическая карта Беломорья: некоторые итоги и проблемы изучения // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 207.

[140] Гурина Н.Н. Работы Кольской археологической экспедиции // АО-1969. М., 1970. С. 6–7.

[141] Гурина Н.Н. О работе Кольской археологической экспедиции // АО–1970. М., 1971. С. 11; Гурина Н.Н. Работы Кольской экспедиции // АО–1979. М., 1980. С. 6–7; Гурина Н.Н. Памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 13–15.

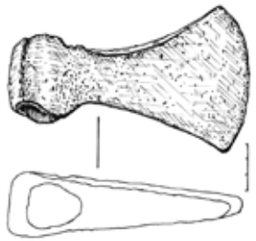
Городище в с. Варзуга. Вид на вал с северо-запада.

угорского женского костюма XI–XII вв.[142]. Есть так же сообщение о находке в дюнах, в 70-х гг. XX в. рабочими противолавинной защиты объединения «Апатит» «двух миниатюрных бронзовых фигурок лошадей».

В 1982 г. Северодвинская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством О. В. Овсянникова провела дополнительные археологические изыскания в устье р. Варзуги. В работе принимали участие сотрудники Архангельского Областного отделения ВООПИК и Архангельского областного краеведческого музея (Л. Д. Фирсова, Л. И. Цветкова). Археологам удалось найти, в некотором отдалении от песчаных дюн, участок с тремя не повреждёнными погребениями – могильник Кузомень II. Это были частично засыпанные могильные ямы, которые наблюдались на поверхности как неглубокие западания. Завёрнутые или накрытые лубом костяки лежали в деревянных гробовинах без крышек, на глубине 0,65–0,7 м от поверхности, в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, головой к северо-востоку. По сопутствующему инвентарю (стеклянные бусы, металлические части ремней, подвески, застёжки) и с помощью антропологов двое погребенных были интерпретированы как женщины, а один – как мужчина 30–40 лет. В одном женском захоронении сохранились фрагменты пояса с ножом, мехового головного убора и тканой одежды, украшенные бронзовыми подвесками и нашивками. У второй женщины было ожерелье из стеклянных бус, круглых бронзовых подвесок, часть из которых имела орнамент в виде процветшего креста. У левого колена мужчины, рукоятью вверх, был положен железный рабочий топор[143]. Все три погребения рассматривались автором работ как

[142] Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега // СА. 1989. № 2. С. 201–203.

[143] Овсянников О.В. Отчет о разведочных работах Северо-Двинского археологического отряда ЛОИА АН в 1982 году // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1982. Д. 140. С. 7–8; Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые… С. 205–208.



Городище с. Варзуга.
Топор, железо. XV в.

практически одновременные и датировались по вещам периодом – конец XII – начало XIII в. Этот вывод подтвердило радиоуглеродное датирование образцов органики, взятых из двух погребений – 740±10 и 750±10 л.н., т.е. приблизительно, 1200-1210 гг. н.э.[144].

Н. Н. Гурина сделала предположение о наличии в раннем средневековье на Терском берегу «финноязычного населения, близкого приладожскому»[145]. О. В. Овсянников и Е. А. Рябинин более осторожно высказывались о «финно-угорской, в широком понимании этого термина» принадлежности могильников Кузомень I и II и «направлении культурного влияния, шедшего в область «Тре» преимущественно из Двинской земли»[146]. Исследователи понимали, что выразительные финно-угорские украшения, которые использовались для датирования памятника, уже в XI в. стали составной частью северорусского женского костюма, синтезировавшего восточнославянские и финно-угорские элементы и поэтому не могут рассматриваться как точный культурный индикатор[147]. Не внесли ясность в эту проблему и антропологические наблюдения, сделанные научным сотрудником отдела антропологии Ленинградской Части Института Этнографии АН СССР А. В. Шевченко. Этническая принадлежность погребённых в могильниках Кузомень I и II остаётся до конца не выясненным вопросом.

Два могильника и клад в устье р. Варзуги – это пока единственные на сегодня достоверные находки XI–XII веков на территории Кольского п-ова. Для объективности отметим, что на Мурманском побережье в бухте Сидоровской в 1991 году на берегу был найден фрагмент (язычок) большой бронзовой фибулы XII в., но из-за малой информативности он практически ничего не может добавить к общей картине[148]. Данная ситуация объясняется незначительностью проведённых исследований по изучению средневековых древностей Русской Лапландии.

Из района р. Варзуги в Мурманский областной краеведческий музей поступил ряд археологических вещей. Четыре сланцевых орудия[149] эпохи неолита (ножи, наконечник стрелы и долото), найденные местными жителями около с. Кузомень, в 1927 г. положили начало археологической коллекции музея[150]. В начале 70-х гг. в дюнах недалеко от села нашли неолитический сланцевый наконечник копья, два железных ножа и восемь фрагментов кухонной керамики XV–XVI вв.[151]. В 1972 г. научным сотрудником Полярного института рыболовства и океанографии Л. Ф. Лысенко в музей были отданы десять фрагментов керамики XV–XVII вв.[152],

[144] Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые… С. 208.
[145] Гурина Н.Н. Памятники эпохи раннего металла… С. 14.
[146] Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые… С. 209–210; Гурина Н.Н., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые древности Кольского полуострова // Финны в Европе VI–XV вв. Т. 1. М., 1990. С. 128.
[147] Макаров Н.А. Русский Север и Лапландия: XI–XIII вв. // РА. № 3. 1993. С. 71.
[148] Овсянников О.В. Средневековая Арктика… С. 121.
[149] Мурманский областной краеведческий музей (МОМ) № 300–303.
[150] Кострова О.И. Археологическая коллекция Мурманского областного краеведческого музея // Коренные народы Севера. Археологические и этнографические исследования. Мурманск, 2002. С. 52.
[151] МОМ № 10075/1–11.
[152] МОМ № 11449/1–10.

собранные в Усть-Варзуге. Н. Н. Гурина передала часть коллекции, полученной в ходе работ Кольской экспедиции в 1969 г. в с. Варзуга[153] и около с. Кузомень[154].

Как объект археологического изучения могут рассматриваться и «поздние» памятники, хозяйственного или культового назначения, относящиеся к XVII–XIX вв. Например, в этнографической литературе упоминаются памятные поморские кресты, установленные в местах ловли жемчуга на реке Варзуге и тонях[155]. Только редкие деревянные кресты сохранились до нашего времени. Места их былого нахождения отмечают мощные (иногда высотой до 3 м) валунные кладки, служившие основанием креста, символичной Голгофой[156]. Выявление и реконструкция этих монументальных православных сооружений поможет воссоздать исторический ландшафт Терского берега.

Археологические работы в с. Варзуга в 2009 г.

По инициативе настоятеля Успенского прихода села Варзуга игумена Митрофана (Баданина) и администрации муниципального сельского поселения в 2009 г. Северокарельской археологической экспедицией Карельского государственного краеведческого музея под руководством М. М. Шахновича было проведено обследование окрестностей с. Варзуга.

На левом берегу, в 0,5 км к северу от села, рядом с небольшим озером в дюнах, была зафиксирована стоянка Варзуга VII. Её топография идентична нахождению стоянок Варзуга I и II, зафиксированных В. Я. Шумкиным в 1969 г. На поверхности песчаных выдувов найдены отщепы кварца, которые позволяют предварительно датировать памятник каменным веком.

На правом берегу реки, в 1 км к северу от села, в осыпи обрыва песчаного полуострова собран интересный материал XVII–XVIII вв. Это сорок фрагментов позднесредневековой гончарной неорнаментированной керамики от одного горшка, металлическая пуговица с двумя сквозными отверстиями, кусок железного прута и два ножа. Сосуд изготовлен на быстром гончарном круге из красножгущейся глины с примесью средне- и мелкозернистого песка и малых фракций гидрослюды. На основании имеющихся фрагментов реконструируется горшок высотой около 16–17 см, с диаметром венчика 17–18 см, чуть расширяющийся в тулове, с небольшим дном (диаметр 10 см). Черепки имеют неравномерный обжиг. Ближайшие аналогии ему можно встретить в коллекциях поздней гончарной керамики поселений Онежского залива Белого моря (низовья р. Выг, Сумский Посад)[157]. Среди железных изделий ножи

[153] МОМ № 5751/1–2.
[154] МОМ № 20620/2–10, 20637/1–5, 20796/2–3.
[155] Филин П.А., Фризин Н.Н. Крест в промысловой культуре поморов // Ставрографический сборник. Кн. 1. М., 2001. С. 170.
[156] Овсянников О.В. Старинные поморские кресты по исследованиям 1982–1984 гг. // КСИА. Вып. 200. 1990. С. 99.
[157] Определение Т.П. Амелиной.

– это наиболее часто встречаемая археологическая находка. Оба экземпляра фрагментированы. У одного (14,5х2,6х0,3 см) отсутствует часть насада, у второго (16х2,5х0,4 см) обломано лезвие. Единообразные клинки имеют прямую спинку шириной 0,35–0,5 см, верхний уступ и сточенное криволинейное лезвие. Ножи могут датироваться в широких пределах – XVII–XIX вв.

Основным объектом исследования стала естественная возвышенность на левом берегу реки, в 0,8 км к северу от с. Варзуга, известная местному населению под характерным названием «Прямое городище». Этот участок побережья ранее не попадал в поле зрения археологов. Ещё до проведения раскопочных работ, в ходе визуального осмотра, по хорошо выраженным в микрорельефе валу и рву – неотъемлемым составляющим средневековых укреплений, можно было с большой долей уверенности определить южный участок оконечности холма как остатки городища. Под термином «город» в России до XVII в., прежде всего, понималось оборонительное сооружение, ограда укреплённого пункта: «Все то, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом, русские называют город»[158].

Пойма левого берега реки сложена из осадочных природно-перемещённых минеральных образований. По всей видимости, в основных своих чертах рельеф в северной части окрестностей с. Варзуга за последнюю тысячу лет сохранился полностью. Основная его трансформация связана со строительством к северо-востоку от городища аэродрома в 1942 г.

Данное место практически идеально подходит для создания укрепления. Западный фас городища ограничен высоким береговым обрывом, высотой над зеркалом реки около 30 м, восточная сторона – болотистой низиной, где протекает безымянный ручей. Южная часть холма имеет более пологий скат, по которому возможен сравнительно лёгкий подъём. С северной, напольной стороны городище отделено от плато хорошо заметным валом и сухим рвом. Крутые боковые склоны, являясь естественными препятствиями, имеют значительную крутизну, которая в некоторых местах достигает 60о. Они не требуют специальной подрезки, но, возможно, восточный откос частично эскарпирован, что визуально не прослеживается.

Рельеф местности, очертания холма определяют конфигурацию укрепления. Городище имеет в плане подтреугольную форму, размерами, примерно, 50х14 м. Верхняя площадка мыса относительно ровная, вытянута по длинной оси по линии северо-запад – юго-восток.

[158] Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 116.

Заметное понижение её уровня отмечается только в привальной части, где брался грунт для отсыпки вала. С напольной стороны ровная поверхность возвышенности продолжается на 0,2 км к северу до верхового болота. В настоящее время верхняя часть холма обезлесена, склоны поросли смешанным лесом.

На площадке городища находятся одиннадцать хорошо просматривающихся воронкообразных ям, которые, скорее всего, являются следами очень распространенных в XIX в. грабительских работ. Только одну впадину (3х2 м), на краю юго-восточного склона, можно предварительно определить как остатки небольшой однокамерной срубной постройки, углублённой в землю на 0,4 м. По сложившейся традиции, строения, пол которых понижен по отношению к уровню дневной поверхности на 0,4–0,5 м, считаются полуземлянками.

Обычно конфигурация вала зависит от характера возвышенности. В нашем случае, он имеет прямую форму, хорошо прослеживается на протяжении 12 м. Насыпь отсекает площадку городища, соединяя два склона мыса. Вал с восточной стороны не доходит до края обрыва, оставляя проход шириной 1,5 м. Вероятно, в древности здесь находился въезд.

Западная часть вала сохранилась значительно лучше восточной. Перепад высот между двумя краями вала достаточно существенный – около 0,8 м. Торцовый участок западного края практически вертикальный. Сохранилась значимая крутизна внешнего склона, который имеет общий наклон не менее 35–45о, а западный участок – до 50–55о. Тыльный откос более пологий – около 30о. Видимая современная высота насыпи в центральной части с внешней стороны составляет 1,1 м, с внутренней – 0,8 м, ширина в основании – 4,5 м. Приблизительные первоначальные размеры вала: высота по отношению к уровню внутренней части городища – 1,3 м, ширина в основании – 2,5–3 м. Ширина площадки по верху «осыпи» очень незначительна – около 1 м. В поперечном сечении она имеет округлый профиль.

«Тело» вала было создано из грунта взятого из рва и с околовальной части городища. Об этом свидетельствуют небольшие западания общего уровня почвы, примыкающие с тыльной стороны к насыпи.

С целью изучения истории строительства вала, выяснения времени его возведения, выявления возможных деталей внутривальной части дерево-земляной конструкции и воссоздания первоначального облика фортификации, насыпь была прорезана в центральной части по линии север – юг поперечной стратиграфической траншеей шириной 1 м, длиной 5,5 м и глубиной

1,4 м, которая включила в себя прилегающее пространство, как с напольной, так и с внутренней стороны городища.

Стратиграфические наблюдения в центральной части вала показали, что насыпь состояла из однородного тёмно-жёлтого песка с незначительными цветовыми включениями. Специальные, часто применяемые внутривальные конструкции из дерева, назначение которых было в том, что б сдерживать от оползания насыпь отсутствовали. Можно говорить только об одно этапе строительства данного сооружения, т.к. не удалось проследить следы кардинальных перестроек в период её существования. Естественное, небольшое оплывание грунта, незначительно повлияло на первоначальную форму сооружения.

Следы культурного слоя под насыпью вала на исследованном участке отсутствуют. Никаких индивидуальных находок в траншее сделано не было.

В южной части траншеи выявлены остатки не потревоженного слоя обугленных деревянных плах и скопление мелких кусков угля. Фрагменты обгорелой древесины дают представление о размере и ориентировке бревен. Они располагались строго горизонтально, параллельно линии север – юг, перпендикулярно длинной оси вала. Куски угля сохранили присущую дереву слоистость. Первоначальный диаметр стволов деревьев, в современном обожжённом состоянии толщиной 0,05–0,07 м, реконструируется как близкий 0,25 м.

Акт сильного горения, приводящий к обгоранию древесины со всех сторон, но не сопровождающийся прокалом песка, ведущий к спеканию, свидетельствует об его кратковременности. Нужно отметить, что лёгкая насыщенность углем верхнего почвенного слоя наблюдается на значительном расстоянии – в предвальном пространстве и на расстоянии 5 м за рвом.

Можно предположить, что прослеженные обугленные плахи это часть, погибшей в огне, деревянной постройки. Сгоревшие остатки, упавшей бревенчатой крепостной стены или каких-то привальных конструкций или, возможно, вымостка с внутренней стороны у основания вала. Более точный ответ могут дать только дополнительные раскопки.

По крупным фрагментам угля, сгоревшей постройки и куска истлевшей древесины из насыпи вала были получены практически совпадающие радиоуглеродные даты 530±30 л.н. (SPb-88) и 537±35 л.н. (SPb-70)[159]. Их комбинированное калиброванное значение (период «уничтожения» – сжигание органики) приходится в календарном выражении на 1394–1434 гг. н.э.

[159] Определения произведены М.А. Кульковой (изотопная лаборатория РГПУ, Санкт-Петербург).

На территории городища, «под корнями» местными жителями были найдены хорошей сохранности железный топор и два железных клина для топорищ. Размеры топора: длина лезвия – 10 см, ширина лезвия – 8,5 см, диаметр обушного отверстия – 4,5 см. В нижней и верхней частях обуха находятся щековицы. Проушное отверстие подпрямоугольных очертаний. Секировидная, симметрично расходящаяся форма лезвия, средние размеры, но значительный вес (720 г) позволяют отнести находку к типу универсальных походных топоров, служивших и оружием и орудием. По мнению А. Н. Кирпичникова, боевые топоры подобных модификаций были распространены на Севере Европы, начиная с XI века. Для памятников на территории России они в основном характерны для северных районов при том, что некоторые из них были найдены в крестьянских курганах[160].

Археология и история. Реконструкция городища

При небольшом объёме проведённых в 2009 г. на памятнике работ, полученные результаты весьма интересны и позволяют наметить некоторые предварительные реконструкционные гипотезы. Восстановить с максимальной полнотой первоначальный облик городища с. Варзуги начала XV в. достаточно сложно, но основные черты несохранившейся части оборонительной конструкции укрепления могут быть предположительно воссозданы, преимущественно на основе известных, одновременных образцов фортификационного строительства на Русском Севере.

Выбор места для устройства городища-убежища определялся доминирующей над береговой поймой высотой площадки, естественной значительной крутизной берегового склона и хорошим обзором. Напольная сторона городища была укреплена земляным валом и рвом перед ним. Высокие, крутые склоны с трёх сторон служили естественным дополнением искусственным укреплениям. В плане «острожек» представлял площадку, площадью 700 м2, близкую к подтреугольной форме. Лес по склонам холма, вероятно, был сведен и крепостица хорошо выделялась, как ландшафтная доминанта в речной панораме.

Кроме различных видов «рубленных в тарасы» стен исследователями для строительных традиций Северной России выделяются три простейших типа оград: «частокол», «тын стоячей» и «тын лежачей». Частокол – в промежутке между опорными столбами стояли «в режь», сплочённые поперечными жердями колья. «Тын

[160] Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. Вып. 2. М.-Л., 1966. С. 30; Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. М., 1985. С. 311.

стоячей» состоял из брёвен с заострённым верхом, скрепленных между собой. «Забранные столбы» («тын лежачей») – брёвна или брусья, подтёсывались с концов, укладывались горизонтально в пазы вкопанных столбов или брусьев. Данные типы деревянных оград делались без кровли[161].

Оборонительная стена должна проходить по вершине вала, но его верхняя площадка очень узка и, на первый взгляд, не позволяет разместить на ней срубную конструкцию. Однако, как показывают примеры из истории возведения древнерусских дерево-земляных укреплений, отсутствие плоской площадки по вершине вала не является препятствием для создания на верхней части насыпи срубной стены[162].

Сравнительно небольшая высота вала (около 1,5 м) является достаточно обычным случаем. Многочисленные городища-убежища корелы XIV в. в Западном Приладожье, так же имеют высоту валунно-земляных насыпей не более 1–2 м[163].

В «теле» вала не выявлены следы, которые можно было бы рассматривать как остатки деревянных сооружений. Из опыта раскопок острогов XVI–XVII вв. в Архангельской области и средневековых древнерусских городищ видно, что углублённые в почву части деревянных конструкций, хорошо сохраняются в песчаном грунте, а наземные срубные стены исчезают без следа[164]. Отсутствие на валу следов «стоячего тына» или частокола позволяет допустить, что «стена дровяна» или могла состоять из отдельных трёхстенных срубов, плотно приставленных друг к другу с одним боевым, верхним уровнем или, возможно, была однорядной, из горизонтально уложенных брёвен, скреплённых через определённые промежутки короткими поперечными стенками или столбами-стояками. Скорее всего, общая высота дерево-земляного укрепления с напольной стороны составляла минимально с наружной стороны около 3 м.

Ров и вал всегда создавались в комплексе, но при постройке укрепления, основной задачей было создание насыпи, которая становилась основой для фортификационных строений, а рву отводилось подчинённое значение. Ров (шириной 7 м) не имел значительную глубину, но в целом увеличивал общую высоту стены, т.е. её обороноспособность, на 0,5 м.

Въезд на городище находился с напольной стороны. Вероятно, тележный путь от погоста проходил по соединявшей село с аэродромом, ныне заброшенной дороге, по ложбине вдоль восточного склона соседнего холма. В простых русских острогах ворота сооружались

[161] Секретарь Л.А. О типологии деревянных рубленных оград монастырей и погостов XVIII века // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1986. С. 63–67.

[162] Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52. М., 1956. С. 73; Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XIV–XV вв. // МИА. № 105. М., 1961. С. 136.

[163] Спиридонов А.М. Городища-убежища древней корелы // КС. Вып. 190. М., 1987. С. 49–51.

[164] Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества X–XIII вв... С. 120; Никитин А.Л. Вологодская и Турчасовская экспедиции // АО-1971. М., 1972. С. 39; Овсянников О.В. Арктическая зона Восточной Европы: новые открытия средневековых памятников // Древние культуры и археологические изыскания. СПб., 1991. С. 42–43; Мильчик М.И. Каргополь. Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. СПб., 2008. С. 44.

по типу хозяйственных, только с приспособлением к обороне: они всегда «затворялись», а не перегораживались[165]. В варзужском городище, скорее всего, они висели «в вереях» (на столбах).

Вряд ли деревянное укрепление было построено только с напольной стороны. Судя по тому, что присутствует проход через вал на городище, оборонительный рубеж, соответствуя оборонительной практике средневековья, существовал по всему периметру площадки. Обычно стена возводилась по самому краю склона. Можно предположить существование на городище двух типов оград – «стоячий тын» и «стена рублена», которые часто совмещались в русских укреплениях[166].

Небольшой объём земляных фортификационных работ и несложные по конструкции и временным затратам деревянные укрепления делали строительство городища по силам небольшому коллективу за непродолжительный срок.

Обилие «поздних» ям сводит к минимуму возможность обнаружения внутрикрепостных построек. Слабовыраженный культурный слой и отсутствие строений («жилья у них в остроге никакого нет»), а также расположение в некотором отдалении от основного поселения – это общие типовые черты крестьянского «острожка» – городища–убежища на Русском Севере.

Городище и погост

Очень ёмко определение термину «городище» дал классик российской археологии А. А. Спицин: «укреплённые валом и рвом площадки сравнительно небольших, иногда малых размеров. Их назначение – быть военным укреплением для небольшого местного населения на случай опасности»[167]. Археолог П.А. Раппопорт характеризует городища-убежища как «небольшие укрепления, большей частью очень примитивные по своей военно-инженерной организации, построенные целиком на использовании естественных защитных свойств местности. Они не были заселены. Культурный слой на них обычно полностью отсутствует»[168].

Несложный для строительства «мысовой», слабоукреплённый тип укрепления, в самом его простом варианте (ров и вал только с напольной стороны) существовал очень продолжительный период (X–XIV вв.) практически на всей территории Восточной Европы и в основном соотносится с небольшой сельской общиной[169]. Появление в Русской Лапландии городища-убежища в XIV в. представляет особый интерес, так как на территории Северной Финляндии, Лапландии и Северной Карелии в XIV–XV вв. они не известны.

[165] Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества X–XIII вв... С. 133;

[166] Мильчик М.И. Каргополь... С. 19.

[167] Спицин А.А. Разведки памятников материальной культуры. Л., 1927. С. 82.

[168] Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв.// МИА. № 140. М., 1967. С. 186.

[169] Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества X–XIII вв... С. 23.

Ближайшие аналоги городищу в с. Варзуга можно найти среди древних линнавуори Приладожской Карелии, Южной Финляндии XI–XIV вв.[170] и кратковременных «крестьянских» острогов XIV–XV вв. в Двинской земле на реках Онеге, Вели, Ваге, Устье[171]. Среди них «градец мал» на р. Варзуга – это самое северное из известных сегодня фортификационных сооружений в этом регионе.

Городище-убежище подразумевает существование рядом постоянного, открытого поселения и наличие внешней угрозы. По своему характеру городище в с. Варзуга не предназначалось для обеспечения безопасности определённой группы населения в среде чужеродных и враждебных аборигенов, т.е. укреплённой факторией. Оно не было рассчитано и на длительную оборону. Его задачей было временное укрытие жителей на короткий срок военной опасности, «приходящей по воде».

Что возникло раньше, крестьянское поселение или городище? По традиции освоения далеких северных окраин Новгородской земли в XIV в. сначала возводился на водной коммуникации городок как опора для контроля над округой[172]. Поэтому нельзя исключить, что участок для первого поселения в данном месте был выбран именно из-за наличия удобного холма для создания городища-убежища. Его строительство именно здесь косвенно подтверждает предположение о том, что, скорее всего, первоначально был заселен левый (Никольский) берег реки.

Можно говорить о существовании определённого устойчивого поселенческого стандарта у колонистов при освоении суровой приполярной зоны южного Беломорья. Это обживание расположенных за порогами, пойменных участков нижних течений крупных рек, незначительная удалённость от морского побережья, создание «городища-убежища». На наш взгляд, набор этих признаков очень близок модели размещения селений ладожской корелы в раннем средневековье.

Погост – это сельский фискальный и церковный округ. Несомненно, погост на реке Варзуга – это был известный, и достаточно большой населенный пункт с церковью, ставший одним из объектов нападения, спланированного рейда «мурман» в Беломорье в 1418/1419 г. Не ясен его характер: монастырское поселение, крестьянская деревня, фактория или сезонное промысловое становище? Ещё в начале XX в. исследователи отмечали, что «как и по всему побережью Белого моря, здесь земледелие не играет почти никакой роли. В Кандалакше есть ещё жалкие огороды, в которых едва вырастает

[170] Таавитсайнен Ю.-П. Городок – древняя крепостная гора в Заонежье // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск, 1997. С. 208.

[171] Овсянников О.В. Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере // Культура и искусство древней Руси. Л., 1967. С. 65; Никитин А.Л. Вологодская… С. 39; Королёв К.С. Городище Новик XII–XIII вв. на Средней Вычегде (Республика Коми) // РА. 2008. № 3. С. 125–137.

[172] Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной… С. 194.

репа…, в Кузомени и Варзуге нет и этих овощей. Хлебные растения совершенно неизвестны…»[173]. Не были отмечены следы пахотного слоя и в процессе археологического обследования окрестностей села в 2009 г. Население с. Варзуга, на протяжении всего периода её истории, было ориентировано на промысловые стороны хозяйства и, наверно, на посредническую торговлю с аборигенами.

Предварительно можно предложить несколько гипотез относительно ситуации гибели городища. Укрепление, скорее всего, как писали в летописях, было взято «изъездом», «изгоном», т.е. внезапным нападением или же пало, не выдержав, прямого штурма многочисленного отряда «мурман». Так же не исключено, что, реалистично оценив ситуацию, население укрылось в лесах, а оставленный острог по правилам ведения войны на вражеской территории был сожжен неприятелем.

Пока не ясно, была ли восстановлено городище после пожара. Если это произошло, то нежилое сооружение должно было постоянно поддерживаться в порядке. На примере северорусских крепостей известно, что продолжительность существования деревянных укреплений без ремонта очень небольшая – 20–30 лет. По истечении этого срока постройки начинают ветшать и требуются различные, часто кардинальные, исправления[174].

«Косое городище»

В ходе работы была сделана попытка найти так называемое «Косое городище». Местные жители указывали, что оно находится на песчаной возвышенности в 100 м к востоку от «Прямого городища». На крутом склоне ровной, обезлесенной площадки (60х30 м) была найдена неглубокая траншея (глубина – до 0,4 м, ширина с выбросом – до 0,7 м), опоясывающая на разных уровнях холм с восточной и южной стороны на протяжении около 50 м. Хорошо прослеживается вал выброса грунта на внешнюю сторону «канавки». В этом месте склон «Косого городища» ограничен глубокой низиной, по дну которой проходит заросшая дорога, ведущая от деревни к бывшему аэродрому. Какие-либо другие следы земляных работ не были обнаружены. Данное сооружение предварительно можно рассматривать как незаконченную траншею для установки частокола – стены из вертикально установленных брёвен, соединённых друг с другом поперечными брёвнами-связями и усиленной насыпным земляным откосом. Возможно, существовали остатки и дерево-земляных построек на верхней площадке, но они могли быть разрушены при строи-

[173] Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А.В. Маркова. СПб., 2002. С. 1018.

[174] Овсянников О.В. Архангельский деревянный «город» XVI–XVII вв. // КС. Вып. 195. М., 1989. С. 92–97; Мильчик М.И. Каргополь… С. 20.

тельстве военного аэродрома зимой 1942 г.

Выскажем предположение, что незавершённое строительство «Косого Городища» – это попытка расширения для увеличившегося числа жителей Варзуги уже существовавшего укрепления - убежища в конце XVI в. – начале XVII в. В этот период отмечен всплеск активного возведения крестьянами на Русском Севере и в Карелии новых небольших «острощев» в местах более ранних, заброшенных городищ[175]. Связано это с нападениями в XVI в. на Беломорье «немецких людей из-за Каянского рубежа» и опасностями Смутного времени, когда «паны и черкасы, и всякие воровские люди» в течении четырёх лет (1612–1615 гг.) опустошали северные пределы России. На Терский берег враги не проникали и создание крепости-убежища в с. Варзуга могло носить превентивный характер. Обычно все сельские укрепления XVI–XVII вв. находились в поле зрения государства и упоминались в «росписях», но информация о крепостице в Варзуге нам не известна.

«Того же лета, пришед Мурмане войною…»

Это многократно упоминаемое в краеведческой литературе, первое короткое летописное свидетельство о существовании в 1419/1420 г. населённого пункта на Кольском полуострове не может восприниматься однозначно. При анализе текста нет определённости при понимании, что имел ввиду летописец под словами «в Арзуге погост Корильскыи»: этническую атрибуцию населения или отнесение погоста к владениям Корельского монастыря. В XIII–XIV вв. в русских летописях подобные названия обычно несли именно этническую смысловую нагрузку, например, «Корельский Городок» (г. Корела), «Корельская земля» (Карельский перешеек) и т. п. Поэтому мы склоняемся к поддержке первой гипотезы – о рассматривании погоста на р. Варзуга в конце XIV в. в качестве места проживания корельской общины.

Так же пока нет достаточного набора исторических и археологических данных для безусловного заключения, что подвергнувшийся сожжению «в Арзуге погост», находился именно на месте современного с. Варзуга. Напомним, что в месте слияния рек Кица и Варзуга Н.Н. Гуриной найден, но исследовался, мощный культурный слой поселения XV в., которое, вполне могло стать объектом нападения шведов.

На основании результатов радиоуглеродного датирования, погибшей в огне постройки и стратиграфических наблюдений вала существует большое искушение соотнести следы разрушений на городище с летописным известием о грабительском набеге на Беломорье 1419 г. Но при попытке связать найденные древние остатки с историческими событиями необходима большая осторожность. Не исключено, что не все многочисленные военные столкновения и бедствия XIV–XV вв. нашли отражение в письменных источниках и устных преданиях и пожар на городище произошёл в первой трети XV в., но не конкретно в 1419 г.

[175] Овсянников О.В. Из истории средневековых… С. 169–171.

[176] Макаров Н.А. Колонизация Севера в X–XIII вв. и некоторые общие проблемы взаимоотношения центра и окраин в истории средневековой Руси // Древности Русского Севера. Вологда, 1995. С. 173.

«Новгородская колонизация»

Начальный этап древненовгородской колонизации Кольского полуострова очень скупо отражён в древнерусских и древнескандинавских письменных источниках. Поэтому как основа для объективных исторических построений могут рассматриваться только данные археологии.

По археологическим материалам за короткий период XI–XII вв. на северных окраинах Европейской России фиксируется быстрое становление зоны разреженного расселения колонистов с юга, тесно связанных с древнерусской метрополией, но отличающихся по хозяйственному укладу и по характеру поселений от стандарта центральных сельских районов[176]. Начало проникновения в районы Заполярья новгородских сборщиков податей, относится к концу XII в., а корельских торговцев и промысловиков к более раннему времени – X–XI вв.[177]. Варзуга не значится в списке 27 пунктов сбора дани на побережье Белого моря, реках Онеге и Северной Двине, перечисленных в знаменитом Уставе Святослава Ольговича (1137 г.). Скорее всего, в раннем средневековье она никогда не была местом фискальных поборов новгородской боярской или княжеской администрации в волости Тре.

Население Лапландии участвовало в интенсивной европейской торговле уже в X–XIII вв. В Белое море по системам водно-волоковых путей можно было добраться как из Ладоги, так и из Ботнического залива. Особенно хорошо документировано археологическими находками, в частности, серией кладов в Шведской и Финской Лапландии и Северной Карелии, использование торговых маршрутов по линии восток – запад в XI–XIII вв.[178]. Поставки восточнофинских и древнерусских украшений, оружия, серебра в различных видах и качественных инструментов, целенаправленно изготовленных профессиональными ремесленниками для меновой торговли с промысловиками и аборигенами Лапландии, осуществлялись массово и постоянно в обмен на пушнину, «рыбий зуб», шкуры морских животных.

В XIII–XIV вв. Варзуга входила в зону торгово-

[177] Сакса А.А. Приполярная Финляндия на рубеже I–II тысячелетий н.э. // КС. Вып. 200. М., 1990; Шахнович М.М. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск, 2003. С. 115–116; Спиридонов А.М. Древнерусское освоение территории Баренцева региона // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде. Мурманск, 2005. С. 14.

[178] Сакса А.А. Приполярная Финляндия… С. 84–86; Кочкуркина С.И. Новые археологические находки эпохи средневековья в Северной Карелии // РА. № 4. 2008. С. 128–129.

промыслового освоения корельскими колонистами. По известным грамотам, владения «пяти родов корельских детей» в прибрежных областях Беломорья простирались на север от реки Выг до рек Кемь, Поньгома, Сонрека, на Терском берегу – по рекам Умбе и Варзуге «до лопского рубежа»[179]. В европейской экономической системе приладожская корела в XI–XIII вв. занимала важную нишу торговых посредников между ремесленными центрами Новгородской земли и населением саамских областей. С XIII в. в торговлю в Лапландии, кроме Приладожья, стали включаться и другие регионы Новгородской земли, что усилило активный приток «восточных» вещей в Северную и Восточную Фенноскандию. Например, договор 1326 г. между Новгородом и Норвегией специально оговаривал беспрепятственную торговлю в Заполярье «Заволочских гостей», т.е. из района рек Онеги, Ваги, Северной Двины[180].

В этой связи, представляет интерес пока единственный на Кольском п-ове, полученный в процессе раскопок, комплекс «восточного» происхождения вещей XIII–XIV вв. поселения Северная Салма на берегу Ловозера. Он подтверждает, что у саамов континентальных районов в это время существовали устойчивые, скорее всего, опосредованные торговые связи с южными территориями – Приладожьем, Новгородом, Заволочьем[181].

Работы 2009 г. в с. Варзуга – это пример того, что археологические изыскания не только дополняют, но часто позволяют качественно по-иному оценить сведения, почерпнутые из летописей и других письменных документов. Они дают важную информацию по малоизученной исторической проблематике – начальному этапу освоения Кольского полуострова в период средневековья. Описанное городище – пока самый северный пункт ареала известных средневековых «новгородских» укреплений XV в. на Русском Севере. Более детальное археологического изучение этого памятника – это возможность получить новые свидетельства по истории самого древнего населенного пункта Русской Лапландии – села Варзуга.

[179] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С. 288–328.

[180] Макаров Н.А. Русский Север и Лапландия: XI–XIII вв. // РА. № 3. 1993. С. 57–58, 72.

[181] Шаяхметова Л.Г. Новые данные о древнем населении центральной части Кольского полуострова // КСИА. Вып. 200. 1990. С. 37–38.

Казаков Лерий Александрович,
уроженец села Варзуги, «Заслуженный лесовод РФ»,
кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник
Полярно-Альпийского ботанического сада-института

Варзужский сельский парк

Варзужские дети ухаживают за растениями в сельском парке

Варзужский сельский парк

В прежние времена северные деревни не имели озеленительных посадок и этому есть свое объяснение. Лес окружал поселения со всех сторон и жителям приходилось бороться с древесной растительностью, отвоевывая у леса себе территорию под постройки, огороды, пастбища и покосы. На Крайнем севере много веков подряд русские люди, переселившиеся сюда из средней полосы, совсем не занимались огородничеством. Считалось, что в этом климате не могут расти картофель и другие овощи, а поэтому заниматься этим трудом не имеет никакого смысла. Северян кормили реки и озера, а моря были настоящей нивой, богатство которой в ту пору казалось неисчерпаемым. В окрестных лесах росли в большом изобилии ягоды и грибы, которые были не только пищей, но также источниками витаминов, так необходимых человеку для сохранения здоровья в долгую полярную зиму.

Первые инорайонные растения, так называемые интродуценты, на севере вначале появились при монастырях. В первую очередь использовались наиболее красивые кустарники и цветы, отсутствующие в окружающей среде. Они привлекали внимание не только верующих, но и всех жителей ближайших поселений. Особую привлекательность для монастырских садов имели краснолистные формы, необычные не только для природы, но и для культурных посадок. Немалую роль имело и утилитарное значение овощных, плодовых и ягодных растений для обеспечения монастырей собственным продовольствием, завоз которого в отдаленные районы севера был зачастую крайне труден.

Широко известен сад Валаамского монастыря, где были высажены еще в позапрошлом веке самые северные сорта плодовых и ягодных деревьев и кустарников. Там же впервые появились и до сих пор произрастают многие декоративные растения. В ботанический сад при Соловецком монастыре более ста лет тому назад были завезены десятки экзотических растений, в том числе и американского происхождения.

На Кольском полуострове зеленые переселенцы появились относительно недавно. Отдельные факты случайной интродукции кедра сибирского и лиственниц известны только с начала прошлого века. Вероятнее всего, что эти деревья были привезены из Архангельской губернии, где произрастают естественно. Целенаправленная работа по переселению растений началась в период промышленного освоения края и связанного с этим массового городского строительства. В 20-30-е годы в Мурманском крае были созданы два научных учреждения: Полярная опытная станция Всесоюзного института растениеводства (сокращенно ПОСВИР) и Полярно-альпийский ботанический сад (ПАБС). Благодаря этим учреждениям на Мурмане сейчас растут тысячи новых видов деревьев, кустарников, многолетних и однолетних цветов, овощных и лекарственных культур. Многие из них произрастают не только в городах, но и в сельских поселениях. Посадки древесных растений вблизи домов в селе Варзуга были начаты более 40 лет тому назад. Одной из первых здесь появилась сортовая смородина «Имандра», отличающаяся от местной большей урожайностью. Эти посадки до сих пор сохранились в приусадебном участке Василия Никитича Заборщикова. В 60-е годы из Умбы Петром Прокопьевичем Заборщиковым в Варзугу впервые были привезены тополя. Этот тополь гибридного происхождения еще в 19-м веке привезен из Архангельска в деревню Умба и позднее размножен в районном поселке. Сейчас тополь, высаженный на Никольской стороне села разросся необычайно мощными деревьями, достигшими высоты более 15 метров. В Умбе таких крупных деревьев нет, да и в других городах области они значительно ниже.

Интересно, что все попытки вырастить тополь на Успенской стороне были безуспешными, поскольку здесь, на высоком берегу реки очень сильно влияние северных ветров. На Никольской стороне реки, защищенной от ветров и хорошо прогреваемой солнцем, значительно теплее и там много лучше растут древесные растения. Там произрастают самые крупные лиственницы. (фото) Появление этих деревьев связано с именами Антонина Павлиновича Чунина и Петра Капитоновича Чурилова, в свое время работавших в Варзугском лесничестве. Этот коллектив занимался созданием лесных культур и кроме сосны и ели высевал лиственницу. Несколько деревьев были пересажены из лесных культур в приусадебные участки и более 40 лет произрастают в них. Начиная с 80-х годов, работы по введению экзотов в Варзуге производит Полярно-ботанический сад-институт. Поскольку интродукционные исследования в своей заключительной фазе предусматривают внедрение растений в озеленительные посадки, возникает необходимость разработки ассортимента растений для каждого отдельного района. Мурманская область чрезвычайно разнообразна по природным условиям и поэтому мы условно ее разбиваем на 5 озеленительно-климатических районов. Варзуга и все села Терского района относятся к Восточному району, который отличается от других, кроме Северного прибрежного, более суровыми условиями. К примеру, сумма активных температур свыше +5 градусов значительно ниже, чем в Центральном районе, где расположен Ботанический сад. Здесь на 7-10 дней позднее наступает теплый период, более сильно влияние ветров. Все это требует предварительного испытания растений, прежде чем они будут включены в рекомендуемый ассортимент.

Около 30 лет назад в Ботаническом саду была разработана программа испытания новых видов растений в различных районах области на базе интродукционных пунктов. В Варзуге такой пункт был создан на основе лесничества. Сюда были привезены более 20 видов деревьев и кустарников из числа массового ассортимента и высажены на усадьбе лесничества. В связи с отъездом специалистов и переводом конторы лесничества в Кузомень растения были переданы частным лицам и пере-

Никольская сторона села.
Лиственницы зимой

сажены в приусадебные участки. Тогда в селе появились кедр сибирский, карагана древовидная (желтая акация), рябинник рябинолистный, ива Шверина и ряд других растений.

Совершенно новые возможности для развития Восточного интродукционного пункта, расположенного в Варзуге, появились после заключения договора между колхозом «Всходы коммунизма» и Ботаническим садом о строительстве стационара (со стороны колхоза) и выполнении работ по озеленению центральной части села (со стороны Ботанического сада). Был разработан проект благоустройства территории, определенной под посадки древесных растений и цветов, составлена схема дорожно-тропиночной сети, создан питомник с теплицей и парником для выращивания посадочного материала непосредственно на месте.

Работы начаты в 2004 году, то есть всего 5 лет, что для условий Крайнего Севера совсем немного, поскольку рост растений здесь идет значительно медленнее, чем в более южных районах. Однако основа для того, чтобы считать эту территорию сельским парком, уже создана. В настоящее время на площади свыше 2 га находится более тысячи деревьев и кустарников, несколько сотен цветочных растений. Создана альпийская горка, на которой представлены разнообразные виды экзотических древесных и травянистых растений. Выполнены цветники из декоративных камней покрытых разноцветными лишайниками. Установлены скамейки для отдыха посетителей. Завершено строительство основной части дорожно-тропиночной сети.

Уникальность этого объекта заключается не только в том, что это первый и пока единственный сельский парк в Мурманской области, Здесь растут многие виды растений, которых нет в других поселениях области, включая города. Такие виды, как туя западная, кедровый стланик, княжик сибирский, черемуха краснолистная есть только в коллекционных посадках Ботанического сада. Многие кустарники, как, например, магония падуболистная, дерен белый, сибирка, смородина альпийская еще совсем недавно появились в городских посадках.

Почти все, что произрастает на территории сельского парка, выращено здесь, в Варзуге, из семян и черенков, взятых в коллекционных фондах Ботанического сада. Так что все эти растения можно считать родившимися в Варзуге. Отобраны в основном наиболее зимостойкие, устойчивые к суровому климату экотипы растений, собранные в Дендрарии северных и высокогорных видов, недавно созданном в Саду. В то же время нельзя не отметить тот факт, что ряд видов проходит здесь первичное испытание и по первым годам их роста еще нельзя достоверно судить об успешности интродукционного эксперимента. Должно пройти немало лет, пока растения достигнут возраста спелости, начнут цвести и плодоносить, дадут зрелые семена, не станут подмерзать, будут сохранять декоративность. Только по всем этим признакам можно будет говорить о перспективности того или иного вида. Именно в это заключается задача всего эксперимента, рассчитанного на несколько десятков лет.

Впервые в нашей области при строительстве садово-парковых дорожек использован местный материал - терский песчаник. Плитки этого минерала собраны на берегу Белого моря. Из него оформлено также несколько цветочных композиций вдоль центральной аллеи. Оригинальность этого покрытия несомненна. На некоторых камнях есть рисунки, образованные морскими волнами, точно такие же, как и на песчаном берегу. Терский песчаник необходимо широко использовать в садово-парковом строительстве. Но почему-то он вывозится за пределы области, а у нас применяется бетонная плитка, в то время как есть собственный прекрасный строительный материал.

Работы по формированию окончательного облика Варзужского сельского парка должны быть продолжены. Одно из важнейших дел – это обустройство естественного водоема под названием Соловьянка, расположенного вблизи церковного комплекса. Название это возникло не случайно. Соловьев на Мурмане нет и никогда не было. Но новгородцы, пришедшие сюда из тех мест, где эта прекрасная птица – певучий образ России являлась обычным обитателем окрестных лесов, увидев водоем, привлекавший множество различных птиц, назвали это место Соловьянкой. Раньше, еще на памяти живущего сейчас поколения варзужан, в этой яме вода после таяния снегов сохранялась до середины лета. За это время в ней успевало вырасти новое поколение лягушек, которые разбегались по прилегающему лугу во все стороны. А вокруг водоема собиралось такое количество птиц, что их голоса были слышны на все село.

Сейчас, после того как луговина вокруг Соловьянки была распахана, водоем весной быстро обсыхает, и птиц стало совсем мало. У хозяйственников была идея засыпать эту яму грунтом, что в современное время совсем не сложно осуществить. Но Соловьянку необходимо сохранить и не только как историческое место. Она будет украшением парка и круглогодичным противопожарным водоемом. Нельзя забывать о том, что все постройки церковного комплекса сделаны из дерева и в пожарном отношении легко воспламеняемы. Взять воду из реки для их тушения, особенно зимой, довольно сложно. Дай Бог, чтобы пожара не случилось, но мы всегда должны быть готовы предотвратить такую беду и одно из наиболее радикальных мероприятий - это оборудование противопожарного водоема вблизи церковного комплекса. Для этого необходимо гидроукрепление дна водоема и поддержание в нем уровня воды в течение всего года. Затраты не велики, но ради сохранения уникальных архитектурных памятников их следует выполнить по возможности быстрее.

Следующая тоже важная задача продолжения работ по формированию общего ансамбля в центре села - это создание церковного сада на месте существующего сейчас питомника и небольшой луговины между церковным комплексом и кладбищем. Уже через несколько лет необходимость в питомнике отпадет, поскольку озеленительные работы в Варзуге и ближайших селах будут завершены, а выращивание посадочного материала для отправки в другие районы области будет, вряд ли, целесообразно. Есть идея создания на этом месте церковного сада для выращивания необходимых приходу овощей и различной зеленной и ягодной продукции, а главным образом для посадок растений, полученных из других святых мест Севера. Уже сейчас у нас есть кедры сибирские из Соловецкого монастырского сада и клен остролистный из Антония-Сийского монастыря Архангельской области. Кроме того, на территории питомника проходят испытания восемь видов древесных растений, выращенных в Ботаническом саду и переданных в 2005 году в различные монастырские и церковные сады от Печенги на Кольском севере до Нижнего Новгорода в средней полосе России. Это роза даурская, жимолость татарская, черемуха обыкновенная, роза гибридная, жимолость покрывальная, черемуха краснолистная, шиповник майский и жимолость черная. Этот эксперимент рассчитан на получение данных о поведении растений в различных географических пунктах, и он имеет важное значение для решения ряда не только научных, но и прикладных задач. Церковный сад будет местом, где можно выращивать не только тривиальные, обычные виды и формы растений, но и собрать различные ботанические редкости, о которых должна быть отдельная, более тщательная забота. В частности, это будут различные цветы, которых еще так мало в Варзуге. Прихожан и паломников, которых сейчас в Варзужской церкви с каждым годом становится все больше, должно удивлять не только внутреннее убранство церквей и их архитектурный облик, но и оформление территории церковного комплекса. Это всегда было основой для привлечения населения к церкви. Наружный вид должен быть гармоничным с внутренним великолепием и отвечать задаче высокой духовности.

Вполне вероятно создать на территории церковного сада аптекарский огород. Выращивание лекарственных растений всегда было одним из направлений работы монастырских и церковных садов. Например, в Валаамском монастыре такой аптекарский огород существовал уже в конце 16 века. В настоящее время в монастыре вновь возрождена традиция выращивания сбора лекарственных трав, на основе которых производится Валаамский бальзам под названием «Аптекарский сад», целиком приготовленный только из местных растений. Район Варзуги отличается от других мест Мурманской области чистотой природы, и сборы растений здесь будут представлять большую ценность, поскольку получены в уникально чистых экологических условиях. Еще более важно будет организовать переработку этих сборов и получение из них лекарственных препаратов непосредственно на месте, поскольку необходимого сырья в окрестностях самого села и на побережье моря вполне достаточно для обеспечения хорошего производства. Следует отметить, что по оценке специалистов Полярно-альпийского сада-института, в растениях на Крайнем Севере накапливается флавоноидов, витаминов и других активных веществ значительно больше, чем в более южных районах.

Для создания внутреннего облика всего церковного комплекса, в который войдет и церковный сад, очень важно уже в ближайшее время построить вокруг его ограду и начать озеленение территорий, прилегающих к храмам, колокольне, домам священника и паломников отдельно от парковых насаждений. Эта территория относится к духовному миру, и она должна быть отделена от парковых объектов, имеющих несколько другой, общегражданский смысл и иное назначение. Нельзя, чтобы каждый прохожий и проезжающий мимо человек использовал церковную территорию для повседневного прохода и проезда.

Однако сейчас, когда нет разделяющей эти зоны ограды, здесь, совсем рядом с уникальными храмами, проходит дорога, используемая для пешеходного и транспортного пути. Вход на церковную территорию должен быть для любого человека чем-то особенным, а не повседневно суетным, как это происходит сейчас.

Нынешнее празднование 590-летия села Варзуга - это только репетиция к большому событию, 600-летию первого поселения русских людей на Кольской земле. До этого знаменательного праздника совсем немного, всего десять лет. Можно надеяться, что создаваемый сейчас парк за это время будет сформирован окончательно и предстанет в полностью завершенном виде. На площади появятся цветочные композиции, большинство древесных растений достигнет такого возраста, когда начнется массовое цветение и плодоношение. Завершится реставрация Успенского храма, а на территории церковного комплекса будет закончено декоративное оформление, достойное шедевру деревянного зодчества. Кажется, что здесь не должно быть ничего вычурного и броского. Все следует выдержать в старинном русском стиле, который не допускал никаких излишеств. Русский север всегда отличался в этом от более южных регионов. Все внутренне и внешнее убранство, и оформление жилых и культовых построек было простым и в то же время изящным.

В заключение хотелось бы остановить внимание на том, что любое, даже самое устойчивое к условиям Заполярья растение требует постоянного ухода и заботы о нем. Посадка - это только начало жизни деревьев, кустарников и цветов. Далее и, практически, во всей последующей их судьбе необходимо проводить постоянный уход, без которого внешний облик любого, даже самого удачного произведения ландшафтного зодчества, будет утрачен, а через совсем небольшое время могут быть потеряны и сами растения, оставленные без уходов за ними. Поэтому так важно продолжить не только работы по завершению посадок, но и организовать комплекс агротехники ухода за растениями: прополки, обрезки, окашивание, рыхление, подкормки и т.п. Только в этом случае созданный зеленый объект будет с каждым годом все красивее и красивее. И в этом отношении есть определенные надежды на то, что после завершения работ по созданию посадок они не останутся без ухода.

Все, что высажено сейчас и будет высажено еще на выделенной территории, следует передать муниципальному образованию села для официального оформления в качестве Варзужского сельского парка. Создание такого объекта потребует выделения в составе администрации отдельных работников, ответственных за содержание и постоянные уходы, которые будут проводиться под контролем сотрудников биогеосферного стационара «Варзуга», образованного недавно в Полярно-альпийским ботаническом саду-институте. Такая форма организации позволит сохранить посадки на длительный период и обеспечит их содержание и оформление в надлежащем виде.

КОЖЕВНИКОВА Юлия Николаевна,
кандидат исторических наук, зав. историческим отделом
Спасо-Кижского Патриаршего Подворья (Петрозаводск)

Второе Кольское благочиние Архангельской епархии в 1887 году: приходы, храмы, причт

Второе Кольское благочиние Архангельской епархии в 1887 году: приходы, храмы, причт

В первой половине XIX в. приходы, располагавшиеся в пределах Кольского уезда Архангельской губернии, составляли одно благочиние Архангельской и Холмогорской епархии. Возглавлявший его священник, которого из достойнейших кандидатов выбирал сам архангельский владыка, как и все остальные благочинные, два раза в год объезжал свой округ, посещал подведомственные приходы, оценивал их состояние и поведение местных клириков, а затем отчитывался перед епископом.

В середине XIX в. «для большего присмотра и успешного хода дел» приходы Кольского уезда были разделены на два округа[182]. В первый вошли храмы уездного центра – города Колы, а также Кандалакши, Керети, Трифоно-Печенгского монастыря: они по-прежнему оставались в ведении благочинного протопопа Алексия Алексеевского; прочие же церкви, располагавшиеся на Терском берегу, перешли под надзор священника Михаила Томихина, настоятеля Успенского прихода в селе Варзуга. В последующее время центр второго Кольского благочиния довольно часто перемещался, так как благочинными становились настоятели разных приходских церквей. С появлением новых приходов менялся и состав благочиннических округов.

Как известно, Кольский уезд, занимавший северо-западную часть Архангельской губернии, в период 1859–1883 гг. был объединен с соседним Кемским уездом с центром в городе Кеми. Таким образом, в собрании Национального архива Республики Карелия (далее – НА РК) отложился ряд ценных, а порой уникальных по своему значению документов, напрямую связанных с историей православных приходов Кольского Севера: прежде всего, в фондах Олонецкой духовной консистории (Ф. 25), Кемского духовного правления (Ф. 165), второго благочиния Кемского уезда (Ф. 662), второго Кемского лесничества (Ф. 755).

Незаменимый для исследователя письменный источник наиболее полной информации по приходской истории – это клировые ведомости. Они составлялись

[182] НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 26/279. Л. 1–2 об, 17–19.

ежегодно в каждой церкви и включали точные сведения о самом храме, местном причте, прихожанах. Воспользуемся такими ведомостями за 1887 г. (НА РК. Ф. 662) и ответим на вопросы: что представляло собой второе Кольское благочиние, какие приходы и храмы его составляли, кто в них служил и молился.

В конце 80-х гг. XIX в. во второе Кольское благочиние входили девять приходов: Керетский, Ковдский, Кандалакшский, Умбский, Кузоменский, Варзужские Успенский и Петропавловский, Тетринский и Понойский. Центр благочиния в тот год располагался в **Керети** – древнем поморском селении, стоявшем на порожистой, впадающей в Белое море реке с тем же названием. Деревянная церковь во имя Святителя Николая Чудотворца (1859 г.) была построена на высоком речном берегу «иждивением прихожан с помощью благотворителей». Она не отличалась особым богатством, как сообщает ведомость, «утварью и ризницей скудна»[183]. Ее настоятель, 38-летний священник Александр Ксанфиевич Зимин, исполнял обязанности благочинного с 1886 года.

Севернее села Кереть, на морском побережье, находился Ковдский приход. Срубленная «неизвестно кем» еще в 1705 г.[184] деревянная церковь во имя Святителя Николая Чудотворца «от древности своей весьма обветшала и в зимнее время для служения довольно холодна», – читаем в документе[185]. Последний раз ее здание «поновлялась» в 1852 г. («была исправлена крыша, а в самой церкви – потолок»). Рядом с Никольской церковью, в четырех саженях, возвышалась небольшая колокольня с тремя колоколами. Помимо самого селения Ковда, приход включал деревню Чернорецкую, где стояла часовня во имя Воскресения Христова, «неизвестно кем и когда построена».

Молодой священник Евлогий Иванович Шангин (26 лет) попал в Ковду после учебы в Архангельской духовной семинарии. Псаломщик Алексей Андреевич Красовский (57 лет) являлся когда-то послушником Перекомского монастыря, но монашеский постриг так и не принял, а «по воле епархиального начальства» в 1851 г. был переведен в Северную Карелию, в Кестеньго-Топозерский приход Кемского уезда, созданный на месте известного на всю Россию и к тому времени разоренного старообрядческого Топозерского скита. Спустя 16 лет Алексея направили в село Ковда. Священник и псаломщик совместно владели 200 квадратными саженями сенокоса. Первый получал казенное жалованье 460 руб. (из них 60 руб. ему давались на разъезды по приходу), второй – 176 руб. 40 коп. Оба жили в одном

[183] НА РК. Ф. 662. Оп. 1. Д. 2/6. Л. 86–91.

[184] Клировая ведомость датирует Никольскую церковь 1705 г., тем не менее в современной научной литературе встречается мнение о ее первоначальной постройке в 1597 г. См.: Шургин И. Н. Исчезающее наследие: Очерки о русских деревянных храмах XV – XVIII вв. М., 2006. С. 18–27.

[185] НА РК. Ф. 662. Оп. 1. Д. 2/6. Л. 86

доме, «очень ветхом» и общественном, т.е. выстроенном на средства прихожан и причту не принадлежавшем. Доходы, поступавшие от исполнения треб, были невелики – до 30 руб. в год.

Православные жители села **Кандалакша** ходили на богослужения в две деревянные «теплые» (т.е. с печами) церкви, Рождества Иоанна Предтечи (1786 г.)[186] и Рождества Пресвятой Богородицы (1865 г.). Хотя второй храм появился гораздо позднее первого, почти на столетие, печи в нем были «ненадежные», а крыша – «ветхая». В клировой ведомости уточняется, что Богородичная церковь построена в 1865 г. «вместо бывшей на том же месте, оставшейся от существовавшего когда-то Каккова монастыря и сожженной англо-французами 6 июля 1855 г.»[187]. В Кандалакшском приходе имелось две часовни, возведенных «собственным иждивением крестьян»: Георгиевская (1859 г., «теплая», прочная) в деревне Княжегубской, Ильинская (1882 г.) в Федосеевском выселке.

Кандалакшские крестьяне в пользу приходских церквей издавна отдали тоню «Зарецкий наволок», за сдачу в аренду которой причт получал маленькие суммы (например, в 1887 г. – 3 руб. 50 коп.). Кроме того, в его владении находился участок сенокосной земли «Студеный лудожный», приносивший до 80 пудов сена. Жалованье кандалакшских священника и псаломщика было заметно скромнее, чем в Ковде: 156 руб. 80 коп. и 58 руб. 80 коп. соответственно. На момент заполнения клировой ведомости (1887 г.) место священника оказалось праздным, псаломщиком служил священнический сын Василий Ильич Колчин (37 лет).

Деревянная церковь в **Умбе** (1772 г.) была посвящена великому Господскому празднику – Воскресению Христову. В 1887 г. ее выкрашенное желтой краской здание было уже «довольным ветхим»[188]. Если верить клировой ведомости, второй приходской приписной храм, во имя Святителя Николая Чудотворца («холодный»), находившийся в Порьегубском селении, на том же Терском берегу, был всего на четыре года моложе умбского (1776 г.). Однако с такой датировкой в явное противоречие вступает обнаруженный в фонде Кемского духовного правления (НА РК) любопытный документ, а именно рапорт приходского священника «с причетники» и сотского «со крестьяны» села Умба на имя протопопа Кольской Воскресенской церкви Иоанна Феодоровского, подписанный 7 апреля 1792 г. Цитируем: «В означенном Порьегубском селе состоящая церковь святого Николая Чудотворца сего апреля 6-го числа около половины дня сгорела вся до основания. Из ко-

[186] Об этом храме подробнее см.: Конева В. И. История кандалакшской церкви Рождества Иоанна Предтечи // Прп. Феодорит Кольский и его духовное наследие: Мат. региональной научно-богословской конф. «Первые Феодоритовские чтения» / Под ред. иеромонаха Митрофана (Баданина). СПб., 2007. С. 84–101.

[187] НА РК. Ф. 662. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 95–97 об.

[188] Ветхое церковное здание было вскоре разобрано, а новый Воскресенский храм построили к 1894 г. См.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. С. 261.

торой церкви, как святых образов, так и прочего церковного имущества по многому от крестьян старанию ничего вынести не могли, а только успели один образ Страшного Суда, который стоял в паперти...»[189]. В цитируемом рапорте сообщаются обстоятельства, при которых случился пожар. «Идущие на Мурманской берег» кемский мещанин Степан и крестьянин Шуезерской волости Илья (их фамилии написаны неразборчиво) «приходили для моления и пред местным храмовым образом святого Николая поставили и засветили три свещи». После молитвы свечи были потушены, но по неизвестной причине через какое-то время «огонь разгорелся столь сильно, что и вся церковь загорелась».

Умбский приход, один из старейших на Кольском Севере, включал также селения Кузрека с приписной новоустроенной церковью во имя Сретения Господня (1885 г.), Оленицы и совсем малолюдный Вялозерский лопарский погост (Валозерское). В Никольской и Сретенской церквах богослужения проводились несколько раз в год – в храмовые и некоторые другие праздники[190].

В пользу Воскресенской церкви местные прихожане пожертвовали с давних лет речку Вельмешку, которую причт сдавал желающим в аренду за 10–20 руб. в год, а также две пожни, приносившие до 50 пудов сена. В отличие от многих других приходов, в Умбе священник и псаломщик жили в крепком новом доме, выстроенном для них сельским обществом в 1886 г. Получали жалованье – 160 и 60 руб. соответственно.

Из второго раздела клировой ведомости «Сведения о причте» узнаем, что умбский священник Савватий Васильевич Гурьев (41 год) родился в семье настоятеля Варзужского Петропавловского прихода Василия Дмитриевича Гурьева (надо сказать, Гурьевы – очень известная священническая династия на Кольском Севере, представители которой в разное время служили во всех приходах по Терскому берегу; ее родоначальником, вероятно, стал малограмотный крестьянин Спасской вотчины Стефан Гурьев, который был рукоположен во священника к Успенской церкви в селе Варзуга, где служил с 1745 по 1791 г.[191]). Учился в Архангельской духовной семинарии, но полного курса наук не прошел: в 1868 г. «по слабости здоровья» его отчислили из среднего отделения и определили дьячком к Соломбальской кладбищенской церкви во имя святого Мартина (в Архангельске). Через десять лет он принял священный сан и отправился на место своего пастырского служения – в поморское село Умба. Отцу Савватию помогал псаломщик Николай Хрисанфович Азлов (28 лет), приехавший

[189] НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 2/3. Л. 68–68 об.

[190] НА РК. Ф. 662. Оп. 1.Д. 2/7. Л. 98–101 об.

[191] См.: Краткое историческое описание... С. 256. [Надо заметить, что род Гурьевых, видимо, был связан со священническим служением гораздо раньше, поскольку в 1570-е годы многие «Духовные» терчан «писал Умбской волости земской дьячек Илейка Гурьев, сын Попов» – и. М.]

в эти суровые края из Вологодской губернии и женившийся на дочери умбского крестьянина.

Кузомень – промышленное село, расположившееся на низком, ровном морском берегу при устье реки Варзуга. Когда-то в его окрестностях шумел сосновый бор, «но его так безжалостно жгли в холодные зимние ночи, что теперь на три версты кругом нет ни одного куста. Ветер пересыпает громадные кучи песку, которые окружают все постройки, оставляя около них воронкообразные углубления. По улицам трудно ходить, нет ни одной травинки, и овцы жуют рыбу, щепу и мочалу»[192]. Таким увидел село известный фольклорист А.В. Марков, побывавший в Кузомени летом 1901 г. По его словам, здесь жили «главные капиталисты Терского берега, скупающие семгу, звериное сало и оленьи шкуры и ведущие торговлю, преимущественно в обмен на товары, привозимые из Архангельска на собственных судах»[193].

В 1887 г. обе кузоменские деревянные церкви – «холодная» во имя Димитрия Солунского (1844 г.) и «теплая» в честь Сретения Господня (1863 г.) – были прочные, выкрашены в белый цвет, «утварью и ризницей достаточны». На отдельно стоявшей колокольне висели пять колоколов, самый большой весом 20 пудов 36 фунтов. Приписная церковь Покрова Божией Матери находилась на устье реки Кузомень. В 1861 г. ее перестроил из часовни местный крестьянин Симеон Заборщиков. Кузоменский приход состоял всего из одного села и был образован сравнительно поздно, в 1861 г.

Священник Алексей Иванович Синцов (36 лет), сын дьячка, уроженец Шенкурского уезда, служил в селе Кузомень с 1880 г. Должность псаломщика занимал Алексей Феофилактович Резанов (51 год), тоже сын дьячка, из Тотемского уезда Вологодской губернии. Причт имел от прихожан три сенокосные пожни «Фартиха», «Бузун» и «Мякоть», с которых снимал до 80 пудов сена. Священник и псаломщик жили в отдельных, но уже старых домах. Их небольшое жалованье – 140 и 60 руб. соответственно – существенно дополняли пожертвования, получаемые за требы (в 1887 г. – до 180 руб.).

До центра ближайших от Кузомени Успенского и Петропавловского приходов[194] – села **Варзуга**, разделенного одноименной рекой на две части – требовалось преодолеть 18 верст (вверх по реке Варзуга до ее порогов, а затем на лошадях или пешком). Это поморское село с долгой богатой историей, уходившей вглубь веков, для окрестного населения издревле было важным духовным, административным, торговым центром. Тарханные грамоты новгородских архиепископов, в

[192] Марков А. В. Предисловие // Беломорские старины и духовный стихи. Собрание А. В. Маркова. СПб., 2002. С. 1025.

[193] Там же.

[194] В 1890 г. приходы в Варзуге были объединены в один Петропавловский

чьем владении находились далекие северные земли, свидетельствуют о том, что первые храмы строились здесь еще в XV в.

В 1887 г. варзужские церкви однопрестольная шатровая в честь Успения (1674 г.) и двухпрестольная «клетская» во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и святителя Афанасия, патриарха Александрийского (1808 г.), а также колокольня с четырьмя колоколами стояли внутри деревянной ограды, сооруженной в 1851 г. и частично уже разрушенной[195]. Древнейший в Варзуге Успенский храм был построен еще при царе Алексее Михайловиче. Его величественный резной иконостас в пять ярусов поражал всякого, кто входил в церковь[196]. В конце 80-х гг. XIX в. она срочно нуждалась в капитальном ремонте.

К Варзужскому Успенскому приходу относилась приписная церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери в селе Кашкаранцы. В 1866 г. она была переделана из бывшей часовни, с давних пор стоявшей над местом погребения местночтимых иноков Соловецкого монастыря Аксия (Астерия), Авксения и Тарасия. В 1878 г. церковное здание, кроме алтарной части, полностью разобрали и выстроили новое, гораздо просторнее первого. «Утварью и ризницей скудна», – лаконично сообщает нам клировая ведомость об убранстве Тихвинской церкви. В 1887 г. в ней служили только в праздники, во время которых было продано до одного пуда свечек, а в церковный «кошелек» собрано 6 руб.

Варзужский Успенский приход был невелик, всего 62 ¾ двора: на правом берегу реки Варзуги (35 дворов), в Кашкаранцах (23 ¾) и маленьком выселке Сальницы (4), в котором жили 16 мужчин и 12 женщин[197].

Местные жители, государственные крестьяне, отдавали успенскому причту участок сенокоса, с которого заготавливалось до 100 пудов сена. Более «от прихожан никакого к содержанию дополнения нет», – узнаем из ведомости за 1887 г. Священник и псаломщик жили в обветшалых домах. Кроме жалованья от казны, 140 и 60 руб. соответственно, за исполнение треб они получали от прихожан в год до 50 руб. «Содержание причта очень скудно»[198].

Михаил Николаевич Истомин (25 лет), возглавлявший Успенский приход, начал служить в Варзуге сразу после принятия священного сана в 1886 г. До этого он, сын священника, успел отучиться в Архангельской духовной семинарии и по своему желанию пройти военную службу. Хорошее семинарское образование позволяло ему с успехом преподавать Закон Божий в местной церковно-приходской школе, а также не только читать

[195] НА РК. Ф. 662. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 108–110 об.

[196] Подробнее об Успенской церкви см.: Ополовников А. В. Успенская церковь в селе Варзуга // Архитектурное наследство. М., 1955. С. 37–52.

[197] НА РК. Ф. 662. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 110.

[198] Там же. Л. 108 об.

в церкви проповеди «из книг», но и самому сочинять поучения на разные темы. Псаломщик Александр Иванович Сидоров (42 года) после исключения из низшего отделения Архангельского духовного училища сначала поступил послушником в Архангельский мужской монастырь, оттуда в Крестовую церковь при Архангельском архиерейском доме. Далее был определен дьячком в Красноборский приход Мезенского уезда и, наконец, в 1868 г. переведен в Варзугу.

Варзужский Петропавловский приход, что на другом берегу реки, был чуть более многочисленным[199]. Прихожанами его храмов – нового во имя апостолов Петра и Павла (построен в 1863 г. вместо сгоревшего 21 декабря 1861 г.) и древнего во имя Святителя Николая Чудотворца с приделом пророка Илии (1705 г.), а также приписного в Оленицах во имя Рождества Иоанна Предтечи (построен в 1856 г., освящен 19 мая 1864 г.) – являлись жители левой стороны села Варзуги (51 двор) и деревушки Оленицы (16), всего 285 мужчин и 286 женщин[200]. На богослужения варзужан собирал звон семи колоколов, раздававшийся с колокольни, построенной в 1882 г. рядом с двумя церквами. Церковные строения были обнесены деревянной оградой, возведенной в 1845 г. и к тому времени уже порядком покосившейся. В отличие от многих других поморских приходов Кольского уезда Петропавловская и Никольская церкви в Варзуге имели хотя бы «усадебный» участок земли в 600 квадратных саженей. Причту полагалось от казны 196 руб. в год, которые разделялись так: 137 руб. 20 коп. брал настоятель, остальные – псаломщик. В их совместном владении были три сенокосных пожни и два поля, которые «могли прокормить двух коров». Доброхотные пожертвования составляли до 40 руб. в год. Священник со своим семейством занимал старый общественный дом, а для псаломщика вместо развалившейся избы прихожане срубили новую.

Настоятель прихода Иннокентий Яковлевич Подосенов (42 года) до появления в Варзуге успел поменять несколько мест служения: сразу после увольнения из низшего отделения Архангельской духовной семинарии он попал в село Умба на место дьячка, затем был перемещен пономарем в Кемский собор, оттуда снова дьячком в Меландовский приход Холмогорского уезда, далее в Вознесенский приход Архангельского уезда на вакансию псаломщика. «За отличное служение Церкви Божией» и «очень хорошее поведение» 29 августа 1882 г. архангельский епископ Серапион рукоположил его во священника в Архангельском кафедральном соборе к Воскресенской церкви Солзенского прихода Архан-

[199] НА РК. Ф. 662. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 111–114 об.

[200] Там же.

гельского уезда. Через пять лет отец Иннокентий был награжден набедренником за отличную службу и перемещен согласно прошению в Петропавловский приход. Диакон на вакансии псаломщика Петр Иванович Попов (37 лет) жил в Варзуге с 1886 г.

Все селения следующего **Тетринского** прихода – Тетрино, Чапома, Чаваньга, Пялицы – лежали на морском побережье к юго-востоку от Кузомени (до 1844 г. они принадлежали Варзужскому приходу). В первой половине XIX в. в деревне Тетрино жители собирались на молитву в Троицкую часовню, «неизвестно кем и когда построенную». При открытии самостоятельного прихода здесь поставили церковь с тем же посвящением и с дополнительным алтарем «в трапезе» во имя святителя Василия Великого. Этот храм сгорел в день Святой Троицы 1881 г. и на его месте прихожане «из леса, заготовленного для устройства священнического дома»[201], построили новый (освящена 24 ноября 1883 г.), однопрестольный и уже не столь просторный, во имя святителя Василия Великого. Кроме него, в приходе были еще три приписные церкви: Михаила Архангела (1861 г.) в Чаваньге, Введенская (1873 г.) в Чапоме, Никольская (1863 г.) в Пялицах[202]. Тетринский причт – в 1887 г. священник Василий Александрович Сырнев (26 лет) и псаломщик Николай Александрович Иоилев (36 лет) – приезжал служить сюда четыре раза в год: в храмовые праздники, Рождество Христово, Великим постом и на Пасху. Михаило-Архангельская и Введенская церкви возводились «иждивением прихожан», а Никольская – «на казенную сумму, отпущенную Синодом» . В 17 верстах от Тетрино, в деревне Стрельна стояла часовня во имя преподобных Зосимы и Савватия, перенесенная из Чапомы в 1874 г., где «прежде находилась до построения церкви и именовалась Чапомскою Введенской часовней». Составитель клировой ведомости добавляет, что в ней молились перед местными иконами Соловецких Чудотворцев, Спасителя, Божией Матери и Пророка Иоанна Крестителя.

Северо-восточные пределы Кольского полуострова занимал известный по письменным источникам с первой половины XVI в. **Понойский** приход, селения которого были разбросаны на огромном пространстве вплоть до мыса Святой Нос. Он включал пять лопарских погостов: Лумбовский, Иокангский, Сосновский, Куроптевский и Каменский. В селе Поной древняя «холодная» Петропавловская церковь (1797 г.) с приделом Успения Божией Матери (его устроили вместо дважды сгоревшего в 1753 и 1817 г. Успенского храма) была заново исправлена в 1876–1878 гг. Второй храм в честь

[201] Краткое описание приходов… С. 244.
[202] НА РК. Ф. 662. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 115–118 об.

Воздвижения Честнаго Креста Господня, «теплый», построили в 1869–1871 г. на средства торгующего крестьянина из села Кузомень Алексея Петровича Заборщикова. «Утварью и ризницей снабжены достаточно». В 150 верстах от села Поной, в Лумбовском летнем лопарском погосте богослужения проводились в приписной церкви Рождества Христова (1883 г.), которая была сооружена для местных жителей тем же кузоменским крестьянином в память мученической кончины императора Александра Второго. В Иокангском летнем погосте, в 220 верстах от села Поной, находилась часовня (1876 г.) во имя пророка Илии. Современники считали, что здесь следовало бы открыть самостоятельный приход, так как «по реке Иоканге самый лучший улов семги и морской камбалы», привлекавший в летний сезон многих рыбопромышленников[204].

Источники доходов понойского причта заключались в казенном жалованье (190 руб., из них 140 руб. получал настоятель) и братских кружечных сборах (в год выходило от 60 до 80 руб.). Также священник и псаломщик «из веков пользовались» семужьей тоней «Попова лахта» при устье реки Поной, в 12 верстах от приходской церкви, и собирали сено с маленького участка «на одну корову».

Священник Николай Иванович Шмаков (57 лет), родом из Козьмогородского прихода Мезенского уезда, окончил Архангельскую духовную семинарию. До перевода в Поной в 1882 г. служил в Ковде и Тетрино. В 1865–1879 гг. являлся благочинным третьего округа Кемского уезда, а затем «по слабости здоровья» отказался от ответственной и беспокойной должности. При нем в Понойском приходе открылась церковно-приходская школа, первоначально размещавшаяся в его квартире, возводились приписные храмы в лопарских погостах. За свои труды отец Николай был награжден камилавкой и набедренником. Его сын Николай Николаевич Шмаков (29 лет) служил в том же приходе псаломщиком и одновременно учился в Кемском духовном училище.

Итак, в 1887 г. в пределах второго Кольского благочиния находились двадцать одна церковь и пять часовен, все деревянные. Приходские храмы строились на средства прихожан (только Никольская церковь в Пялицах на казенный счет). Наиболее древние из них украшали поморские села с многовековой историей – Варзугу, Ковду и Умбу. Срубленные в XVIII в., они были посвящены очень почитаемому в России святому, Святителю Николаю Чудотворцу, покровителю мореходов

[203] Там же. Л. 116–116 об.
[204] Краткое описание приходов… С. 239.

и путешественников.

Как видно из приведенной таблицы, число прихожан в приходах второго Кольского благочиния колебалось от 510 до 1144 человек. В каждом из них насчитывалось не более 150 приходских дворов, что по действовавшим штатам, утвержденным в 1873 г., определяло состав местных причтов: они включали одного священника и одного псаломщика (другими словами, все приходские церкви благочиния были одноклирными). Особая ситуация сложилась в селе Варзуга, где население разделялось на два самостоятельных прихода с отдельными причтами. Позднее, в 1890 г., они были объединены в Петропавловский приход, который стал одним из самых многолюдных во втором Кольском благочинии. Первое место по площади занимал Понойский приход, включавший в 1887 г. удаленные друг от друга на значительные расстояния лопарские погосты.

Основными источниками существования для местного духовенства служили казенное жалованье, которое получали все без исключения священники и псаломщики благочиния; платы за требы; сборы в церковную и братскую кружки; небольшие сенокосные участки, которые можно было сдавать в аренду, а при желании обрабатывать самим. Как и в соседней Олонецкой епархии, уровень материального достатка сельских причтов на Кольском Севере был невысок. Разумеется, в лучшем положении находились те клирики, кто служил в многолюдных или богатых приходах и в чьем владении оказывались рыбные тони, приносившие дополнительный, иногда существенный доход. Показательно, что приходские священники и псаломщики жили в домах, как правило уже довольно ветхих, построенных на средства прихожан.

В заключении добавим, что исторически сложившая к 1887 г. система приходов второго Кольского благочиния в последующее время неизбежно менялась. В конце XIX – начале XX в. приходское и церковное строительство на Кольском полуострове продолжалось: крупные приходы дробились на части, бывшие приписные храмы получали самостоятельный статус и становились центрами новых приходов – Кашкаранского, Оленицкого, Княжегубского, Чапомского, Чаваньгского и др.

Численность дворов и прихожан в приходах второго Кольского благочиния в 1887 г.

№	Приход	Приходские дворы	Прихожане (мужчины и женщины)
1	Керетский	76 ½	306 и 353
2	Кандалакшский	135	341 и 405
3	Ковдский	125	333 и 353
4	Умбский	134	370 и 410
5	Кузоменский	108	275 и 297
6	Варзужский Успенский	62 ¾	251 и 259
7	Варзужский Петропавловский	71 ¼	285 и 286
8	Тетринский	139 ¼	557 и 587
9	Понойский	69 (и 78 туп)	287 и 269
	Всего	**920 ¾ (и 78 туп)**	**3005 и 3219**

Источник: НА РК. Ф. 662. Оп. 1. Д. 2/7.

КУШКОВ Николай Дмитриевич,
коренной житель Терского берега,
учитель истории школы села Варзуги

Об истоках поморского говора

Об истоках поморского говора

Чему учились ушкуйники?

На пути в легендарную землю Тре или Терь, а по-фински в Турью было немало трудностей. Только отважные отчаянные головы могли предпринять такое далекое и опасное путешествие на легких ушкуях, лодках, на которых можно было легко спускаться по рекам, подниматься по порогам, и которые нетрудно было в случае необходимости всеми вместе перетащить на себе через волок.

Преодолеть все труднопроходимые места и попасть на территорию нынешнего Терского берега новгородские первопроходцы наверняка не смогли бы без помощи местного населения. От местных жителей они узнали о неисчислимых богатствах края, ради которых решились на столь опасное предприятие: найти дорогу в землю Тре. Так постепенно шаг за шагом, продвигаясь в нужном направлении, новгородцы селились на новых местах. Конечно, первопроходцы не сразу решились поселиться на Терском берегу, но со временем такие поселения появились. Так же постепенно складывались экономические и культурные взаимоотношения первопоселенцев с коренными жителями, проживавшими на территории Карелии, Терского берега, Летнего (южного) берега Белого моря, Двинской земли. Это были карелы, финны, вепсы, саами, коми, ненцы. В отличие от враждебных отношений первых европейских переселенцев с американскими индейцами, взаимоотношения русских с местным населением были дружественными, и у них не было причин для вражды. Земля на Севере никогда не являлась средством обогащения. Религиозные представления русских и коренного населения также не вызывали нетерпимости друг к другу, люди прекрасно уживались на этой земле.

Первым переселенцам из Новгородской Земли, Пскова, Двинской Земли пришлось приспосабливаться к жизни в новых условиях, таких непохожих на прежние. Здесь было все другое: другие звери и птицы, другие виды рыб, другой климат, и ко всему надо было привыкать. На помощь первопроходцам и поселенцам

пришли местные жители. Они научили предков современных поморов ловить рыбу новыми рыболовными снастями, мастерски обрабатывать шкуры животных и шить из них теплую и удобную одежду и обувь. Учили русских поселенцев приемам охоты на лесного и морского зверя. Саамы научили русских новым занятиям: охоте на моржа и нерпу, оленеводству, которых русские ранее не знали. Справедливости ради надо сказать, что и русские переселенцы многому научили саамов. Так что процесс обучения был взаимным и на пользу тем и другим.

Другая жизнь, другой язык.

Сразу надо сказать, что никаких кардинальных перемен в языке новгородцев не произошло после того, как они поселились на Кольском полуострове. Язык сам по себе склонен меняться вместе с изменяющейся жизнью. На том языке, который был в ходу в средневековой Руси, уже не говорят даже ученые. Разве что в произведениях писателей можно почувствовать речь тех людей, которые жили когда-то на Терском берегу. Примером тому могут быть некоторые произведения Д. М. Балашова, много изучавшего речь терских поморов, их быт и культурное наследие. И все же язык новгородцев значительно обогатился лексикой из других языков тех народов, которые проживали на той же или сопредельных территориях. Обогащение происходило не вдруг, не сразу, конечно, а постепенно. В первую очередь в речи современных поморов появились названия представителей местной флоры и фауны.

Так самая ценная на Севере рыба семга имеет несколько местных названий: «кирьяк», «киндяк», «тинда», «вальчак», «лох» – все эти названия семантически связаны с названиями этой рыбы в различных языках. Например, лох – по-карельски и по-фински «лосось». Но само слово «семга» из древнерусского пришло в языки финнов и вепсов. А название «межень» - чисто русское, и означает, что рыба эта шла в меженное время (непромысловое) и размер этой рыбы невелик, около килограмма весом. Самое же популярное название семги в поморской речи – это «рыба». Только семгу так называли, не уточняя, какого вида пойманная рыба. Слова: «пинагор», «палтус», «хариус», «навага», «мойва», «керчак», «ревчак»,«капшак», «палия», «пертуй» - все это саамские, финские, карельские названия или на языке вепсов.

В лексике охотников встретим такие названия: копала, копалуха, конжуй. Копала – в переводе на русский «глухарка», и это слово звучит очень похоже как в карельском, так и в саамском и финском языках. Конжуй – детеныш тюленя, в переводе с саамского означает «вид моржа, тюленя».

У оленеводов в речи также немало названий, связанных с их занятием и пришедших в обиход из разных языков. «Гирвас (хирвас)», «важенка», «лопанка», «урбаз (урбоз)», «чопурок», «шаломат» - названия оленей, пришедшие из саамского языка. «Чурумбала» - половина задней части оленя (мясо), название также саамское. «Урак» - по-фински «годовалый олень», а слово «пыжик» пришло в поморский язык из языка коми и означает народившегося олененка. Слова «камас», «кейкало», «кережа», «кораль», «рова», «хорей» пришли в поморский обиход из саамского языка. «Пимы», «бахилы» - слова из языка коми, «койбы», «кегора» и «райда» - из карельского и финского языков. Несколько слов, обозначающих названия видов одежды и обуви из оленьих и нерпичьих шкур: «липты», «малица», «совик», «тобурки (тоборки)» пришли в поморскую речь из ненецкого языка. Отправиться в поездку на оленях для перевозки грузов – значит быть в райде. «Райда» из финского и саамского – «олений поезд». «Я был в райде в это время», - скажет помор. А если говорят: «Они угнали оленей в кегору», - это значит угнали оленей на летний выпас на пастбища. У жителей каждого поморского села были свои территории, где они держали оленей

на выпасе. Многие отгоняли домашних оленей в северную часть Кольского полуострова. Одно из таких мест - Кегорский мыс, где в 1576 возникло селение, которое позже называлось становище Кегоры. Это название стало нарицательным, саамское название Кегоры превратилось в «оленье пастбище» вообще.

На морской ниве

Главными занятиями поморов, конечно же, являлись рыболовство и зверобойный промысел. Вся жизнь людей была связана с морем. Даже само слово «помор» указывает на это. Море являлось той нивой поморов, на которой они трудились, добывая свой хлеб насущный. Учителями на этой ниве для русского населения стали саамы, вепсы, карелы, финны.

Слово «карбас» появилось у поморов из языка вепсов. Возможно, что вепсы научили новгородцев шить морские лодки, сильно отличающиеся от их речных лодок. Много и терпеливо трудиться по-поморски значит «калежить», семантически это слово связано с названием рыболовной снасти для лова камбал на мелководье, вепсы называют ее «калега». Для того чтобы сшить лодку, необходимо подготовить подходящие бревна, заготовить из них набои. Лексика поморов отражает эти занятия. Один из терминов «карзать» из языка вепсов и означает «обрезать, обрубать сучья, ветки». В названиях рыболовных терминов также встречается немало слов, заимствованных из других языков. «Рюжа» с карельского означает «мережа, верша». Из этого же языка слова «кубас», что значит «поплавок, буй», «кебрик» - значит «поплавок из бересты», «рихама» - означает «повязка, бечева». Хотя поморы рихамой называют петлю для крепления поплавка к сети, название все же связано по смыслу и произошло из карельского языка. Слово «еменга» произошло от карельского «ямега» и означает «соединение, связь». Еменгой поморы называют место соединения стенок рыболовной снасти, а также способ соединения снасти, что не противоречит изначальному значению слова в карельском языке. «Сима, симка» - слово также из карельского языка и означает «веревка», что соответствует действительности, хотя это не просто веревка, а веревочка, используемая поморами в рыболовных ловушках и снастях.

Из финского языка в поморской лексике также есть немало слов. «Пунда» в переводе с финского значит «гиря», «кибас» по-фински - «грузило на сети», а «киюра» - «каменный топор», хотя у поморов это всего лишь большой молоток для забивки кольев в морское дно при установке рыболовной снасти. Кстати, слово «куйпога» в переводе с финского означает «сухое дно», а по-поморски – «время отлива», что, как мне кажется, одно и то же в смысловом отношении. Слово «тура» и по-фински, и по-поморски означает «водоросль, морское растение».

Саамы также внесли свою лепту в развитие поморского языка. Во время приближающегося шторма на берегу слышен его шум, потому что волны начинают шуметь далеко от берега на коргах. Слово «корга» – карельское, означает «отмель, утес», но поморы называют корги «кошками». Поморы говорят, если кошка шумит, значит, скоро шторм будет. Слово «кошка» произошло от саамского «коске» или «коашк» и означает «сухой, пересыхающий». В Варзуге есть ручей под названием Кошка, который действительно пересыхает в летнее время. Слово «закошечье» производное от «кошка» и означает границу литорали, обсыхающую во время отлива. В районе местечка Бронница, где раньше находился тетринский тоневой участок, очень большое закошечье, о чем не раз сетовали рыбаки, поскольку приходилось долго выгребать на веслах для установки неводов.

Правда о поморской кухне

Рыба для помора – необходимый продукт питания. Со временем некоторые рыбные блюда и кушанья стали традиционными. Это уха, кулебака, жареница. Однако традиции складывались годами, что-то, в том числе, принималось поморами из традиционной кухни коренных жителей Терского берега. Примером тому может служить привычка поморов есть кислую рыбу, заимствованная у саамов. Кстати, квасят рыбу многие представители народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Какие-то иностранные названия рыбных блюд вошли в поморский обиход. Рыбья печень у поморов получила несколько названий. Слова «ксень, ксенье (сенье)» ведут происхождение из чешского и польского, а также древне-русского и означают «рыбью печень», но у поморов эти слова служат для обозначения всех потрохов, не только рыбьих, но и морского зверя. Часто ксенье использовалось для привады (приманки) лесного зверя, лисы, песца, медведя. «Макса» - в переводе с финского «печень», «воюкса» - саамское слово, обозначает «печень рыбы» (кроме печени лосося), а также «жир из вареных рыбьих внутренностей». «Пойда» - по-саамски также «жир, сало», но уже животного происхождения. Саамская похлебка из рыбьей требухи называется «путка», но в поморском лексиконе «путка» - это не вся требуха, а семужий желудок, считающийся деликатесом. Впрочем, раньше считался, а сейчас его чаще выбрасывают при обработке рыбы. Таким образом, из всей требухи поморы выбрали только путку, воюксу и максы, называя их так, как саамы и финны. Финское название «кара» означает «миска, корыто», у поморов это особенная деревянная миска с прорезью в ней для стекания жидкости, на нее выкладывалась вареная рыба, а уху наливали в миски отдельно. Рыба добавлялась в уху из кары по желанию.

О пользе лесных ягод говорить много не надо. На севере потребность в витаминах очевидна. Поморы рано поняли, насколько полезны для здоровья брусника, клюква и морошка – являющиеся самой важной составляющей поморского стола, особенно для промысловиков. Ни одно судно не отправлялось на моржовый, китобойный или тюлений промысел без бочек, полных брусники или морошки. Они служили поморам средством от цинги. Слово «морошка» звучит похоже в разных языках финно-угорской группы, но оно прочно вошло не только в лексикон поморов, но и в русский язык. Незрелую морошку поморы называют «рохлецом», которое является производным от также финского слова, означающего «незрелую ягоду».

На языке зверобоев.

Промысел морского зверя или как еще его называют торосовый промысел для поморов – это новый вид занятий, освоенный русскими у саамов, карелов и финнов. Коренные жители Севера издавна занимались этим видом промысла, позволяющим выживать в суровых условиях Арктики. Отсюда и множество терминов иноязычного происхождения в речи поморов, которые имеют отношение к зверобойке.

Торосовый промысел получил название от слова «торос» и велся на подвижных льдах в пространстве от острова Сосновца до мыса Орлова. Промысловиков, приезжавших сюда, называли торошиками (тарашиками). Даже один из островов в Кольском заливе носил название Торос (Торроссуол - в переводе с саамского «остров Поперек»). Выражение «ехать на торос» означает «ехать на добычу морского зверя». Слово «торос» встречается в саамском языке в нотозерском и кильдинском диалектах и переводится как «ледяной бугор». На таких вот ледяных буграх и устраивают залежки тюлени. Тушка тюленя, с которой сняли шкуру и сало, называется «раушка (равушка)», в переводе с карельского и финского языков имеет то же самое значение. «Катара» в переводе с саамского «передняя лапа тюленя», а «ласт» - «задняя лапа

тюленя». Сейчас эти слова встречаются в языке поморов. Слово «ропак» также не русское, в одном из диалектов саамского языка этим словом называют дрейфующий лед, а из другого диалекта «ропак» - это «нерпичья горка» и составлено из двух слов «рокк» - нерпа и «пахта» - горка. В финском языке «пахта» означает «скала, утес». Ропак, конечно, больше похож на небольшую горку, на которой нерпа лежит и греется на весеннем солнышке.

Кроме тюленей и моржей (слово из саамского языка), для поморов объектом охоты были и белые медведи. На языке коми белый медведь звучит как «ошкуй». В поморском диалекте «ошкуйники» – охотники на белого медведя, люди отчаянные и храбрые, а слово «ошкуй» значит «отчаянный, боевой, озорной» человек с живым характером. Не смотря на то, что значение слова «ошкуй» изменилось, но по смыслу связано с изначальным значением.

Китовый и тюлений жир поморы называют «ворванью», слово заимствовано из другого языка, его значение идет от древне-шведского названия кита. Снимать шкуру с морского зверя или животного вообще по-поморски значит «кентовать», и заимствовано также из иностранного языка. Лингвисты связывают слово «кентовать» с английским «cant», означающим «поворачивать, класть на бок». Снятую шкуру нерпы поморы использовали по-разному, в том числе изучали опыт своих соседей саамов и финнов. Финны, например, подбивали лыжи нерпичьим мехом, и такие лыжи назывались «калги». Они очень удобны: в сырую погоду к ним не подлипает снег, они хорошо скользят вперед и ворс не позволяет им скатываться назад при подъеме в горку. У поморов тоже появились в обиходе калги, а значит и специальное слово.

В краю озер и сопок

Красива северная природа, много на Терском берегу замечательных мест. Реки и озера богаты рыбой, леса – диким зверем и птицей. Но непривычен приморский пейзаж для глаз первопроходцев, мало он напоминает родные места новгородчины. Нет на Терской земле заливных лугов, нет места чтобы распахать широкую пашню, нет даже высоких деревьев. Реки здесь быстрые, шумливые, а не тихие, спокойные, как Волхов, Шелонь, Псков, Двина. Многое не так, как у себя на родине. Но со временем для новых поколений переселенцев родные места стали самыми дорогими, о других не мечтали. По фамилиям поморов можно проследить историю заселения края, причем, в каждом селении свои характерные фамилии. Они не менялись годами, поскольку миграция населения в то время была незначительная. А вот новые слова, обозначающие местность, рельеф земли, особенности климата, заимствованные из языка своих новых соседей, постепенно появились.

Сопку, поросшую лесом, саамы и финны называют на свой лад «варака». Так же стали называть и поморы. Открытые безлесные пространства, покрытые вечнозеленой кустарниковой растительностью, преимущественно ягодными растениями вороникой, брусникой, толокнянкой, а также багульником, голубикой, шведским дерном, вереском, поморы называют боровиной, а растительный покров – канаброй. Слово «канабра» по-фински значит «вереск». Так незнакомое слово получило более широкое значение в языке поморов. Сырые местечки иногда с небольшим озером, расположенные между сопками, поморы называют «ламбинами», что в переводе с карельского и финского значит «озерцо, пруд, лужа». А саамское «ламбь, лампь» - означает «торфяник, где растет морошка». И то, и другое значения подходят по смыслу.

Камни и прибрежные скалы, а по-поморски «луды» также пришли в обиход из карельского и финского языков, и означают то же самое. По-карельски «кипака», что значит «холм, возвышенность», а поморы этим словом обозначили не просто возвышенность, а каменистую возвышенность, что впрочем, не слишком далеко от первоначального значения. Крупную гальку поморы называют «арешник», а мелкую – «чевруй». Оба слова заимствованы. «Арешник» из саамского значит «мелкий камешек», и «чевруй» из саамского норвежского диалекта означает то же самое - «камешки, гравий».

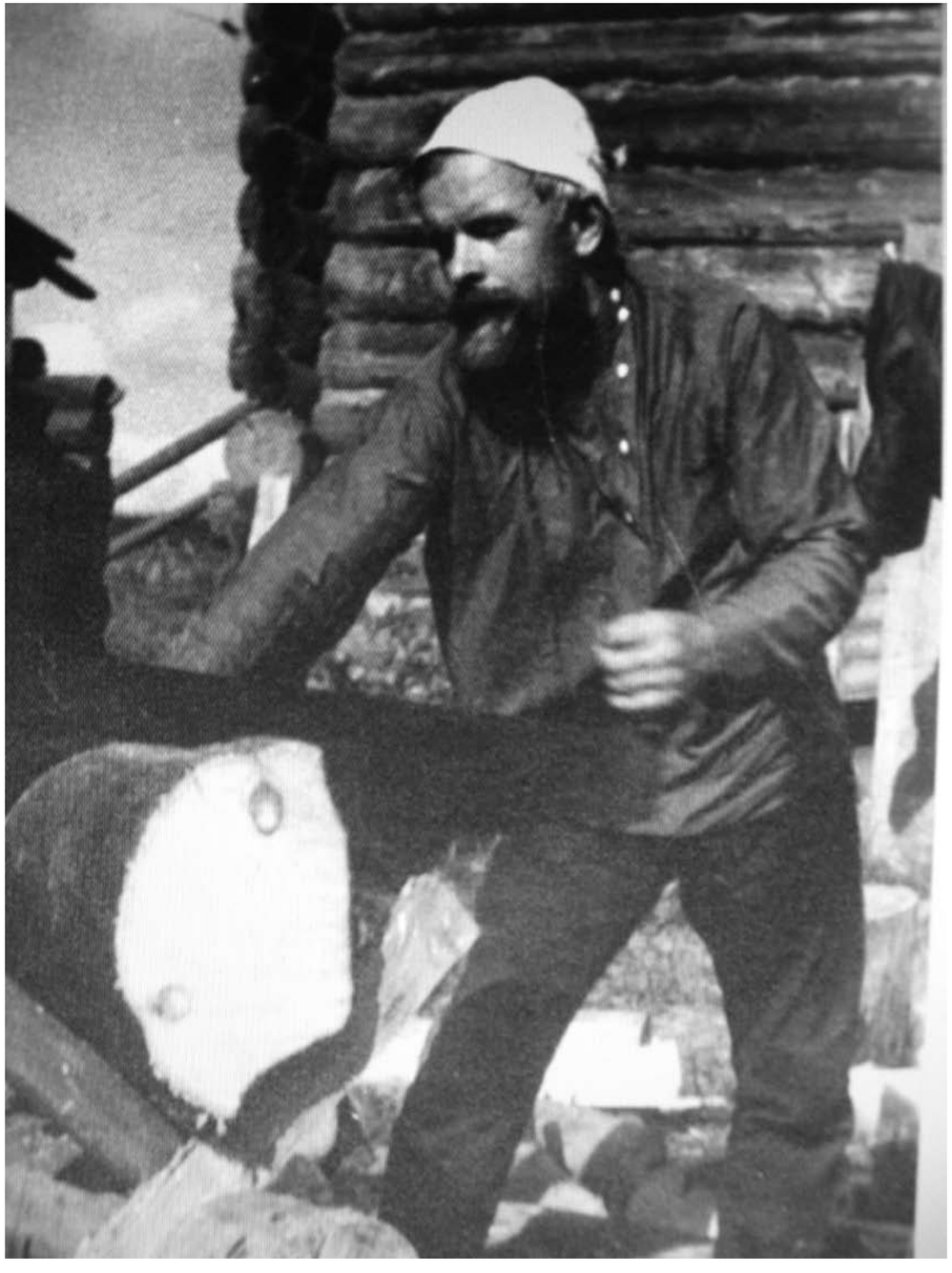
Лес на севере также имеет свои особенности в силу того, что растет в особых условиях. Древесина северной сосны прочнее, чем дерева, выросшего в средней полосе, и созревает такая сосна дольше. Потому северная древесина очень ценится кораблестроителями. Настоящий кондовый лес – большое богатство, такую древесину охотно покупают отечественные предприниматели и иностранцы. Слово «кондовый» пришло в поморский язык из финского «honkan», и значит «зрелая сосна». Другой термин «пинда» в карельском и финском значит «прослойку, слой древесины», у поморов он действительно означает слой древесины, но надо уточнить – смолистый. Оконные рамы из пинды не желательны, поскольку смолистые выделения в соприкосновении с влагой чернеют, а краска на такой поверхности плохо держится.

Природные явления и состояние погоды также отражены в речи поморов особой лексикой, в том числе и заимствованной из других языков. Так слово «пурга» - озачает «снежная буря» по-карельски. «Рянда» по-фински «мокрый снег, дождь со снегом», а слово «чит» пришло из олонецкого говора и финского языка, обозначает «мелкий дождь в виде тумана, морось», когда стоит довольно прохладная погода. Для сравнения в английском языке словом «chill» характеризуют прохладную и не слишком приятную погоду.

Выходит, что в языке поморов немало слов, заимствованных из иностранных языков, о происхождении которых современные поморы даже не подозревают, считая их исконно своими особыми - поморскими.

БОЛЬШАКОВА Надежда Павловна,
член Союза писателей, заведующая Музеем саамской литературы и письменности им. О. Вороновой,
редактор епархиальной газеты «Православная миссионерская газета»

Дмитрий Балашов и Варзуга – точки соприкосновения



Во время одной из экспедиций в Варзугу в 60-е годы.

Дмитрий Балашов и Варзуга – точки соприкосновения

По словам писателя Владимира Личутина Дмитрий Михайлович Балашов нес многотрудную ношу монастырских затворников-писцов, преданных стражей памяти, оставивших нам старинные предания об отцах и дедах: «Он как-то вдруг и с непознанной нам легкостью вошел в давно истекшее время, как вернулся бы странник в покинутый отчий дом... Этот дар личностного присутствия настолько редок, что принадлежит лишь талантам истинным и глубоким».

Балашов родился в Петербурге, в семье творческой интеллигенции, актера и художницы. После окончания института поехал работать на Север и сразу сроднился с ним. Его прежде всего очаровала на Севере безусловная честность людей, где не запирались дома, или - через постороннего человека, которого северянин видел в первый раз в жизни, мог передать знакомому, жившем за сотню километров любую ценную вещь. И был совершенно спокойным - подарок обязательно дойдет до адресата.

Знакомство с Варзугой у Балашова началось с далекого 1957 года, когда он впервые приехал на Терский берег. Рассказывал, что многие села обошел пешком, но особенно интересна ему стала Варзуга.

Для него она даже внешне отличалась от других сел Терского берега, о которой писал: «С горы, в прорыве леса, неожиданно открывается взору речная долина, красивый разлив Варзуги и ряды изб основательной старинной стройки по обе стороны реки, а среди них на высоком обрыве затейливое завершение рубленой шатровой церкви, похожее издали на пышную остроконечную ель. Варзужская Успенская церковь 1674 г. постройки - одна из выдающихся творений русской шатровой архитектуры. Но, конечно, самое замечательное в Варзуге - ее жители: их гостеприимство, добродушие, юмор, их культура; тут нет скандалов, пьяные драки отсутствуют совсем, работают здесь с исключительным подъемом и очень дружно; во время покоса, например, решительно не найти ни одной праздной фигуры во всем селе. И здесь удивительно поют. До сих пор Варзу-

Дмитрий Михайлович с автором статьи Большаковой Н. П. во время «Славянского хода» в 1997 году по маршруту Мурман – Черногория.

га - самое «фольклорное» село района».

На варзужской доске Балашову высечены слова писателя: «Именно в Варзуге я понял, что такое настоящая русская культура», и это не праздная фраза, высказанная Дмитрием Михайловичем, это начальный этап становления позже большого русского писателя.

В сентябре 2003 года мемориальная доска писателя была открыта на лицевой стене клуба, на каком-то отдельном доме повесить ее нельзя было, Балашов за время своих экспедиций успел пожить почти в каждом из них, и все варзужане считают его своим.

Помню рассказ писателя и краеведа Михаила Орешеты. Когда они со скульптором Александром Арсентьевым везли доску через реку, на берег высыпала вся деревня. Не успели высадиться, как женщины из поморского варзугского хора, лично знавшие Балашова, спросили: «Митрия-то привез?!». Орешета сразу и не понял, о каком Митрии речь, так это было сказано по-домашнему, будто должны они были прихватить какого-то Митрия с другого берега. Видя замешательство Орешеты, варзужанки ответили, не скрывая нетерпения: «Какого еще привезти должен, конечно, Балашова».

Орешета восхищенно произнес: «Представляешь, они не доску встречали, для них Балашов до сих пор живой».

В течение семи лет и пяти своих экспедиций (1957-1964) в этом далеком и труднодоступном уголке Кольского полуострова происходило его кропотливое, целенаправленное выявление сказочной традиции, итогом которых и явились «Сказки Терского берега Белого моря» (1970), где автору хотелось в более полном объеме представить устную народную культуру Терского берега.

В поморских сказках Терского берега, при всей традиционности сюжетов, ярко выражен местный колорит: море соединяет мир фантастический и реальный - где бы ни бывали, как бы ни плутали герои, они обязательно выходят к морскому берегу, простору; корабль или карбас, покачиваясь на волнах, спешит в Архангельск или за тридевять земель, а на этих кораблях - бесстрашные, смекалистые и великодушные герои.

Он писал: «Мне в Варзуге в 1961 г. рассказали по случаю одно из местных преданий, восходящее, видимо, еще к XIII-XV вв. Мы косили чуть пониже порогов, на речном острове, называемом Кровавым.

- А почему остров Кровавый? - спросил я одну из женщин.

- Точно не скажу. Битва какая-то здесь была, вот потому и Кровавый остров. Здесь много таких названий.

Дмитрий Балашов с варзужскими певуньями в 60-е годы

Вот выше по реке есть Немецкая падь, и такое предание: шли немцы, сорок человек; наши молились - и те сквозь землю прошли, исчезли, словом. Осталось сорок рукавиц.

- С одной руки, - подсказала вторая женщина.

- И все с одной руки. Так вот и пошло: Немецкая падь. И до сих пор осталось название. Рассказчица пояснила при этом:

- У нас ведь как раньше? Кто говорит не на нашем языке, тех немцами звали. А там, может, шведы, а может кто, мы уж не знаем!»

А на год раньше в 1969-м вышла его книга в соавторстве с Юлией Красовской «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря».

Мурманский прозаик Виталий Маслов писал: «Мурманчане обязаны Балашову - писателю и ученому лучшим сборником сказок Терского берега: Дмитрий Михайлович записал их от сказителей, обработал, подготовил к изданию. Россия обязана ему не имеющей подобия книгой - исследованием «Русская свадьба», которую я назвал бы исследованием - поэмой. Но все-таки главный труд его - цикл романов «Государи московские».

Упоминается Варзуга Балашовым и в романе «Отречение»: «Дивно видеть и теперь, как пихаются шестами навычные к тому далекие потомки новгородских землепроходцев - северные поморы. Несколько мужиков стоя, не в лад и не враз, а вразнобой, кто как попадя и вроде неспешно тычут шестами в дно, а лодка идет против течения порожистой быстрой северной реки Варзуги, будто на невидимом канате, споро и ровно, тянет ее какая-то незримая сила. Не шевельнет носом, не вильнет, и берег бежит, торопится, уходя назад. С та-

кою скоростью шла бы, пожалуй, моторка, не с чем боле сравнить. А в ту пору, как не было моторов и знатья о них никоторого, в ту пору и сравнить не с чем было ровный и быстрый ход новогородских ушкуев вверх по извилистой капризной реке. Долгой змеею, след в след идут и не дрогнут на струе, не отстанут смоленые долгоносые лодьи».

Тепло вспоминал Дмитрия Михайловича в своем прощальном слове в 2000 году его друг писатель Станислав Панкратов. Он говорил, что познакомился с ним на Терском берегу Белого моря, сорок лет назад в знаменитой Варзуге, «около церкви, которая вошла затем во все альбомы и справочники русской деревянной архитектуры: немало часов провели около этого удивительного, одухотворенного сооружения...» В то время Панкратов работал над книгой «Солнечный ветер», а Дмитрий Михайлович подолгу жил в деревнях Терского берега, записывая фольклор - песни, сказки, причитания, свадебные обряды, поговорки - все, чем так богат простой народ в нетронутой глубинке.

Панкратова приятно удивила манера Балашова собирать экспедиционный материал. Жил в деревне он не как «некий элитарный спец, требующий к себе особого отношении, этакая «столичная штучка». Нет, он запросто носил воду для пожилой своей хозяйки, пилил и колол дрова, поправлял покосившееся крыльцо». А однажды они с ним полных два дня вместе с колхозной бригадой провели на сенокосе. Балашов «заправски косил траву, настраивал косу и одновременно разговаривал с кем-нибудь из местных косцов, кто работал рядом с ним. Иногда он прислонял косовище к плечу, доставал блокнот и записывал слово, или оборот, или поговорку-присловье».

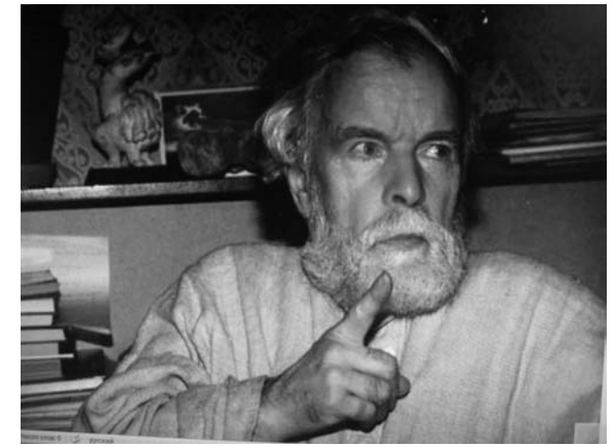
Для характеристики их тогдашних ощущений Станислав Александрович приводит отрывок из своей книжки, из главы «Варзуга»: «Ждали машину, ехать на покос. Позевывали, обменивались утренними малозначащими словами, настраиваясь на долгий рабочий день. И вдруг над серыми мелко-будничными словами необязательного разговора всплыло что-то большое, своеобычное, что-то сродни трехсотлетней церкви, у которой мы стояли: «Постой, подружка, дай мне слово молвить…» И дальше - как всплеск: «Коль люди не удивленны!» Меня просто-таки ослепили эти слова, я даже не расслышал, о чем женщина говорила дальше. Коль люди не удивлены!

Так мог начать речь философ Сенека, будь он происхождением новгородец. Так воскликнуть мог мятежный Аввакум. Так удивиться и приветствовать можно и людей и солнечный восход…»

Вот здесь-то в Варзуге Балашов впервые рассказал Панкратову об историческом персонаже, который сильно волновал его - о Марфе-посаднице, в чьих древних владениях они и находились, в Варзуге.

И как пишет карельский писатель Юрий Дюжев, это был еще один родник вдохновения и школа мастерства для Балашова - древнерусская литература. Будучи великолепным знатоком книжно-библейских и апокрифических сюжетов и образов, он более всего дорожил традициями литературы северной Руси со свойственным ей пониманием жизни и психологии народа, и не случайно из под его пера первыми появляются произведения — повесть «Господин Великий Новгород» и роман «Марфа-посадница», посвященные жизни города, где, несмотря на все беды, развивалась русская культура, велись летописи, создавались жития князей и повести о сопротивлении русских людей иноземным врагам.

Балашов практически в одиночку начал битву за спасение памятников деревянного зодчества на всем пространстве русского Севера. В том числе и в Варзуге. Потому что, как пишет Панкратов, хоть и повеяло в начале 60-х ветром свободы и достоин-



Балашов в последние годы жизни

ства, - инерция разрушения была слишком сильна, чтобы вдруг остановиться: церкви, часовни продолжали сносить, и многие шедевры древней Руси спаслись только потому, что судьба воздвигла их на Севере, вдали от высокого чиновничьего атеистического взгляда...

Дмитрию Балашову та его «…индивидуальная кампания за спасение деревенских церквей, увы, не прибавила ни авторитета в высоких кругах, ни зарплаты, ни почетных званий. На свой страх и риск он пробивался к столичным знаменитостям, собирая подписи под коллективными письмами в защиту российских древностей и красоты, действуя единственно возможным способом - через головы местного партийного и прочего начальства».

После убийства его был шок. Я много думала о понятиях греха и святости. Что это такое? Был грешен или свят Балашов? Если говорить о Святости Руси, то перед ней сразу теряются мирские, плотские грехи. Люди все грешны. И живущие в миру, и те, кто призваны служить Богу, по той простой причине, что они люди. Не безгрешен был и Балашов, если говорить о его мирской жизни... Только святость его я определяла по состоянию души, неподкупной и преданной России, которая остается вечной, чего не скажешь о человеческой плоти. Хорошо по этому поводу сказал Станислав Панкратов: «…к такому человеку нельзя подходить с мерками обычными, обыденно-житейскими. Все, что случается в судьбе такого человека - не может случиться (в такой последовательности и в такой концентрации) с обычным человеком. В том-то и дело! Здесь действуют иные законы, здесь властвует иной порядок вещей, не всегда даже понятный. И, кроме всего прочего, - серьезная, пожизненно - напряженная творческая работа требует своей цены, своих условностей, своей питательной среды, если угодно».

В мире верующего человека все начинается с себя. На тебя Господь смотрит, тебе помогает, вот ты и не подкачай.

Кто для меня Балашов? Это и путевка в большую литературу, так как давал рекомендацию в Союз писателей, верил в меня, и конечно, человек, которого я и воспринимала именно, как человека, и только уже потом, как писателя, мыслителя, политика. Политика дело переменчивое, сегодня такая, завтра другая, а Россия держится, прежде всего, на вере и любви.

Феномен писателя Балашова нельзя рассматривать только в одной плоскости, как исторического писателя, его деяния намного шире. Заслуга его состоит в том, что он принимал фольклор, как глубинное явление для литератора. Высоко поднял планку научной основы фольклора и проводил свои изыскания в этой области с научной целью, а не самодеятельности ради. Балашов был особенно внимателен к слову людей, которые еще помнили язык и манеру исполнения произведения, дошедшую из глубин предков.

Балашова можно назвать настоящим явлением в русской жизни. Он говорил, что русский мужик должен владеть 15-ю специальностями. И сам, своими руками сделал в доме всю мебель, расписал двери, шкафы, столы, украсил их резьбой. Его можно охарактеризовать высказыванием о Льве Толстом: «Какая глыба. Какой матерый человечище!». Не смотря на свое интеллигентное происхождение, являл собой образец подлинного русского мужика, из гущи народной. Глыба. Человечище... Это и о нем тоже. И не случайно было у Балашова двенадцать детей. Да как же не рожать от такого? Не страшно с ним, надежно, вот и рожали женщины, и любили его. Духом силен русский человек...

В 2002 году вдова Балашова Ольга Николаевна передала на Мурман икону Господь Вседержитель – одну из хранящихся в доме Балашовых. Из церквей Дмитрий Михайлович иконы не брал, у бабулек не покупал, а находил, отдавал на реставрацию или реставрировал сам. Потому-то и решила Ольга вернуть их все снова в лоно Церкви. Одну отдала в Юрьев монастырь, другую в Зеленогорскую церковь, третью на приход отца Александра под Ленинградом. Икона Господь Вседержитель передавалась в Трифонов Печенгский монастырь на вечное поминовение погибшего экипажа «Курска» и самого раба Божьего Дмитрия.

Дмитрия Михайловича уже нет 9 лет, а я продолжаю разговаривать с ним, как с живым и по сей день. На кассетах слушаю его голос. Читаю в письмах его наставления. Вспоминаю его детские василькового цвета глаза, молодое, без явных морщин лицо, которое необыкновенным образом будто бы светилось изнутри. Какую-то внутреннюю, не видимую для многих незащищенность его души. Здесь не нужно путать с духом, который был у писателя больше, чем просто сильным.

Он остается жить в нас своими произведениями, словом правды, жить в проводимых в Новгороде Балашовских чтениях, во внимательном взгляде с мемориальной доски клуба Варзуги. И каждый раз через это у всех нас происходит новая встреча с великим писателем нашей эпохи - писателем пассионарием[205] - Дмитрием Михайловичем Балашовым.

[205] Пассионарий - активный человек, стремящийся к обновлению, развитию.

ЛОСКУТОВ Дмитрий Сергеевич,
заведующий краеведческим отделом Центральной библиотеки г. Кандалакши,
руководитель проекта возрождения культуры поморского мореплавания «Путь Варлаама»

Феодорит русский широко ходит...

Феодорит русский широко ходит...

Новый герб города Кандалакши

Крест на горе Крестовой.
Пятиметровый поклонный крест установлен 11 сентября 2006 года.

В 2002 году состоялась общецерковная канонизация святого Феодорита, одного из великих заступников нашей Северной земли. И вот 30 августа 2006 года в духовной жизни Кольского края произошло событие чрезвычайной важности – впервые в истории Русской Православной Церкви состоялось полноценное празднование Дня памяти великого подвижника и просветителя земли Кольской преподобного Феодорита.

В день открытия Первых Феодоритовских чтений, утром была совершена Божественная Литургия архиерейским чином и освящена вновь написанная икона Преподобного. В ходе работы Первых Феодоритовских чтений было впервые представлено Житие этого замечательного святого и заслушаны доклады, в основном касающиеся историко-краеведческой темы. Позже, 11-го сентября (в день памяти Иоанна Предтечи), на вершине горы Крестовой был установлен Крест «в память 420-ой годовщины крещения Кандалакшской волости преподобным Феодоритом Кольским».

Так вновь, спустя столетия, начал свое шествие по Кольской земле наш духоносный старец Феодорит. В приветственном слове участникам Первых Феодоритовских чтений владыка Симон говорил о том, что мы, открывая для себя Феодорита, обретаем образец духовной жизни и «молитвенника обо всех нас». И Преподобный не замедлил явить свое заступничество за нас пред Господом.

События, происходящие в Кандалакше (родине Феодоритовских чтений) и в Мурманской области в целом, заставляют снова вспомнить слова древнего лопарского предания и убедиться в том, что «Феодорит русский широко ходит».

Вскоре после Чтений был освящен источник в память о преподобном Феодорите Кольском[206], который чудесным образом открылся сразу после установки Креста. Родник забил у подножия горы Крестовой, у места, где начинался крестный ход для воздвижения креста на вершине. Молитвенная, духовная работа в ходе Чтений, дала добрый и богатый урожай.

[206] По дороге от Кандалакши на Умбу, сразу за перевалом.[Прим. Автора].

Первые Феодоритовские чтения, посвященные 480-летию принятия Христианства в Кандалакшской волости.

Чтения дали возможность объединить людей, привлечь к работе тех, кто еще был «за церковной оградой» и не знал как можно потрудиться во славу Божью. Сплоченные и проверенные в этой важной совместной работе, прихожане Кандалакшского храма инициировали создание газеты православных прихожан города Кандалакши «Слово». Эта газета обрела жизнь, как вкладка в еженедельную районную газету «Нива». Таким образом, многие люди – читатели «районки», смогли приобщиться к Православию, услышать слова Веры, слова священника и позицию Церкви.

Символично то, что «Слово», это первое православное приложение вышло в день памяти святителя Макария Московского, в свое время благословившего Феодорита на проповедь в Лопарских пустынях. Первый номер газеты, его подарочный экземпляр, на подложке имеет икону Преподобного.

Следующим прорывом в «информационных технологиях» стало создание на интернет-портале http://www.kandalaksha.org странички о православном приходе г. Кандалакши, с размещенной на нем электронной версией газеты «Слово».

К этой же череде событий, являющихся следствием Феодоритовских Чтений, а по сути, связанных с возвращением к нам преподобного Феодорита, внимательный взгляд отнесет и смену мирской и духовной власти в Кандалакше. Сначала поменялась власть мирская: главой района стал Вихорев А. В. – человек, при активной поддержке которого состоялись Первые Чтения. Александр Владимирович, во-первых, сразу же безоговорочно одобрил проведение конференции и обеспечил свою поддержку в предоставлении городского культурного центра «Нива» под ее проведение; во-вторых, помог изготовить и установить Крест на горе Крестовой. Что интересно, после проведения конференции этот человек ушел из власти. Можно предположить, что он пришел на такой короткий срок, чтобы совершить главное духовное дело своей жизни – при нем Кандалакша прославила преподобного Феодорита Кольского, как основателя нашего города.

Восхождение. Начала пути с крестом на Крестовую гору, 330 метров над уровнем моря.

Родник, который забил у подножия горы Крестовой после установки креста.

Вскоре после этих событий сменилась и духовная власть. Оба священника, которые служили в Кандалакше: настоятель Предтеченского храма и благочинный Кандалакшского округа протоиерей Сергий Платунов и приходской священник протоиерей Иоанн Федько в 2006 году уехали из города. С мая 2006 года настоятелем Предтеченской Церкви г. Кандалакши и благочинным Кандалакшского округа становится иеромонах, а затем игумен Силуан (Николаев).

Нужно отметить, что смена власти благоприятно сказалась на развитии города, как в духовном, так и в материальном плане. Молодой священник, возглавивший приход, с широким кругозором и практическими знаниями сумел привлечь внимание многих образованных людей города к Церкви. Спокойный, немного либеральный взгляд отца Силуана импонирует молодежи, и она «подтягивается» к храму. Открытость новым информационным технологиям позволила приходу выпустить газету и разместиться в Интернете. Батюшка ни кому не навязывает своих идей, догм, правил, а просто пытается нести слово Христово людям, дает им самим «поработать» Богу.

В Кандалакше утвержден новый герб города. Хочется сказать, что участники Первых Феодоритовских чте-

Устье реки Нивы. Подготовка карбаса к выходу в море.

ний принимали самое активное участи в его создании. Можно сказать, что даже своим участием на карбасе «Святой Феодорит» в Умбской Поморской регате, где они заняли первое место, кандалакшане голосовали именно за такой герб города.

Ключевым элементом герба является изображение корабля (поморского карбаса), воспринимаемого, как Ковчег спасения, в этом бурном мирском море. Над кораблем летит символическая северная птица «золотая гага». Не секрет, что для людей церковных этот корабль ассоциируется с «Варламовой лодьей», а птица над ней очень близка к голубю, как символу Благодати Святого Духа.

Так же, можно сказать, что новый герб города вполне выдержан в «историческом ключе»: его изображение побуждает горожан присмотреться к себе, вспомнить, откуда мы родом и понять, что история города началась не с железнодорожной станции и КАЗа, а сокрыта в многовековой истории Русского Поморья.

Еще одним результатом Первых Феодоритовских чтений стало решение пройти «Путем Варлаама». Кто читал житие Варлаама, и кто полностью проникся этим совершенно невозможным, не поддающимся рациональному анализу подвигу Варлаама, тот понимает, что повторить его – это большое дерзновение и без Божией помощи нереальное. Но, тем не менее, мы об этом мечтаем. Может быть, удастся обойти, хотя бы один раз, вокруг всего Кольского полуострова. Пройти этим путем хотя бы в идеальных условиях лета, не помышляя о «варлаамовом» плавании, то есть в течение всего года. Верим, что нам удастся прикоснуться к тайне его восхождения к святости, к величию подвига сокрытого в этом Пути Варлаама.

Команда поморского карбаса «Св. Феодорит» на Умбской регате.

Именно ради этого был задуман и постепенно реализуется проект «возрождения культуры поморского мореплавания «Путь Варлаама». Следуя путем Варлаама не возможно не меняться. Море серьезно проверяет человека, требует от него перемены, призывает стать лучше.

Сегодня мы слабо представляем себе кто такие «поморы», и какие движущие мотивы были у этих людей. «Путь Варлаама» призван помочь нашему непониманию, призван пролить свет на духовные основания поступков тех людей, которые жили по Карельскому, Кандалакшскому, Терскому, Мурманскому берегам Белого и Баренцева морей и назывались поморами.

Зачем они ходили в море? Понятно, для того чтобы ловить рыбу, бить зверя и т. д. Но, думается, что было не так все просто и однозначно. Слишком тяжелые потери несли промышленники. Как на войне – к концу сезона любой мог не вернуться. Ходили в море, по моему убеждению, не только ради добычи рыбы. Морской путь для поморов был путем духовной жизни, дорогой к своему Творцу. Море воспринималось ими как некое иное измерение бытия, иное сакральное пространство, которое они – поморы населяли, как крестьяне, со своим крестом возделывания земли, «ибо она им сопротивляется». Океан, как и земля, сопротивляясь (еще как!), помогал открывать в себе какие-то новые стороны души и требовал определенных свойств Духа. Таким образом, морская жизнь становилась не только «способом хозяйствования», но и путем духовного возрастания, способом узнавания и изменения своей души.

Именно потому, например, изложение поморских лоций открывалось текстом молитвы к Спасителю, и

путь на промысел, так же, начинался с молитвы в Церкви или в часовне. Команда судна обязывалась помочь кормщику обуздать непослушливого члена экипажа, руководствуясь правилом: «На небе Бог, а на море кормщик». Драгоценный опыт мореплавания подсказывал необходимость строго следовать принципу единоначалия, иначе «беспромыслица и разбитие судов приключается».

Все эти примеры – дошедшие до нас крупицы духовного опыта, которым обладали наши предки. Самый яркий, конечно, пример – это отношение к смерти. Снаряжение и укладывание под кормовую банку лодки перед выходом в море белой рубахи «на смерть». Человек должен по-особому жить, когда он настолько близок к смерти. У поморов жизнь была связана с этим напрямую и всегда…

Цель проекта «Путь Варлаама», как уже говорилось выше, - это открытие и, по возможности, приобретение духовного опыта поморского мореплавания. Подругому не возможно возродить эту важнейшую сторону жизни людей ныне населяющих наши берега. Нужно при этом понимать, что проделать этот путь необходимо «собственными руками» под парусом и веслами, не используя механических приспособлений, которые хороши для перевозки туристов, грузов, рыбалки и т.д. Но для понимания важнейших основ бытия и постижения смысла жизни они не годятся. В море, как нигде, нужно в полной мере свое «упование на Господа возложить», а вовсе не на человеческие ухищрения и приспособления.

Хочется еще раз повторить, что практически забытое в Истории святое имя преподобного Феодорита, просветителя Кольского, вновь оживает в нашей памяти. Оно становится востребованным, мы поминаем Преподобного в своих молитвах, упованиях, взираем как на неподдельный, реальный образец для жизни каждого христианина. Теперь у нас есть надежда, что великий угодник Божий, святой покровитель нашего Края, преподобный Феодорит Кольский не забудет и помянет нас у престола Божьего. И то духовное сокровище любви и верности, ума, красоты и чистоты, некогда ярко просиявшее в этих землях, возвратится в наши сегодняшние уставшие души.

ОСИПЕНКО Марина Васильевна,
руководитель паломнической службы Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря

Терский берег – северный горизонт Соловков

Впечатления путешественника

Голубец у березки.
Икона Божией Матери
Леньковская – Спасительница
на Водах

Терский берег – северный горизонт Соловков.

Впечатления путешественника

В Варзугу мы попали, когда уже стемнело: подсвечены были колокольня (она выглядела как маяк в ночи) и храмы, светились окошки в домах довольно большого села, раскинувшегося по обоим берегам реки Варзуги – самой величественной из всех рек Терского берега. В доме причта нас встретил настоятель Варзугского прихода игумен Митрофан (Баданин) и пригласил к трапезе. Приветливая монахиня матушка Евдокия угощала нас рыбными котлетами, а потом – за чаем – пошла неспешная беседа. Отец Митрофан показал альбом фотографий, изданный к 590-летию Варзуги – древнейшего русского поселения на Кольском полуострове.

До середины XIX века в Варзуге было сосредоточено волостное и сельское управление, здесь происходил раздел и продажа рыболовных тоней, сюда приезжали лопари для зимней торговли, здесь они крестили детей, исповедовались и причащались. Первая церковь в селе, упоминание о которой сохранилось в письменном источнике, это Никольская с Успенским приделом построеная Соловецкими монахами во второй половине XV века.

В конце XV века в Варзуге произошло чудо, свидетельствующее об особом покровительстве Зосимы и Савватия этому месту. В чудесах преподобного Зосимы повествуется об этом так: жил в Умбе человек именем Андрон – сборщик податей от великого князя. Отправился он к лопарям собирать дань и остановился в Варзуге с женой и двухлетним сыном Симеоном. Так случилось, что ребенок тяжело заболел и смерть была уже неминуема. Отец и мать плакали, жалея сына, но, не надеясь уже на его выздоровление, наняли человека, который бы сделал гроб. Были же там и старцы Соловецкие, ловившие рыбу на монастырь. И пришли они утешать Адрона, ибо он был человеком верующим и весьма почитавшим Чудотворцев Соловецкого монастыря. И обратился к ним Адрон: «Помолитеся, отцы, Спасу и Пречистей матери Божией и преподобному Зосиме, дабы его молитвами оживити чадо мое!» Дитя же едва дышало. Тогда один из тех старцев, имевший

Соловецкие святые

Старин. Варз.Синодик

теплую веру к преподобному Зосиме, сказал Адрону и жене его удивительные для человеческого разумения слова: «Не хотите ли продать сына вашего, я куплю его у вас на имя преподобного Зосимы? На что вам мертвое тело сие?» Они же отвечали: «Купи, отче! Дай нам за него сколько хочешь». Старец же взял одну серебряную монету, дал родителям, а сам взял на руки умирающее дитя со словами: «Теперь уже это не ваше чадо, но старца Зосимы Соловецкого!» Дитя же зашевелилось и стало как бы что-то жевать, а старец гладил его по главе и по устам. Тогда мальчик вдруг сказал: «Дай еще!» Отец и мать, видя сына оживающим, стали от радости кричать и благодарить всемилостивого Бога, совершающего дивные чудеса через святых своих. Благодатию Христовою и молитвами преподобного дитя укрепилось и стало здраво, и возрастало, нося на себе знамение преподобного старца Зосимы[207].

В монастырском архиве хранилась грамота архиепископа Новгородского Геннадия об освобождении от архиепископских сборов Варзугской, принадлежащей Соловецкому монастырю, церкви, данная в 1491 году[208]. Следующий по времени сохранившийся документ о Варзугских церквях – грамота преосвященного Афанасия архиепископа Холмогорского и Важеского от 1683 года на постройку новой Зосимо-Савватиевской церкви вместо таковой же ветхой. Несколько раньше, в 1674 году, была срублена поморским зодчим Климентом сохранившаяся до сих пор летняя церковь Успения Пресвятой Богородицы. В честь её часть поселка на левом берегу реки именуется Пречистенской стороной. На этой же стороне сохранился и действующий ныне двухпрестольный храм. В этой деревянной квадратной одноглавой церкви, крытой на четыре ската, были объединены престолы двух пришедших в негодность церквей: Соловецких Чудотворцев (1683 г.) и Святителя Афанасия Александрийского (1597 г.). Придел Зосимы и Савватия был освящен 16 августа 1882 года местным священником Сильвестром Иоанновичем Заринским[209], Кузоменским – Алексием Синцовым и Умбским – Савватием Гурьевым, а придел Св. Афанасия был освящен ими же 17 января 1883 г. накануне дня памяти Святителя.

Интересно, что как раз на Афанасиев день солнце впервые освещает Терский берег после долгой Полярной ночи. Солнце восходит над южной стороной горизонта, то есть как раз со стороны Соловков: откуда свет солнца, оттуда и свет веры Христианской.

«Предположительно первоначально служителями в Варзугских храмах были монашествующие: в Успен-

[207] Минеева С. В. Рукописная традиция жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI-XVIII вв.). В 2-х тт. М., 2001.

[208] Архангельские епархиальные ведомости. 1896. №19. С. 247-250.

[209] Отец Сильвестр скончался в Варзуге в 1886 году, будучи на покое. Он на свои средства (46 рублей) приобрел для храма 10 праздничных аналойных икон. Преосвященный Варлаам, отправляя новопоставленных иереев в Карелию и Лапландию, советовал им познакомиться с о. Сильвестром, от которого они могли бы научиться благоговейному и истовому служению, прекрасному чтению, пению и делопроизводству.

Служба в Афанасиевской церкви

ском – Соловецкого, а в Петропавловском – Спасского монастырей. В синодике имена иеромонаха Варсонофия (утопшаго), Исмаила и других 7 иноков Соловецких, погребенных при сей (Успенской) церкви, затем род прп. Зосимы, Св. Филиппа и т. д.»[210]. В погодных списках соловецкой братии из синодика Соловецкого монастыря[211], хранящегося в Отделе рукописных фондов Государственного музея истории религии удалось найти несколько имен, имеющих отношение к Варзуге. В 1682 году записаны имена инока Евфимия и инока Иосифа с примечанием: «двое потонули в Варзуге». В 1684 году записано имя Иринарха схимника с примечанием: «варзужской приказной». Во второй части синодика среди списков родственников значатся: «Род старца Моисея Варзужанина: Симеона, Конана, священноинока Иоакима, Пантелеймона, инока Саватиа, инока Исаиа, Василиа, Марфы» (л. 115) и «Род старца Пафнутия Варзуженина» (л. 146).

Часть села на правом берегу реки именуется Никольской стороной в честь церкви Святителя и Чудотворца Николая с приделом пророка Илии, построенной в 1705 году. Эта древняя церковь также была приписана

[210] Архангельские епархиальные ведомости. 1896. №19. С. 250.

[211] ГМИР, колл. 3, оп. 1, № 392.

к Соловецкому монастырю. В ней с 1936 года находится магазин. Совсем рядом, чуть ближе к берегу реки, в 1864 году был выстроен храм в виде корабля в честь Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла. В настоящее время в этом храме игумен Митрофан по субботам совершает богослужение.

На следующее утро отец Митрофан благословил нас с матушкой Евдокией пойти поклониться «Золотому Кресту Варзуги» и оттуда пройти к чудотворному источнику, освященному в честь Князя Владимира. Матушка заторопилась: оказывается на другую сторону села можно попасть только на небольшой лодке с подвесным мотором – на «поезднице», а у лодочников бывают перерывы.

На высоких берегах реки, с каждой стороны стоят иконы под сенью или «голубцы». На нашей стороне под резной крышей-голубцом сияла икона Божией Матери Леньковская – Спасительница на Водах. На наше счастье лодочка быстро подошла, и мы пустились в путь при сильном ветре. Трудно даже представить, как справляются эти «поездницы» со стихией во время осенних штормов. Оказавшись благополучно на правом берегу, и условившись с лодочником о переправе обратно, мы стали подниматься по песчаному обрывистому берегу к «голубцу» с иконой Святителя Николая. Поклонившись кресту и храмам, мы направились вдоль реки по деревенской улице с деревянными тротуарами по направлению к холму, над которым сиял «Золотой Крест Варзуги». Минут через 20 мы уже достигли подножия креста, установленного на месте древнего городища «в память о первопроходцах Кольского Севера, монахах и мирянах Варзужского городища, отдавших свои жизни за веру Православную и державу Российскую в 1419 году от Р. Х.». Тогда, 590 лет назад, пришли на это место около 500 «мурманов» и полностью уничтожили Варзужский погост.

От креста открывается вся панорама Варзуги: улицы села привольно раскинулись в долине мощной реки с островком посередине. Вспомнив, что вчера на фотографии я видела на островке стадо коров, я поинтересовалась, как же их туда доставляют. Оказалось, что коровы, помня о сочной травке на острове, сами бредут по перекату, а глубокие места переплывают. (Фото)

Наш путь к чудотворному источнику продолжался через овражек с ручейком по огромному песчаному полю (бывшему аэродрому), затем с полчаса по лесной довольно болотистой тропе (благо, что подморозило, и грязь подсохла), наконец, за деревянным мостиком обнаружился указатель «Святой источник». Мы увидели

Ковши святого источника

Князь Владимир

сначала в лесу на склоне оврага больше десяти крестов, поставленных в благодарность за исцеление в водах источника. Около родника лавка с крышей, под которой висят огромные деревянные (топором вырубленные) древние ковши. (фото) Читаем на ламинированной табличке: «В Князь Владимирском источнике не принято окунаться. По старинному преданию для исцеления от болезней душевных и телесных необходимо омыться тремя ковшами ледяной воды с молитвой: “Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа”».

Вода в источнике совершенно прозрачная и спокойная. Вдруг матушка Евдокия радостно шепчет: «Смотри, играет! Значит, еще поживем!» Я с удивлением вижу, что на ровном песчаном дне появляются маленькие клубящиеся «вулканчики». Они действительно «играют»: перемещаются, приводят в движение хвоинки, веточки и прочий мелкий сор лежащий на дне родника. Говорят, что в прежние времена старики ходили на святой источник, чтобы узнать, сколько отпущено им еще земного бытия. Если источник «оживает» – ключи бьют сильнее, значит, еще есть время, а если источник тих, то и тебе скоро вечный покой. Я отошла выбрать себе ковш, источник затих, возвращаюсь к воде – «играет» жизнеутверждающе. И сердце мое в ответ «играет» – отзывается радостью и верой. Я быстренько скидываю одежду, обледеневшие мосточки обжигают босые ноги, но уже не страшно, а весело. Выливаю на себя три ковша «живой воды» с молитвой. И заключительное: «Аминь! Слава Богу!». В душе Пасха, в теле огонь, хотя вокруг все тот же пронизывающий ветер. И «веселыми ногами», мы бежим в обратный путь.

Святой родник

Перед нами опять открывается широкая панорама села. Я ищу взглядом кладбище на Никольской стороне. Кто-то из ушедших уже стариков рассказывал отцу Митрофану, что после революции в Варзуге жили два Соловецких монаха: Ефрем и Иоаким. Они вернулись сюда, на родину после закрытия монастыря. Отца Ефрема почитали как духовно опытного старца. Жил он скромно, нестяжательно, резал ложки. Его ложками ела вся Варзуга, и с ним делились пропитанием. Отец Иоаким держался более закрыто и независимо. Похоронены они оба, по-видимому, на кладбище Никольской стороны села. Это еще две ниточки, из тех многих, что прочно связывают Соловки с Терским берегом.

Из послужных списков Соловецкого монастыря следует, что отец Ефрем имел даже священный сан – был иеромонахом. Его мирское имя было Кривоногов Василий Лаврентьевич. Родился он в 1851 году, в Кемском уезде Архангельской губернии. В 26 лет Василий решил поступить трудником в Соловецкий монастырь. Спустя 15 лет, 16 августа 1892 года, он принял монашеский постриг. Через год – 3 октября 1893 года монах Ефрем был рукоположен в сан иеродиакона, а 14 сентября 1896 года – на праздник Крестовоздвижения – в сан иеромонаха. Около года, в 1897-1898 годах, он был строителем Свято-Вознесенского скита, а затем почти 10 лет (1898-1907 гг.) – строителем Савватиевского скита.

Часовня преп. Варлаама

В послужном списке 1900 года архимандрит Иоанникий пишет о нем: «Отличных нравственных качеств, характера кроткого, мирного, к управлению скитом очень способен, к церкви привержен». В послужном списке 1903 года характеристика похожая: «Кроток, смиренно и терпеливо управляет скитом». 19 марта 1901 года отец Ефрем был награжден набедренником. В 1907 году его назначили наместником. За усердное исполнение возложенных на него обязанностей 19 марта 1909 отец Ефрем был награжден наперсным крестом от Святейшего Синода выдаваемым. В 1909-1911 годах архимандрит Иоанникий, видя в нем ревностного помощника, дает ему самую высокую оценку: «Отличных нравственных качеств, жизни скромной, воздержной, внимательной, безукоризненной, к начальственной должности способен, к церкви привержен». 6 мая 1913 года за усердную службу отец Ефрем был Всемилостивейшее награжден орденом Святой Анны 3-й степени. Имел он также и серебряную медаль на Александровской ленте в память царствования Государя Императора Александра III.

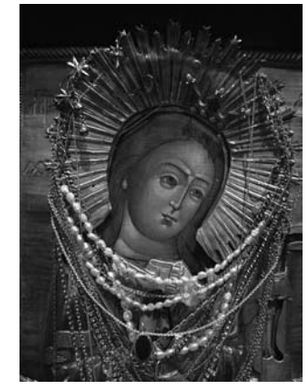
Тем не менее, в августе 1913 года, когда настоятель отправился в отпуск в Ессентуки для поправки здоровья, иеромонах Ефрем, оставшись в обители за старшего, не смог противостоять критическим настроениям против настоятеля и сам оказался в числе подписавших жалобу на него в Московскую Синодальную Контору. Настоятеля архимандрита Иоанникия обвиняли в том, что он не всегда присутствует за богослужениями и слишком энергично занимается хозяйственной деятельностью, напрасно расточая монастырские средства. Жалобу подписали 24 иеромонаха из 65, 8 иеродиаконов из 39, и 6 монахов из 128. Действительно, под руководством архимандрита Иоаннникия были построены скит на Кондострове, электростанция, новая мельница, реконструирована система каналов, перестроен пароход «Вера», братское училище выведено на уровень семинарии, но все это вменялось ему более в похвалу, чем в осуждение. Поэтому в Синоде с жалобщиками не согласились и благословили архимандрита Иоанникия уладить дело тихо, по-домашнему.

Однако мирно прекратить смуту оказалось невозможно, так как инициаторами письма были члены Собора: казначей иеромонах Анатолий, ризничий иеромонах Аверкий и делопроизводитель иеродьякон Виктор – «революционер в душе», как характеризовал его архимандрит Иоанникий. Хотя главные зачинщики смуты были разосланы по скитам, горький дух разобщения и ненависти проник в братство и уже не отступал вплоть до закрытия монастыря. Одним из первых, кто осознал свою неправоту, принес покаяние и примирился с настоятелем был, иеромонах Ефрем: «Искренне со слезами испросил прощения у настоятеля в своем тяжком грехе против него, и теперь живет в Савватиевском скиту тихо, мирно, спокойно, исполняя синодичное послушание»[212]. Будучи уже в преклонном возрасте иеромонах Ефрем после закрытия монастыря в 1923 году поселился в Варзуге, откуда, по-видимому, был родом. Здесь он и нашел себе последний приют.

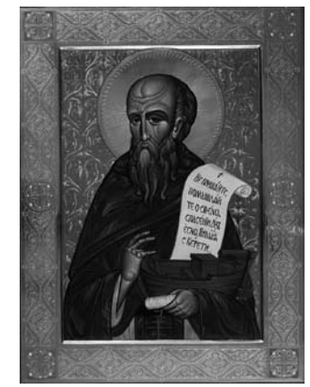
Конечно, сердце Варзуги – действующий храм Святителя Афанасия и преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких. А голос Варзуги – колокольный звон: им каждый день начинается, им и заканчивается. Самый благозвучный звон призывает всех на воскресную Литургию. Прихожане собираются с предвкушением этого праздника – малой Пасхи.

Действительно, служба здесь удивительно радостная: хор пел слаженно и естественно, без витиеватостей, два мальчика-алтарника в золотистых стихариках порхали как ангелочки по алтарю, наперегонки бросаясь исполнять батюшкины поручения, сам игумен Митрофан служил с подъемом, как и положено «пред Лицем Божиим». И воскресное Евангелие от Луки в тот день читалось о чудесном улове рыбы, как бы особо, для Варзуги, где каждый по определению рыбак. И каждый хорошо понимал ситуацию, описанную в евангельском рассказе, – если ночью улова не было, то какой смысл забрасывать сеть утром. Потому и удивлялись вере Петра, который сказал Господу: «Но по Твоему слову заброшу сеть». И все единодушно переживали это чудо, когда наполнены были лодки рыбой так, что стали тонуть. Казалось, что это все происходило здесь, на этих древних берегах.

[212] РГАДА Ф. 1201, оп. 4, ед. хр. 911.



Божия Матерь Ахтырская



Варлаам Керетский

Проповедь отец Митрофан сказал на тему слов апостола Петра: «Выйди от меня, Господи, ибо я человек грешный». Это об ощущении своего недостоинства, когда видишь чудо Божие. Для меня таким чудом была вся моя экспедиция на Терский берег, «организовать» её было невозможно, это был просто подарок от Господа. Воскресная служба закончилась, и я прощалась с храмом: поклон – Божией Матери Тихвинской в драгоценном окладе, в котором под прозрачным камешком вложена частица ризы Пресвятой Богородицы. Поклон – Божией Матери Ахтырской, многие прошения исполняющей, о чем свидетельствуют благодарственные приношения, многочисленные «привесы» на цепочках. Поклон – Всем Святым Кольским, среди которых и преподобномученик иеромонах Моисей (Кожин).

Тут я обратила внимание, что на иконе преподобного Варлаама Керетского современного письма надпись на свитке отличается от той, что я видела на древней иконе в Кеми. Я прочитала слова самого Преподобного, которыми он укреплял, являясь попавшим в беду поморам: «Не плошайте, помышляйте о своем спасении. Бог вынесет. Аз есмь Варлаам с Керети…», – вот и мне прощальный наказ от преподобного Варлаама.

Обходя на прощание вокруг Успенской церкви, я обратила внимание на единственное сохранившееся от древнего кладбища надгробие и крест на могилке с южной стороны от алтаря: «Матушка Анна Истомина. 1903 г.» Это была матушка того самого отца Михаила, который с Божьей помощью и заступничеством Божьей Матери «Тихвинской», остановил нашествие льдов в Кашкаранцах.

Желая выяснить дальнейшую судьбу отца Михаила, я попыталась найти сведения о нем в Архангельской епархии, но вместо этого нашлись данные о двух его сыновьях, Николае 1890 года и Владимире 1896 года рождения соответственно. Оба они родились в Вар-

зуге и пострадали за свои христианские убеждения. Николай Михайлович пошел по стопам отца и служил священником церкви святого великомученика Георгия в Шенкурском уезде Архангельской губернии. В 1919 году он был приговорен к одному году принудительных работ за совершение крестного хода без разрешения исполкома. Так же и второй сын, Владимир Михайлович, служивший псаломщиком при Малодорской церкви Холмогорского уезда Архангельской губернии, был арестован в 1937 году за контрреволюционную агитацию. Его приговорили к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Таких детей воспитали отец Михаил и матушка Анна.

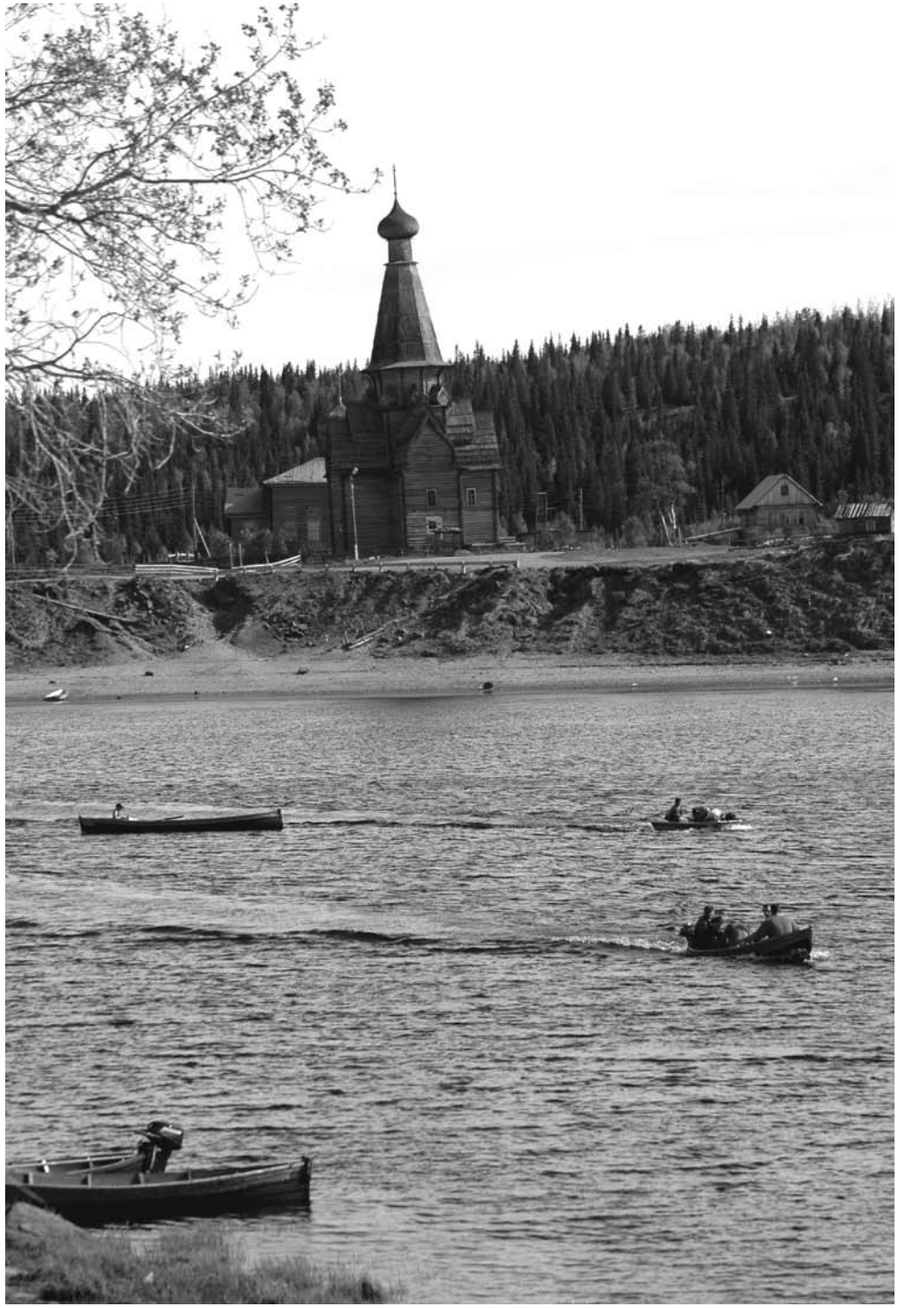
Прежде чем поставить точку, хочется поблагодарить игумена Митрофана и всех замечательных прихожан Терского берега за радушное гостеприимство и помощь. Они приглашали меня в свои дома, угощали чаем и ухой из свежей семги, подвозили на машинах. Ничего не изменилось со времен писателя-этнографа С. В. Максимова, который писал в 1856 году: «Добрый и приветливый народ Терского берега, между которым нет ни одного раскольника, и про который рассказывают, что стоит только обокраденному мужику заявить о своей пропаже в церкви после обедни, – вор или вынужденный обстоятельствами похититель, непременно скажется, или укажет на него другой… Доверчиво смотрят все терские, откровенно высказывают свое сокровенное… Гостеприимство и угощения доведены здесь до крайней степени добродушия; хозяин и хозяйка суетятся все время, принося все лучшее и беспрестанно потчуя и оправдываясь при этом тем, что по пословице, “хозяева-де и с перстов наедятся”… Доходило до того, что кормщики не хотели даже получать прогонных денег:

– С тебя деньги грех брать, странный (странник), а мы за Богом – дома! – был ответ».[213] Я тоже теперь «дома», и дай Бог когда-нибудь принимать на Соловках гостей с Терского берега.

[213] Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 236.

ЗАБОРЩИКОВ Петр Прокопьевич,
коренной житель села Варзуги, собиратель Сельского музея истории Поморских промыслов

Слово на открытии «Центра по сохранению поморского культурного наследия» на Никольской стороне села Варзуги



Слово на открытии «Центра по сохранению поморского культурного наследия»

на Никольской стороне села Варзуги

Мы сегодня с вами открыли Сельский музей Варзуги – «Центр по сохранению поморского культурного наследия». Это важное, долгожданное событие в жизни нашего села. Наиболее ясно культура жителей этих мест выражалась внешними прпоявлениями: в строительстве церквей, своих домов и иных деревянных зданий различного предназначения.

Гордостью и любимицей села Варзуга издревле является Успенская церковь – уникальный памятник древнего зодчества. Об этом прекрасном сооружении сказано не мало и оно того заслуживает по праву. Но село наше богато и иными памятниками деревянного искусства. Можно сказать, что вся Варзуга – это музей под открытым небом.

Рядом с Успенским храмом ныне восстановлена Афанасьевская церковь. Мне довелось потрудиться над ее реставрацией в течение девяти лет. Прямо скажу, не просто было разобраться в устройстве конструкции церковного купола, добиться нужных форм и пропорций, грамотно изготовить и уложить лемех – деревянную чешую маковки.

На очереди два памятника церковного комплекса на Никольской стороне села. Церковь Петра и Павла, не устану это повторять, уникальное сооружение, доставшееся нам от наших предков. Речь идет не о ее внешнем виде, который на сегодня весьма не утешителен, а о прекрасных качествах здания в плане обеспечения теплового режима, вентиляции и акустики.

Вторая церковь комплекса – Никольский храм 1705 года постройки. Только задумайтесь – какая древность. Конечно же, нынешнее состояние этого богатства нашего села, вызывает большую тревогу. Думаю, пришло время самых серьезных перемен в нашем отношении к этому наследству, к этому культурному достоянию.

В селе множество иных деревянных памятников, которые требуют к себе заботы и внимания, бережного отношения, установления для них особого статуса.

Примером такого отношения, сегодня может служить и дом, в котором вы сейчас находитесь, где мы

с вами открыли Центр Поморской культуры. Это здание построено в 1904 году Кагачевым Иваном Евдокимовичем. Прекрасным тружеником села, зажиточным помором-рыбаком, талантливым строителем. Это здание со временем было оставлено им, поскольку он переехал жить в Кузомень, где также построил очень хороший, добротный дом. Здесь же, в этом здании долгое время, до 70-х годов XX века размещалась начальная школа села. И вплоть до 90-х годов еще этот дом использовали для тех или иных школьных нужд. Время шло, печки стали разваливаться, а дом ветшать. Все шло к тому, чтобы разобрать здание на дрова. Но, к счастью, этого удалось не допустить. И вот мы здесь, видим, как старое здание обрело новую жизнь и еще послужит людям немало лет.

Еще одна достопримечательность села – дом священника Петропавловского прихода. Он входил в ансамбль зданий Никольского церковного комплекса, и после революции, с 30-х годов, длительное время служил яслями. С 90-х годов дом стал использоваться под начальную школу села. Но, к сожалению, здание пришлось перенести на другое место, но таким образом, дом был сохранен от предполагавшегося уничтожения.

Рядом с этим сохраненным зданием имеется еще один примечательный дом, построенный Стройковым Емельяном Филипповичем в 1909 году. Емельян – брат нашей знаменитой «бабушки Евфимии». Сейчас это здание на консервации и ждет своего часа. Этот дом на сегодня единственный сохранившийся в селе из построенных по старому образцу – под единую крышу. В нем и «передняя» и «задняя», хлев, двор – все под одной крышей. В нем настоящая русская печь, полати, повети, воронцы и все то внутренне устройство жилья помора, которое веками сопровождало повседневную жизнь наших предков.

Возвращаясь к сегодняшнему событию – открытию нашего сельского музея, хочу сказать, что прошедшие восемь лет трудов по его созданию дали мне возможность познакомиться со многими хорошими людьми, поддержавшими эту идею и реально помогавшими мне ее воплотить.

В первую очередь, я хочу вспомнить с благодарностью Колайду Василия Владимировича, депутата областной думы, с самого начала поддержавшего меня и оказавшего материальную поддержку.

Искренние слова благодарности я обращаю к общественной организации Норвежской стороны, с первого дня и до сих пор помогающей мне в этой работе.

Конечно же, я должен сказать и об оказанной помощи со стороны ДРСУ поселка Умбы в лице Калинина Юрия Александровича. Вспомнить добрым словом и нашу Варзужскую школу, ее учителей и учеников, помогавших мне по мере сил. И, конечно же, поблагодарить всех жителей нашего села, помогавших мне своими руками, знаниями и вложивших в коллекцию музея многие исторические предметы, оборудование и другие экспонаты.

Размышляя над историей села Варзуги, я всегда задавал себе вопрос – почему именно в этом месте наши предки в глубокой древности основали это поселение? Что заставило их уйти вверх по течению, за пороги на двадцать километров, чем столь привлекательным с точки зрения тех людей оказалось именно это место?

На мой взгляд, коренное отличие от иных рек Терского берега – прекрасные земли вдоль реки Варзуги, это сочные травы и цветущие луга. Земля во все времена являлась кормилицей человека. Обилие рыбы еще было не достаточным условием, чтобы организовать здесь полноценную жизнь. Нужны были покосы, места выпаса скота, коров, овец. Это давало поморским семьям полноценное питание, одежду, обувь. Только в районе «Ямы» (это от сюда пять километров вниз по течению), на

лугах в радиусе двух с половиной километров колхоз заготавливал в сезон до ста тонн сена. Какая богатейшая кормовая база!

Про основное богатство Варзуги – о семге, много говорить не буду. Это то без чего Варзуга не мыслит себе жизни ни в прошлом, ни в будущем. Варзуга и семга это синонимы и раздельно не живут.

Я коснусь другого, это был 1951 год, когда, помню, отправили меня на Сергозеро ловить налима. Что же увидел я в тех краях. А увидел я, не сотни – тысячи пасущихся диких оленей. Их никто не трогал, потому что содержали домашних оленей, и этого было достаточно. Спокойно ходили по лесу громадные красавцы лоси. Я был тогда потрясен количеством водоплавающей птицы, которая гнездилась на озерах, обилием боровой дичи…

Сегодня все это ушло в прошлое, и у меня болит душа и возникает вопрос – способны ли мы возродить эту потерянную красоту и богатство природы? Или будем и дальше идти по пути разрушения окружающего нас мира? Совершенно нетерпимое положение сложилось на сегодня в вопросе сохранения нашего главного богатства – семужьего стада реки Варзуги. То, что сейчас творится на реке, – этот безудержный, хищнический лов семги, и даже, (что раньше и представить себе было не возможно) в заповедных местах нереста, является совершенно недопустимым и требует срочного вмешательства властей и общественности.

Мне кажется, что этой теме необходимо будет посвятить специальную конференцию, дабы постараться обратиться к жителям нашего края и прервать эту пагубный процесс, положить конец бессмысленной и жестокой войне которую человек объявил окружающей среде, дикой природе и миру в целом.

Обращение участников Вторых Феодоритовских чтений к руководству Мурманской области и жителям всего Кольского края

Дорогие земляки, жители Кольского края!

В этом году исполняется 590 лет селу Варзуге, как первому русскому поселению на Кольской земле.

Здесь на Терском берегу удивительным образом сохранилось в полноценном виде древнее поморское село. Единственное во всей Мурманской области село, обладающее не только уникальными памятниками деревянного зодчества, но и всеми признаками самобытной культуры русских поморов. К сегодняшнему празднику села открыт замечательный музей села Варзуги – Центр Поморской культуры, где проходит эта конференция.

Усилиями местных краеведов в этом году село обрело еще одну культурную достопримечательность и духовную святыню – Варзужское городище. Здесь, на возвышенности Никольского берега согласно проведенным исследованиям, находилось средневековое укрепление первых христиан Варзуги. Здесь монахи и миряне Никольского погоста в 1419 году приняли мученическую кончину от «мурманов».

История Терского берега – это история стойкости, мужества и веры русского народа, что давали силы нашим предкам закрепиться и выстоять на этих суровых берегах. Варзужская земля и весь Терский берег обильно полита кровью тех мужественных поселенцев, что положили свои души за христианскую веру и российскую державу. Именно это обстоятельство открывает нам внутреннюю духовную причину того, почему так прочно стоят здесь церкви, почему, несмотря на все перипетии прошедших лет Варзуга остается самым крепким и красивым селом на всем Кольском Севере.

Еще в глубокой древности, с XII века русские люди, совместно с «народом корелы» сумели удержаться на этой земле и более того, породили удивительную общность и сформировали особое братство мореплавателей. Это было братство поморов, людей, для которых ежедневная смертельная опасность воспринималась, как норма жизни. Именно здесь, на самых Северных берегах Святой Руси, всем сердцем постигалась мудрость поморской поговорки: «Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался».

Все мы остро нуждаемся в духовном возрождении, а с нами вместе и весь наш Кольский край, который достоин лучшего к себе отношения. Восстанавливая историю древней Варзуги, вся Мурманская область начинает обретать свои глубокие исторические корни. У нашего Кольского края появляется подлинная глубинная история, и великие примеры для подражания, поскольку российское время на этой земле началось не с 1938 года, не с ужасов ГУЛАГа и трагедии «спецпереселенцев». И сегодня, здесь в Варзуге мы, по сути, празднуем День рождения нашей Мурманской области. От сюда, с Варзуги, с этого Никольского берега, от этого Городища и «есть пошла русская земля» на Мурмане.

Варзуга есть колыбель Мурманской области и отчий дом каждого жителя Кольского края. Потому так светло и благодатно на душе каждого, кто приезжает на эти прекрасные берега, вдыхает этот воздух и покланяется исконным русским духовным святыням.

Мы обращаемся к руководству Мурманской области, Терского района с призывом сохранить это удивительное сокровище – древнее Поморское село Варзугу. Придать ему статус исторического поселения, определив охранные зоны и перечень исторических памятников архитектуры и памятников природы. Необходимо разработать программу организационной и материальной поддержки тех инициатив, той работы, которая очевидным образом уже идет в селе по почину жителей Варзуги, энтузиастов, краеведов, патриотов.

Обращение единогласно принято участниками
Вторых Феодоритовских чтений
8 августа 2009 года

Содержание

Краткое жизнеописание
ПРЕПОДОБНОГО ФЕОДОРИТА,
ПРОСВЕТИТЕЛЯ КОЛЬСКОГО

Приветственное слово
УЧАСТНИКАМ ВТОРЫХ ФЕОДОРИТОВСКИХ ЧТЕНИЙ
АРХИЕПИСКОПА МУРМАНСКОГО И МОНЧЕГОРСКОГО
СИМОНА

Материалы конференции
ВТОРЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Доклад игумена МИТРОФАНА (Баданина)
I. Варзуга – старейшее поселение Кольского Севера
II. Исторический путь формирования духовности и традиций

Выступление КИСЕЛЕВА А. А.
Место Варзуги в истории Мурмана. Прошлое и настоящее

Выступление МАТВЕЕВОЙ А. А.
Обзор документов Государственного архива
Мурманской области по истории Варзуги

Выступление АНТОШИНОЙ С. А.
Жанровое своеобразие рассказов об осквернённых церквях
в устной традиции Терского берега

Выступление ДЯЧОК С. А.
Жемчужина Терского берега: издания о Варзуге в фондах МГОУНБ

Выступление ЖАЛНИНА Д. Е.
Музей и Церковь: некоторые вопросы взаимодействия

Выступление РОГОЗИНОЙ Н. Н.
Храни огонь родного очага.
Изучение истории и культуры родного края в Варзугской школе

Выступление ЦИРКУНОВА И. Б.
Пространственная особенность поморских поселений Терского берега

Выступление ЖИРОВА В. К.
Духовные причины современных экологических проблем.
На примере поморских сел Терского берега Белого моря

Выступление ШАХНОВИЧ М. М.
Археология реки Варзуги

Выступление КАЗАКОВА Л. А.
Варзужский сельский парк

Выступление КОЖЕВНИКОВОЙ Ю. Н.
Второе Кольское благочиние Архангельской епархии в 1887 году:
приходы, храмы, причт

Выступление КУШКОВА Н. Д.
Об истоках поморского говора

Выступление БОЛЬШАКОВОЙ Н. П.
Дмитрий Балашов и Варзуга – точки соприкосновения

Выступление ЛОСКУТОВА Д. С.
Феодорит русский широко ходит…

Выступление ОСИПЕНКО М. В.
Терский берег – северный горизонт Соловков.
Впечатления путешественника

Выступление ЗАБОРЩИКОВА П. П.
Слово на открытии «Центра по сохранению поморского культурного наследия»
на Никольской стороне села Варзуги

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ конференции

Обращение участников Вторых Феодоритовских чтений
к руководству Мурманской области и жителям всего Кольского края

Материалы конференции

ВТОРЫЕ ФЕОДОРИТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ